

елена
макарова

смех
на
руинах

роман

елена
макарова

смех
на руинах

роман

<http://books.vremya.ru>

<http://books.vremya.ru>

самое время!

елена
макарова

смех
на руинах

р о м а н

МОСКВА 2008

ББК 84Р7-4
М15

Дизайн, макет — Валерий Калныньш

Макарова Е.

М15 Смех на руинах: Роман. — М.: Время, 2008. — 368 с. — (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-0338-2

Найдется ли на свете такая история, которой никогда не было? Этим вопросом озабочен главный герой романа Елены Макаровой «Смех на руинах». Новоиспеченный Чичиков готов купить небывалую историю за любые деньги. Да где ее взять? Фантасмагорический сюжет разворачивается в реальности, однако имеет множество отсылок к прошлому, к руинам XX века, из которых и произросли персонажи романа. Пошлости разрушителей и выхолщивателей противостоит отчаянная попытка художников собрать осколки воедино и возродить смысл. Само название романа — это цитата из песни, написанной в конце лагере и ставшей гимном: «Мы еще посмеемся на руинах гетто».

ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-9691-0338-2

© Елена Макарова, 2008

© «Время», 2008

часть первая

ЛИЗЕЛОТТА

1. Крепкая развалина

Рассвет. В темных проемах арок едва различимы беломраморные глыбы — останки колонн поверженных, раскоряченных, кастрированных — падающие фаллосы императоров всех империй. Фертильные кошки и те не могут зачать от них.

Тощие, поджарые, полосатые, альбиносы, гладкие, жирные, всклоченные, черные, худые, колченогие, хромые, распластались и дремлют, довольные развалом империи и полной вседозволенностью свободы.

Они пробуждаются с восходом солнца, вытягиваются на передних лапах, выгибаются, прогибаются, разминаются, упражняются, шныряют меж колонн, принохиваются, случаются, блаженно постанывают, повизгивают, трутся боками о мраморные обрубки Колизея. Но эту старую посудину, эту самодовольную кастрюлю с пробойнами для выпуска пара, воскурений и фимиамов, не пронять ничем, даже запахом едким, от коего международные туристы зажимают носы, а японцы надевают марлевые повязки.

Кошки-колизейки, свободолюбивые и своенравные, кокетки и ветреницы, занимают позиции: рыжая-жирная — билетерша, черная поджарая с пятном под глазом — на входе, остальные на постах — сторожить поверженные колонны да давать гайд-тур на языке мур-мур. Колизей-Колоссеум, мур-мур, служил ареной, мяу-мяу, не только для кровавых гладиаторских боев, но и для морских сражений, ффр-фррррррр. В плохую погоду или нестерпимый зной, амфитеатр накрывался специальным тентом, мяу-мяу, мур-мур-мур...

Нет, не зря они здесь едят и плодятся — у них страховка, прожиточный минимум, они зацапали сектор обслуживания и приятного обхождения.

Гордые, нахальные, рыжие-бесстыжие.

Колизей краснеет. Небо напрягается, сторожает, обводит жирным карандашом «Луч-Б8» контур древней развалины во фронтальной проекции — сливается с солнцем в жгучем утреннем поцелуе в большое место, в обломыш весом приличным, луч зализывает рану, умывает Колизей, как кошка народившегося котенка, уродливого, колченогого, но сильного, как ни отпихивай — сосет.

Дырявая кастрюля набралась света, приосанилась, готова принять в свое лоно Юпитерское свиту просителей миротворцев чокнутых неофашистов храмовых старушек бездельниц и бездельников департаментских и коалиционных предателей жевателей жвачки и даосистов седьмого дня и восьмого пришествия ламаистов буддоподобных и праведных клерикалов архитекторов бойскаутов и ковбоев без коров. Да, кстати, никаких собак! Профиль собаки взят в кружочек-мишень, перечеркнут крест-накрест красным — здесь царство кошек!

Одноглазый кот на контрольно-пропускном пункте. Он — заслуженный пенсионер, он — полиция нравов, он — всё, он правым глазом видит то, что не видит левым. «Это кто тут пытается пролезть без билета, без приглашения, без протекции и предварительной записи?» Чуть что — хвост трубой: «Отставить смешки! Молчать на руинах!»

2. Кто здесь смеялся?

Известно кто. Пройдемте-с! Под ораторию «Гильгамеш» на чешском языке в Австрийские Альпы, в горы за городом, где родился Моцарт, восемьдесят шесть километров по горным дорогам к озеру, от озера в допотопный лес с густыми темными елями и белыми валунами, смертельно белыми со времен потопа, единственно сохранившимися бледными свидетелями размывания почв океаном, — но и лес минуем, выйдем на опушку, отсюда уже рукой подать до дома того, кто смеялся. Убогое каменное создание с карманом-окном на боку, в окне: стол, приемник, очки — все в паутине. Здесь жил человек, который когда-то, много лет тому назад убил кого-то, отбыл срок, вышел, и убрался в леса. Он вырыл яму, обложил ее камнями и просидел в ней несколько лет, покуда не пришло ему на ум выстроить тюрьму с окном кривобоким. Там он и жил, до самой смерти ни с кем словом не перемолвись. С рассветом вставал, с заходом ложился. Удивляют во всем этом очки. Он читал? Что он читал? Слушал музыку, это ясно, ораторию «Гильгамеш» на чешском языке, и смеялся на руинах, которые и были он сам, человек-руина, убивший кого-то там и умерший по собственному приговору без электричества и человеческой речи. С тех пор дом пустует, он стоит как прокаженный, как больной СПИДом, никто к нему не подходит, никто его не грабит — приемник вполне приличный, можно бы взять, в оконном проеме нет стекла. Нет, никто не берет. На это есть прозаическая причина — богатства несметные живущих вокруг, со стадами

пышнотелых сисястых коров, с зелеными ставнями на окнах, с цветами ярчайшими на подоконниках, — чистота такая, что для мертвой мухи специальный контейнер изобретен на выброс, а уж о бумажке, или обертке конфетной, или салфетке использованной ни-ни обмолвиться — коровы чистые, хлева чистые, наличники расписные, тишина и ритм шарманочный, никакого гильгамеша на чешском языке, песни на местном диалекте, женщины в платьях с кружевными передниками, — но все это там, за косогором, за лесом допотопным, ближе к озеру, а дом убийцы, в нем гильгамеш с ведьмами мусоргскими и много бравурности и смерти в речитативе. Приемник в доме, дом в низине, низина в горах, горы в небе — Калевала! Из калевалиного яйца все это вылупилось, по чему мы сейчас ходим, и ездим, и летаем. Человек, который тихо смеялся, день ото дня превращался в руину, и, если позволительно будет такое сравнение, стал похож на разрушенную церковь, поросшую хилыми деревцами, травкой-муравкой, лопухами развесистыми. Смех его, перевалив альпийский хребет, затерялся в доме старушки, о чем найдена запись в ее тетради:

«Дом человека-руины — классическая скульптура шизофреника».

3. Эрна Бауэр и Лизелотта Сальери в предельном покое

Эрна Бауэр, хитрованка семидесяти с гаком, в тяжелых черных ортопедических ботинках, с седой косицей и румянцем на щеках (чуть дряблых), — старая девочка, по опреде-

лению местечкового еврея из нездешних мест, — живет с теткой Лизелоттой, девяноста лет с гаком, в Кройцензее, в домике у озера, в Альпах, в предельном покое.

Утром в сад неслышно заруливает машина. Статная красавица в помощь старой развалине Лизелотте — умыться, смазать кремами всевозможными, зачесать на лоб волосенки редкие, зашнуровать в корсет, одеть, посадить за стол, накормить, убрать, — у Кристины (так зовут помощницу) муж-индус исчез в Индии, не звонит, не пишет, — надо подрабатывать на детей, вот она и ездит, совсем не похожая на прислугу, — у нее одной подход к Лизелотте, и Лизелотта наверняка просит дьявола, чтобы не возвращал Кристине мужа, и дьявол, как водится, внимает Лизелотте.

Музыка Сальери. Аккуратная вышивка, без слез и смеха, без упаданий в бездны.

Лизелотта Сальери, суперлитературный персонаж, отравила в 30-х годах прошлого века свою сестру, мать Эрны, смертельным ядом, — мать осталась вечной красавицей, а девяностолетняя Лизелотта деревенеет день ото дня, валяется сухой щепкой на берегу озера на раскладушке (не вздумайте представить себе раскладушку советского образца: защитного цвета хаки с множеством тугих пружинки и защелок), обмазана кремами питательными, противозагарными и противовоздушными. Она теряет красоту, публично обнажаясь в пустынном месте, ее видят деревья, вернее их кроны, облака или просто небо, хотя сомнительно, чтобы

нашлась такая точка в безоблачном небосводе, которая нацелилась бы на эту телесную оболочку в виде щепки, или жерди, или панциря лоснящегося.

Воздушные ванны на берегу неподвижного озера — все отражается в нем, как есть в натуре, разве что вверх ногами, так что и сама Лизелотта Сальери по закону оптики зеркально опрокинута в воду вместе с раскладушкой, и, кажется, взболтни эту гладь ногой или взбудоражь камнем брошенным, пойдет наша Лизелотта ко дну вместе с панцирем-раскладушкой. И поделом. Запятнала себя. Пятно замазано толстым слоем крема питательного. Под ним — застывшая картинка мастерской придворного ваятеля, чистокровного арийца, где она, Лизелотта, скидывает с себя одежды, встает в позу Матери-Германии, напрягает мелкие мускулы лица и широкие мускулы бедер. Она — центральная фигура монумента, постепенно обрастающего пышногрудыми кормилицами, дискоболами, атлетами, Венерами и Посейдонами, стоит под портретом хайль гитлера в чем мать родила еврейская, а в перерывах между сеансами сосет необрезанный член ваятеля, любимца фюрера, а значит, всего народа, к которому она по крови не принадлежит, но когда хочется, а ей очень хочется, и арийские мозги раз плюнуть запудрить, она, мол, теперь, не только лицо народа, но и само влагалище детородной Матери-Германии.

О, Лизл!

О, Адольф!

Кристина обряжает предсмертную особу в трахт, баварский костюм национальный, с фартуком крахмальным и кружевами.

Подайте зеркало!

Лизелотта сама заправляет волосенки под шляпку, такую нагрузку она еще может себе позволить. Ах, как она любит порядок! Все убрать, прокипятить, пропылесосить, простерилизовать, и потом, в белизне и опрятности, принимать на террасе соседей — вечных аккуратистов, маниакально выпальвающих сорняки и подстригающих под гребенку траву на своей территории.

Эрна — за рулем красного «фольксвагена». Лизелотта в темных очках рядом. Цурюк на родину Моцарта, в концерт!

После концерта — ритуал разоблачения. Слой за слоем снимает Эрна с Лизелотты капустные листья баварские и думает об устройстве человеческой психики, в частности тетушкиной, как перемешано все в ее мозгах и при этом четко разложено по полочкам. Первая мать Лизелотты была еврейкой и погибла в Освенциме, вторая — Мать-Германия — тоже погибла, но о потере первой Лизелотта не помнит, а вторую не может забыть.

Файф-о-клоки постылые на террасе у озера. Практикующий геронтолог, бывший нацист, и его моложавая супруга-программистка с приношениями. Пирог с луковой начинкой и конфеты с пьяной вишней. Эрна выставляет шнапс. Разговоры. Новое в области геронтологии — вы-

тяжки из бычьей крови на эфирных маслах в виде капсул. Повышают эластичность внутренних органов, что приводит к омолаживанию. Бесконечному, в принципе. Так что мы к вашим услугам, милая Лизхен. В этом несовершенном из миров...

Лизелотта костлявой рукой потирает лоб.

— Ах, скорей бы, поскорей бы...

Ах скорей бы поскорей бы выключить свет

чмокнуть в лобик

гуте нахт — красе уходящей

гуте нахт — красе отравленной молодости

спокойной ночи

гутен морген малах а мавет!

доброе утро ангел смерти!

4. Ангелы собора Св. Вольфганга с фрейдистской позиции

«Наиочаровательнейший пример архитектуры Высокой Готики — Церковь пилигримов Св. Вольфганга в Вольфгангзее (Австрия). Построена в 1141 году, перестроена к 1429 году, окончательно завершена к 1683 году. Всемирно известный “Алтарь Пахера” был создан великим тирольским резчиком по дереву и живописцем Михаэлем Пахером (1435—1498).

В 1676 году баварский мастер барокко Томас Шванселлер сдвинул “Алтарь Пахера” влево и на его месте выстроил ныне знаменитый двусторчатый алтарь.

...Сопоставим ангелов Пахера и Шванселлера. Характеристики их резко отличны. Ангелы Пахера представляют собой мальчиков примерно восьми-двенадцати лет, тогда как мальчики-ангелы шванселлера выглядят полуторогадовалыми и трехлетними. Пользуясь психоаналитической терминологией, можно сказать, что мальчики-ангелы Пахера находятся в латентном периоде и предпубертатном возрасте, в то время, как шванселлерские херувимы лишь становятся похожими на человеческие подобию, они в самом начале эдиповской ситуации».

Подперев кулаками розовые щечки, старая девочка размышляет об ангелах в свете фрейдистской теории об эдиповом комплексе.

Чехвостить ангелов на ночь глядя — стоит ли? Не лучше ли просто любоваться этими легкомысленными созданиями? Как из них вырастают малахи-маветы*? Ведь были и они молоды, надували пухлые щечки, гудели весело в дудочки барочные... Но вознеслись высоко и состарились в полете. В полете — не на ложах пышных с дамочками сомнительными!

Тихо, мы разбудим Лизелотту!

* Малах а-мавет (*иврит*) — ангел смерти.

5. Лизелотта дышит спокойно

Глазные яблоки в паутине склеротических сосудов, под тонким панцирем отсыхающие внутренности, скукоженная душонка, поверх всего — крем. Не ундиной с хвостом мишурным, а тухлой рыбой набальзамированной уходит она под воду.

Мелодраматический спуск на дно озерной глади.

Звенит крышкой чайник, умаялся он кипеть и потеть. Эрна выключила газ, плеснула кипятку в кружку, прислушалась. Лизелотта ворочается и стонет.

Тихонько приоткрыла дверь в душистые покои. Одеколони и лосьонами, кремами и маслами пропитана тетушкина кожа, а внутри — сушь, все болит внутри, пучит живот, отдает в бока!

Шлаф, танте, шлаф!*

Фотограф велит принять позу. Мать — краса вечной молодости и дочь с косицей и румяными щеками обнялись перед камерой. Меж тем Лизелотта Сальери берет из рук знакомого аптекаря ампулку, прячет ее в сумочку и бежит на randevу к шурину, то бишь к отцу Эрны. Вечером, во время семейного обеда, матери делается дурно.

Фотографии будут готовы через неделю. Мать — краса вечной молодости — в черной рамке. Стараниями Лизелот-

* Спать, тетя, спать (нем.).

ты Эрну переправляют в Лондон. С глаз долой. Но кто знает, что бы произошло, останься она на территории рейха. Скорее всего, давно бы в живых не было.

6. Ночные прогулки в допотопном лесу

Зашнуровать высокие ботинки, взять фонарик с ножичком в наборе и идти на прогулку, рассказывая себе по дороге сказки братьев Grimm. Деревья с оголенными корневищами, похожими на женские колени, шуршат листвой, валуны белые торчат из земли волглой, чем дальше в лес, тем темней и страшней, но вот миновала чаща, и светлеет у опушки, там, за полем, дом покойного убийцы едва виден. Посреди поля огромный камень, очертаниями напоминающий круп лошади, Эрна подходит к нему, гладит холодные шершавые бока.

Мир идей — в ночи все кошки серы — беден, мир вещественный, зримый, осязаемый, обоняемый — резко пахнет ночной фиалкой — богат, и все кошки его разные. Луч от фонарика освещает поверхность гранита, крупитчатого, сверкающего, перебирается ниже, к траве, к отдельным травинкам, — слетается мелкая мошкара, — свет фонарика не может достичь дома покойного убийцы, да и на что он ей сдался, — но тянет туда, тянет так, как в детстве перечитывать страшную сказку, и Эрна решительно пересекает поле, светит фонариком в окно без стекла, на очки и приемник, — страшно, очень страшно, бегом отсюда. Заяц перебежал дорогу, за ним второй. Эрна топает по лесной тропинке до

первого поворота, сворачивает к дороге. Ортопедические ботинки отбивают дробь по асфальту.

Дома, в укрытии, она заваривает чай, раскрывает блокнот и пишет про ангелов, эдипов комплекс и суицид, — часы тикают громко, кажется, кто-то бродит вдоль озера, неужто малах а-мавет? К кому он направляется в гости?!

А если это херувим?

Нет, настолько она не может ошибиться.

7. Шабес-гой*

Он живет в Нахлаоте** в маленькой комнатенке с окном на иерусалимский базар. По будням предлагается новостная программа нон-стоп. Можно не смотреть, но невозможно не слушать. Базарная музыка громкая, у нее свои крещендо: анавим — шекель вахеци!!!*** и свои пиццикато: «бейцим-бейцим-бейцим...»****.

По шабатам***** и праздникам базар прекращается. У отвыкших от тишины стучит в висках. Евреи, оглушен-

* Шабес-гой (*иврит*) — нееврей, прислуживающий религиозным евреям в шабат (см. ниже).

** Нахлаот — район Иерусалима.

*** Виноград — полтора шекеля.

**** Яйца.

***** Шабат — Суббота, день отдыха и молитв религиозных евреев.

ные покоем, беседуют с Всевышним на повышенных тонах. Как воспитатели в интернате для слабослышащих.

Праздники у евреев долгие и муторные, как проливные дожди в среднерусской полосе. Как зарядят, так на неделю, а то и больше. В эти дни евреям Законом запрещено работать и заниматься домашним хозяйством, никакой брэнности — молись, пой и пляши во славу Творца и Творения Его.

Закон ихний все дела делит на богоугодные (мицвот) и небогоугодные, то есть грешные. Последние все пересчитаны, от крупных до самых что ни на есть микроскопических — за 600 зашкаливает, — и за каждое надо просить прощения, это же не на один день! Добрым делам предела нет, и никто их не пересчитывает. Чем больше, тем лучше.

Шабес-гой, русский гражданин Израиля, обслуживает местную религиозную общину Нахлаота, проще говоря, выполняет за евреев ту работу, которую им запрещено делать в праздники. Разогревает пищу, включает и выключает свет, вещи с места на место переносит, за умеренную мзду, разумеется. Руки заняты, голова свободна, думать есть о чем. Особенно здесь, в духовном центре мира. Вот он и думает.

Вынырнем из потока и поплывем против течения, скажем, по направлению к Гоголю. Авторская исповедь. Потребность большего уединения заставила писателя покинуть Россию. Потом он дважды в нее возвращался, один раз даже с тем, чтобы остаться в ней навсегда. И, странное дело, среди России он почти не увидал России. Вообще, он за-

метил там некоторую перемену в умах. Всяк глядел на вещи взглядом более философическим, чем когда-либо прежде, во всякой вещи хотел увидеть ее глубокий смысл и сильнейшее значение: движение, вообще показывающее большой шаг общества вперед.

Для писателя, коим Шабес-гой себя считает безо всяких видимых на то оснований, жизнь — это материал для работы. Сюжетов много. И вовсе не все базарные. Но, чтобы управлять ими, нужно либо выйти из себя, либо раздвоиться. Как перед зеркалом, где жизнь (я) и зеркало (литература). Шабес-гою ни то, ни другое не удастся — то он плетется у жизни в хвосте, то забегает вперед, то крутится вокруг нее, как юла.

Угомонись, жизнь, дай написать твой портрет с натуры!

Куда там! Тотчас является пейсатый бугай и с порога приказывает: жену в родильный дом свезти, шкаф передвинуть, убрать волос, упавший с бороды в тарелку, прибить таракана и занозу у жиденка из задницы вынуть.

Жизнь угомонить можно, да поди угомони еврея!

8. Нравственный аспект

Писателю, чья миссия столь высока, а влияние на умы столь велико, опасно ошибаться. Подумать только, каких бед накликать на нас Гоголь «Мертвыми душами»! По примеру Чичикова теперь скупают и перепродают предметы, на земле и вовсе не существующие. Луну разобрал частный

сектор Америки, не всю пока, правда. Обратную ее сторону, малоизученную, сохранили за развивающимися странами. Фантасмагория стала повседневностью. Вот что случилось из-за Гоголя!

Лучше не заноситься в фантазиях. Писать с натуры. Но если писать с натуры, прототипы узнают себя и обидятся. Что делать? Дождаться прототиповой смерти? Но это и вовсе безнравственно. Литература — зеркало души, а зеркало не обманешь. В выражении «прототипова смерть» звучит издевка. Может, проще сказать? «Чтоб не обижать прототипа, надо дождаться его смерти». Нет, так еще хуже. Оставим как было. Ради красного словца классики русской литературы наобижали уйму невинных людей. От одного Гоголя вся Россия рыдала. Шабес-гой решил искать фабулы в газетах. Как Достоевский. Он накупил русскоязычной прессы и углубился в чтение.

9. Американская история

Отец и дочь (мать умерла, когда дочери было три года) остались вдвоем. Они любят друг друга, дочь не желает, чтобы отец женился, и тот этого не делает. И тут к ним заявляется дама с сообщением, что она мать девочки. Отец, обескураженный ее безапелляционным тоном, отвечает на приподнятых тонах — я вас не знаю и знать не хочу. Правильно, — соглашается она, — дело в том, что вы — не отец девочки. В родильном доме перепутали детей. Девочка, которая досталась ей, безапелляционной даме, к ее большому

горю скончалась во время операции. Но как вы узнали, что это не ваша дочь? По крови. Ни ее, ни ее мужа кровь не подошла для переливания. Анализ на ДНК подтвердил — девочка чужая. В родильном доме были получены данные их семьи. Знает ли он, что его жена скончалась от той же болезни, что и ее дочь? Так что возвращай нам нашу! Удар среди бела дня. Дочь забрали. В новой семье она не ела, не спала и не разговаривала, только плакала и просилась обратно. Она таяла день ото дня, так что, не дожидаясь суда, ее вернули туда, откуда взяли. На фотографии в газете трогательный снимок — дочь-не-дочь в объятьях отца-не-отца.

Вывод: нравственный императив важней генетики. Сюжет продан в Голливуд за бешеные деньги.

10. Русская история в Иерусалимском центре абсорбции

Федор Смирнов после войны женился в городе Омске на еврейке. Бывает. Жили они тяжело. Федор пил, жена плакала. Из-за этого у нее под глазами расплзлись черные круги. Пил Федор из-за войны, где, как он говорил, и превратилась его душа в головешку. Образ души-головешки не отпускал Федора Смирнова. Широкоскулый, небритый, с кривой ухмылкой и красными белками от пьянства и тоски, ему сопутствующей, или наоборот, — он после завода усаживался в кухне на табуретку о трех ножках, пил и глядел в окно, на заводские трубы, копоть и белый снег. Сын его тоже рос угрюмым. Когда сына призвали в армию, Федор Смирнов сказал жене — убьют его там. Так и случилось. Федор Смирнов

и не всплакнул даже, он знал — хорошего от жизни не жди. Жена же билась в истериках, тощала и превратилась в полного инвалида. В это время началась перестройка и прекратилась (правда, не сразу) медицинская помощь. Тут и пришел ей на ум Израиль. Умереть, мол, по-человечески. Федор Смирнов согласился. Умереть по-человечески — это дело.

Лететь предстояло через Москву. Сборы отняли порядком времени и сил — оформляться, сдавать квартиру, складываться. Звучит вроде как ничего особенного, но здоровье жены совсем стало никудышным. В Шереметьевском аэропорту с ней случился сердечный приступ. Пока дозволись «скорую», жена скончалась.

Что делать Федору Смирнову? В Израиль или в Омск обратно? Работники Шереметьева сказали: дело твое, или лети обратно с телом, или оставь тело и лети туда, куда собрался, или поменяй билет туда и похорони жену в Москве, только это не выйдет с омской пропиской. Решай, Смирнов, скорей.

Смирнов пошел в буфет, приложился и стал приставать к каждому встречному-поперечному с вопросами: забрать тело в Омск или свезти в Израиль, и кто пропишет коренную сибирячку на московском кладбище? Встречных-поперечных не всколыхнула чужая беда. Им лишь бы рейс не пропустить. И тогда Смирнов взял курс на вылет — прочь от родного безучастного народа.

В аэропорту Бен Гурион ему выдали новый паспорт, какие-то деньги и бумажку на такси. Таксист доставил Смирнова в иерусалимский центр абсорбции. Кругом евреи. Хоть и из

России, хоть и говорят по-русски, но евреи. Остановится Смирнов около кухни — потянет носом, вспомнит Омск и жену плачущую с обедом вкусным, — и тотчас обматерит евреек. Те молчат в тряпочку, но и супу не дают в наказание. Еще пуще затосковал Смирнов и стал задираться. Стал пакостить.

Пришла как-то к нему иностранка в берете и платье длинном, — шув-шув, чув-чув — что за язык такой! Вот наш, русский язык, — Смирнов высунул язык и ткнул в него пальцем, — вся речь на кончике! Иностранка обиделась и ушла. Оставила на столе мешок шуршащий с детским питанием. Смирнов выкинул его в форточку и лег спать.

С тех пор, по свидетельству обитателей центра абсорбции, Смирнов из своей комнаты не выходил. Ему и умереть по-человечески не удалось. Управдом взломал дверь, сотрудники «Хевра Кадиша» осмотрели бездыханный труп и отказались от него. Смирнов был необрезанным, он вообще евреем не был, куда такого девать? Говорят, свезли на изгойское кладбище.

В центре абсорбции пустили утку: мол, Смирнов и на кладбище задирался. Требовал от гробовщиков отвезти его в Омск, а жену с сыном, евреев в законе, раскопать и перенести на Святой земле, вот на этом самом месте. Но те засыпали гроб землей и ушли. Будут они каждого покойника слушать!

Быль: жили-были в городе Омске муж-пьяница с женой-еврейкой. Был у них сын, да погиб. Решили они уехать в Израиль, чтобы помереть по-человечески. Но и это не вышло.

Сказка: жили-были в одном городе парень и девушка. Парень был русским молодцем, косая сажень в плечах, а девушка из жидов, и не хотели их родители, чтобы они поженились. Не послушались они родителей и стали жить вместе. Родители прокляли их, и пошла у них жизнь кувырком.

Далее — по тексту.

Кстати, история с телом жены Федора Смирнова так и осталась непонятной. Надо обратиться в редакцию за разъяснением.

11. Всему виной торопливость

Те, с кем Гоголь встречался в России, большею частью любили поговорить о том, что делается в Европе. Почти у всякого образовывалась в голове своя Россия, и оттого бесконечные споры. А Гоголю нужны были такие беседы, как бывали в старину, когда всяк рассказывал только то, что видел, слышал на своем веку, и разговор казался собраньем анекдотов, а не рассуждением. Это ему нужно было уже и потому, что и сам он невольно начинал заражаться этой торопливостью заключать и выводить, всеобщим поветрием нынешнего времени.

Торопливость заключать и выводить — всеобщее поветрие нынешнего времени. Вот так из замечания Гоголя выводится заключение.

Я очень много думал, — пишет Гоголь, — о том, каким бы образом узнать многое, делающееся в России, живя в России.

Перефразируем: Я очень много думал о том, каким образом узнать многое, делающееся в Мире, живя в Мире.

Разъездами по государству не много возьмешь: останутся в голове только станции да трактиры.

Перефразируем: Полетами по миру не много возьмешь: останутся в голове только аэропорты да гостиницы.

12. «Путь на Голгофу». Синописис первой серии полнометражного художественного фильма.

Копирайт Шабес-гоя

На рассвете группа поборников мира добралась до Яффских ворот. Они прибыли из страны, где шла война, дабы пройти Христовым путем по Святой Земле и помолиться в Храме Гроба Господня за скорейшее прекращение кровопролития.

Недалеко от Яффских ворот поборников ждала гостиница «Империал». Сонный араб заполнил двадцать карточек, выдал всем по ключу, have a nice time!*

Руководитель группы Иво Ивотич велел всем собраться через час и поднялся в свой номер — обшарпанный, с высокими потолками и паутиной в углах. Прождав час с небольшим, он постучался в комнату мужчин.

* Have a nice time (англ.) — желаю приятно провести время.

- Все на крестный путь!
- Дай поспать чуть-чуть!

Постучал в комнату девушек.

- Нас ждет Голгофа!
- Да нам и так плохо!

Иво вернулся в свой номер, написал жене открытку о достопримечательностях Старого города и удачном местоположении гостиницы и вышел на улицу. Красота, солнце, прямо у входа в «Империял» старый араб торгует апельсиновым соком. Десять шекелей стакан! Пока Иво боролся с соблазном, его обступили торгаши — кто с бусами, кто с видами Старого города в гармошку, кто с зажигалками — купи да купи! Нахалы, поди, и у Голгофы торгуют, рассердился Иво.

Меж тем группа собралась в гостиничном холле на завтрак. Пьяные не только от счастья, все обнимались и целовались до самого ужина. Танцевали в большом номере на четверых. День закончился плачевно — группа морально разложилась и не вышла из «Империяла». Иво подпоили. Он потерял бдительность и оказался в постели с самой старшей дамой из группы.

Утром он приписал в открытке про апельсиновый сок. Как старый араб разрезает апельсин пополам, как кладет его сочной стороной на набалдашник, как нажимает на рычаг и как стекает в стакан тонкая струйка оранжевого сока. За раз восемь штук уходит!

У его дамы поднялась температура, Иво принес ей аспирин, а она его затянула в постель, об него остывать. Иво остудил ее, но и пожурил — для чего они сюда приехали, ведь не для этих же дел, но дама объяснила, что в этом городе сосредоточена особая энергия. Иво согласился, он тоже что-то такое чувствует.

Все же днем он справился у хозяина «Империаля», можно ли нанять гида для одиночки. Чтобы было что рассказать по возвращении. Ноу проблем, ноу проблем, улыбнулся хозяин и вызвал гида. Тот отвел Иво к Стене Плача и приставил к ней носом. Толстый нос маленького Иво уперся в расщелину, из которой торчала жгутом свитая бумажка. Можно написать Всевышнему, подсказал гид, и Иво написал прошение о мире. Бог един, как это ни смешно! И Иво громко рассмеялся, тем самым нарушив благочинную тишину Святейшего места. Предупредительный гид взял под руку странного туриста и повел его к римским развалинам. Дорийские колонны подпирали небо. «Это все, что осталось от древней улицы Кардо», — пояснил гид.

Вернувшись, Иво приписал к открытке Стену Плача и древнюю улицу Кардо.

Приполз таракан, рыжий-бесстыжий, усталился на Иво.

«Долго так будет продолжаться?! Пойдем мы на Голгофу или так и будем спать?!» — закричал Иво. Сбежались девушки, пообещали собрать всех, но разбрелись по номерам и пропали из виду.

Дама Иво лежала в постели, грызла семечки и читала порнографический роман. По стене полз таракан.

Два последующих дня прошли в горячечном бреде, главным образом из-за тараканов, которые теперь или везде ползали или везде ему мерещились, даже на даме он в самый пикантный момент обнаружил огромного усача. Был на ней усач или ему показалось? Глядя на одно и видя совсем другое, Иво захлебывался от смеха. Написал жене открытку о том, как он смотрит на Стену Плача, а видит Храм Гроба Господня, смотрит на башню Давида, а видит Гефсиманский сад.

В предотлетное утро миротворцы привели себя в порядок, приняли таблетки от головной боли и вышли из «Империала». Не зная дороги, Иво шел впереди.

Кругом лавки со всякой всячиной, по узкой лестнице арабского базара спускаются и поднимаются толпы туристов. Они все скупают, но меньше от этого не становится. Поборники мира — тоже люди, и им хочется сувениров. Но что купить, как выбрать? Святая вода из Иордана в пузырьке, святая земля в пробирочке, лампадное масло в бутылочке... Майки, ковры, фески, куфии, магендавиды, четки, открытки, путеводители, слайды, деревянные тайные вечера — ласт сапперз, ослики и Марии, распятия православные и католические...

Выбирая для жены колечко, Иво заметил на стене шильдик с надписью «Виа Долороза» на английском и арабском.

Выходит, это и есть путь, по которому Христос шел на Голгофу!

Голгофа приближалась и при этом совершенно терялась из виду ввиду непроходимости в товарах.

Братья, что же это делается, — воскликнул Иво, — крестный путь, и тот затоварен! — Слова эти, вырвавшиеся из самой глубины Ивова сердца, растворились в общем гуле.

Как пройти на Голгофу? — обратился Иво к благообразной старушке, но та махнула на него рукой и пошла дальше. Чем он ей не угодил? Сувенирами не увешан, из нового на нем только крестик, да и то заправленный под рубашку. С тем же вопросом обратился он к туристу с фотоаппаратом, турист указал вверх. Все двинулись в указанном направлении и скоро оказались на крыше с выпуклой полусферой.

Никакая это не Голофа, — рассердились поборники, — иди и ищи ее, а мы здесь подождем.

Иво пошел в разведку. Завидев маленькую дверцу в стене, он приоткрыл ее и встал на пороге. Пред золоченым алтарем сидели на лавке черные монахи в белых одеяниях и пели на непонятном языке. Иво заслушался и забыл, зачем пришел.

И тут из полутьмы выступил Георгий Победоносец. Тараканы у тебя в голове, одни тараканы! — сказал он и занес над головой Иво карающий меч. — После того, что ты выделявал в «Имперiale», тебя следует на куски разрубить. Но я назначаю тебе другую кару. Распнись, принеси себя в жертву воинственному человечеству, смой грех

с души! Но не смей приближаться к Голгофе! В огне сгоришь.

Потрясенный увиденным и услышанным, Иво вернулся к группе сам не свой.

Распните меня, други!

Неси крест, приколотим!

Нисколечко им его не жалко.

Иво вынул крестик из-за пазухи.

На этом? Да где мы гвоздики найдем малепушенькие?!

Распни! — закричал Иво не своим голосом.

Пришлось уважить начальство.

Иво распяли на выпуклой полусфере. Взявшись за руки, полегли вокруг него други на минуту молчания. Получилась многоугольная звезда с Иво в центре.

Говорят, Голгофа находилась близ озера Силуан. Во время раскопок Софья Палеолог обнаружила останки горы и само озеро, которое, как и гора, с прошествием времени глубоко ушло под землю. Поборников мира с почестями опустили в озеро, и история эта получила название «Жертвоприношение в озере Силуан близ Голгофы».

Война при этом не прекратилась. Но тараканы из «Империала» исчезли. В тот самый день, когда шумная группа покинула гостиницу и хозяин с уборщицей, по заведенному обычаю, обходили пустые номера, они ни нашли в них ни одного живого таракана. Сплошь мертвые тушки. Уборщица полдня сметала их на совок и сжигала в тазу. Избавив-

шись в одночасье от ненавистных насекомых, «Империал» взвинтил цены. Хозяин разбогател и купил себе трех жен.

Семьи исчезнувшей группы долго горевали. Вдова Иво и по сей день не верит в эту историю. Перечитывая открытки из Иерусалима, она всякий раз находит в них то, чего там нет.

Конец первой серии.

13. Разглагольствования матушки и батюшки

Ах, батюшка, таковою прозою в наши времена разве что тараканов травить!

И то правда, матушка, тараканов! Байками-то ентими, иродов усатых!

Так им и надо, батюшка, окаянным! Да как бы и впрямь попередохли от этого, я б еще не то наплела вдогонку. Эка, впрямь, катавасия, батюшка, словами нечисть разить!

Невидаль, невидаль, матушка. Пришла поутру, а они там лежат кверху лапками...

Все как один, батюшка, что солдаты гвардейские, усы нафабрены, мундиры начищены.

Но без потомства, вероятно?

С потомством.

Осмелюсь не поверить...

И очень здря, батюшка, потому как это чистая логистика...

Логистика?

Так точно, логистика, ну сам посуди, куда потомству деваться без кормильца...

И правда, куда же ему, на самом деле, без кормильца...

Кто это там, матушка, пробежал?

Где, батюшка?

Вон-вон, черненький, усатенький...

Ах ты нечисть, батюшка, ты его подстроил...

Да он у тебя из-под манжетки выскочил, видали-с!

Ой, батюшка, скорей расскажи что-нибудь этакое, дух захватывающее, пока черненькие не расплодись...

Рыжие уйдут — черные явятся, как с нечистью сладить?!

Словом, батюшка, только словом!

14. Пассаж про телесные удовольствия и душевную радость в ночь украденной луны

Взошла полная луна и осветила горное озеро. Заплавали по воде звезды и облака.

Кому тишь да гладь могла помешать?

Силам зла.

Схватили они луну и унесли за альпийский хребет, да так далеко и высоко, что отсюда не видно. Погрузилось озеро в беспробудную тьму, и вышли к нему люди, друг другу не видные. Хорошо, когда никому ничего не видно, тела в истоме друг о друга бьются, любовный стон берет высокую ноту, эхо разносит его по горам и ближайшим окрестностям.

Эрна прислушалась. Не Лизелотта ли стонет? Заглянула к ней.

Нет, показалось. Должно быть что-то ворочается и стонет в ней самой.

Все же вернулась за фонариком, посветила с порога на личико в чепчике, — глаза закрыты, дышит беззвучно, капельки пота пузырьками выступают из-под крема.

Стоны и шорохи при этом не прекращаются.

Ангелы с алтаря Пахера — начальная стадия пубертата, — записала Эрна и нажала указательным пальцем на кнопку торшера. Свет погас.

Чудотворные силы обслуживают наш быт, одним движением превращаем мы тьму в свет и свет в тьму.

Эрна влезла в тяжелые ботинки, зашнуровала их туго, взяла фонарик с ножичком в наборе и вышла из дому. Не спится, няня!

Луны на месте не было, и темень стояла неоглядная. Эрна ощупью пробралась к деревянной купальне, повернула в скважине ключик, схватилась в темноте за нос каноэ, провела рукой по борту и со страху чуть в воду не плюхнулась — чья это голова, волосы, кто здесь?! От ее крика разом смолкли шорохи и стоны.

Кто здесь? — повторила она, и нежный голосок прошептал: это мы.

Дело молодое, пусть, — подумала старая девочка и вышла из купальни.

Сколько плоти бушующей, сколько складок нервических на одеждах святых. Жан-Батист Грез, слезы раскаянья на

лице Магдалины, глаза — виноградины, sprыснутые солевой водичкой, — страсть наказуема!

Не видно ни зги, одни шорохи да стоны.

Старость подкралась незаметно. Слова, сцепленные намертво — это клише. В искусстве можно и без клише обойтись, в жизни — нет. И если уж мы думаем словами, то именно эти три слова точно передавали то, что думала Эрна. Вспоминать об упущенном горько, смотреть в будущее — тоска.

А ты на меня смотри, — услышала она женский голос.

И правда, она увидела Хендрикье, жену Рембрандта, выходящую из воды и вытирающуюся полотенцем. Откуда взялся свет? Из полотна, должно быть, — и старая девочка, расплетая косицу, подумала, — встретиться ей Рембрандт тогда, в веку семнадцатом, она бы служила ему душой и телом, и теперь бы служила, хотя тело ее утратило былую привлекательность, да и характер у нее далеко не покладистый.

Свет исчез вместе с Хендрикье, стала старую девочку дрожь прохватывать — странная дрожь, явно не от холода, — смешно даже, в ее возрасте и положении профессорском, смешно.

Захотелось подсмотреть за теми, в каное. Не то чтобы она не знала, как такие дела делаются, но давно это было. Воспылала она желанием раздеться догола да и подлечь под кого-нибудь. Жар охватил ее чресла, и она села на траву, широко расставив ноги.

И тут налетели сатиры и веныры, взялись Эрну раздевать да щекотать. Залилась она залиvistым смехом — и появилась луна. Потрепанная, бледненькая, совсем уж на исходе.

Стало видно. Не все, правда, но кое-что. Силуэты в драпировках барочных, Магдалина Грезова сморгнула слезы и смежила веки.

На рассвете явился сам Клод Моне с бабочкой под горлом, ущипнул голую Эрну за розовую щечку и велел ей готовить завтрак на траве.

Сатиры и веныры уминали за обе щеки и пили вино из хрустальных фужеров Лизелотты Сальери — никто не отравился.

15. Пропозлы* Шабес-гоя

...напишите пропозл свяжите смех на руинах с психотерапией в пропозле должна четко проследиваться одна мысль в концлагере людей спасал смех и это психотерапевтическое средство может быть использовано в борьбе с терроризмом в решении межнациональных конфликтов а также в среде неизлечимо больных раком и СПИДом сформулируйте предложение в одном предложении на полстраницы детали никого не интересуют концепция в чистом виде успех зависит от умения выгодно продать материал ружье должно выстрелить пропозл это пицуц...

* Пропозл (от *англ.* proposal) — заявка, предложение.

Пицуц, ПИцуц, ПИЦуц, ПИЦУц, ПИЦУЦ!
ВЗрыв, ВЗрыв, ВЗРыв, ВЗРЫв, ВЗРЫВ!

Пишем: на картине будет изображен мальчик, стоящий на коленях спиной к нам, на первом плане голые пятки, фронтально — седой мужчина, за его спиной на заднем плане нечеткие лица. Свет изнутри наружу. Тона темные.

Купите пропозл на «Возвращение блудного сына»!

Не купим. Фигня.

Пишем: своей картиной мы хотим сказать о нынешнем неблагоприятном положении в обществе где главной проблемой стала деформация отношений «отцы — дети» и показать как после долгих странствий сын в конце концов возвращается к отцу а человек к богу. Картина будет выполнена маслом (растительным из расчета два литра за сто крон) на холсте два метра на полтора из расчета сто крон за метр расходы на процесс создания произведения (почасовые) 1000 крон на минуту работы

Это ни в какие ворота, мораль нынче гроша ломаного не стоит.

Пишем: Эта картина новейшее средство борьбы с запорами ее цвет возбуждает перистальтику при необходимости картину взболтать соскрести с нее чайную ложку масла и запить кипяченой водой из-под крана

Готовьтесь к провалу — вас сожрут фирмы-конкуренты, которые для тех же целей продают вещички похлеще.

Что же нам делать, что же нам делать, мы из Восточной Европы, мы не умеем торговать...

Научитесь торговать по-новому! Продавайте пицуц, а не абстракции типа «смех на руинах».

16. Шабес-гой гуляет в шабат по Нахлаоту

Пустые бутылки из-под кока-колы и спрайта, из-под миц тапузим, миц эшколиот, миц тапухей эц* гремят по пустынным улочкам страны Агнона**, шуршат под ногами пустые пакеты-сакиты, ветер перекачивает по асфальту большие пузатые бутылки, надувает воздухом пустые пакеты-сакиты, и те парят над землей, наполненной молитвенным бормотанием.

Но ветра нет. В том-то и дело, что ветра нет. Бутылки сами по себе катятся, банки сами по себе гремят, пакеты сами по себе летают.

Не азазель ли, хас вэ халила***, играет бутылками в футбол? Или Гоголь спросонья перепутал Диканьку с Нахлао-

* Миц тапузим, миц эшколиот, миц тапухей эц (*иврит*) — сок апельсиновый, сок грейпфрутовый, сок томатный.

** Агнон — Шмуэль Йосеф Агнон (1888–1970) — ивритский писатель, лауреат Нобелевской премии.

*** Не азазель ли, хас вэ халила... (*иврит*) — не дьявол ли, боже упаси...

том? Точно Гоголь. И ничего он не перепутал, явился за доказательствами. Надоело ему огульно очернять всех и всяческих жидов. Вот его слова в прошедшем времени: «Ему нужны были сведения, как нужны этюды с натуры художнику, который пишет большую картину для своего собственного сочинения... Он опасался хоть бы чем-нибудь погрешить против действительности, против времени или эпохи, какая им взята».

Готовы ли мы, вслед за Гоголем, выдержать высокое осмеяние, лишь бы только добиться своего?

У Гоголя предложение было длинным, риторическим и завершалось точкой. А мы заменим ее на знак вопроса, нечего тут церемониться, — явился гоголем в Нахлаот — получай.

17. Шабес-гой возвращается с прогулки и пишет «Вечера на хуторе Нахлаот»

Кто не любит тихих нахлаотских вечеров, когда жидаы в ермолках, склонивши низко головы и часто и мелко кланяясь, читают Тору, — как игрушка-курочка зернышко клюет, так и жидаы зернышко по зернышку умножают сокровища свои. Взглянемте на нахлаотские кособокие крыши, на эти дырявые головные уборы, которые вот-вот снесет ветром и смоеет дождем, — жиду хоть бы что, он так и будет стоять по колено в грязи в своей развалюхе, так и будет читать свою книгу, так и будут резвиться вокруг него жиденята, так и будут тянуть за веревочки, которые носят у них назва-

ние цицес, так и будет дородная жидовка отделять мясную посуду от молочной. Жиды от голода помрут, но не позволят себе есть из одной посуды молочное и скоромное, экий пресмешной народ, рабы Закона!

В шабат и по праздникам нельзя заниматься никаким делом, за исключением богоугодного. В их книгах написано, какое дело считать богоугодным, а от какого бежать как черт от ладана. Для дел неблагоугодных богачи нанимают Шабес-гою, бедные же евреи обходятся сами, свет не включают, еду не разогревают, в лифте не ездят, и при этом всем сердцем радуются шабату. Парадокс этот объясним разве что упрямой любовью жидов к Творцу. Как только не истреблял Он их во гневе, — и потопом, и язвой моровой, и гитлерами — они знай себе молятся и псалмы в Его славу распевают.

Иной раз руки чешутся — так бы и надавал им щелбанов! Но рукам лучше воли не давать, себе дороже выйдет.

Так вот, пейсатые выделили Шабес-гою маленький закуток в большом доме, где кроме него нет ни одной живой души, дабы не соприкасалась она с неверным. Платили за услуги Шабес-гою гроши, лишь бы с голоду не окошел. Будучи человеком православным, Шабес-гой никогда не жаловался, а всегда благодарил, кланяясь в пояс.

И вот однажды ночью слышит он шаги, кто-то бежит и ругается по-ихнему. Взглянул в окно, а там здоровенный жирдяй в молодуху вцепился, та от него вырывается, а он заарканил ее и держит.

Втаскивает несчастную в Шабес-гоеву комнатенку и жирным пальцем в нежную ручку тычет. Кожа розовая,

пальчики один к одному, глаза что изумруд, ресницы до бровей — красавица, каких не сыщешь, что этому упырю с пейсами и цицес* от нее понадобилось? А тот подвел красавицу к Шабес-гою, тычет белою ее ладошкой в Шабес-гоев нос. Что тут прикажете делать? А он возьми да и поцелуй тыльную сторону красавициной ладони. У жирдяя пейсы напряжинились. Набрал он воздуха в легкие и возопил не по-нашему. Тут-то до Шабес-гоя и дошло — ноготь у красавицы сломался, как бы не оцарапала она своего жирдяя во время шабатних любовных утех.

С тяжелым сердцем пошел он за ножницами. В маленьком шкафчике не было никакого порядка, все пожитки свалены в кучу, долго искал он ножницы, пока не нашел одни, да и те плохенькие, такими ли прелестный ноготок стричь?! Но делать нечего, не терять же из-за одного ноготка поприще!

Шабес-гой указал красавице на стул. Она села на самый краешек, подала руку, а сама глаза отводит. Слезы из-под ее полуприкрытых век так и катятся. А жирдяю хоть бы хны, накручивает пейсы на палец да дергает веревочки цицес.

Состриг Шабес-гой ноготь. Все. Все, да не все, красавица мизинчик подставляет. Ножницы кривые, а ноготки ровненькие, не обождать ли ей с маникюром до завтра? Нет, она требует сейчас же все подравнять по остриженно-

* Цицес (*иврит*) — ритуальная принадлежность традиционного еврейского костюма.

му. Шабес-гой вспотел от натуги, да и красавица сама не рада, надувает обиженно губки, смотрит строго на неумеху, а у того сердце вот-вот из груди выпрыгнет.

А как дело закончилось, жирдяй схватил Шабес-гоя за руку и повелел все ногти, до малюсенького кусочечка, ссыпать в спичечный коробок, и коробок этот положить ему в нагрудный карман. Да что же за обычай варварский! Однако и тут Шабес-гой поступил так, как указал жид.

Ушли они, а Шабес-гой встал у окна и долго глядел вослед красавице, чьи ногти остриг он и собрал в коробок по просьбе вахлака-жирдяя. И такая разобрала его тоска — почто променял он на Нахлаот степи украинские?

Во время оное Гоголю долгехонько бы пришлось сюда добираться, даже если бы начал не с Днепра, а с Италии, — тогда каждый клочок проезженной земли всем телом ощущался, теперь одни воздушные ямы — не колдобины российские, не крутизна гор итальянских, — воздушные ямы, — соф*.

18. Лизелотта плоха с утра

Ухожена и обмазана кремами, накормлена и напоена, выставлена на берег в раскладушке — и так до обеда. Губы сжаты плотно, сухи пожухлые лепестки губ, голова прикрыта соломенной шляпой с вуалью, под которую никто не заглядывает, разве что прошлое. Пошлое прошлое. Горечь

* Соф (*иврит*) — конец.

и отрыжка, что она съела, да все как обычно, кружочек сосиски, кусочек яичницы, клубничину. Разбухшая печень давит под ребра, пустяшная еда, и та не усваивается.

Проходящие мимо выглядят странно, может потому, что она смотрит на них снизу вверх, сквозь дырочки в соломенной шляпе, не люди, рыбы в сетях, жирные камбалы, тощие леши, простолюдины салаки, нежная форель...

Форель бросает гутен морген фрау Лизелотта. Лизелотта приподымает шляпу костлявой рукой, — разве это кожа, одни обмотки, — зовет Кристину. Что-то ей как-то не так, нельзя ли передвинуть ее вместе с раскладушкой к кромке озера или увести в дом.

Кристина опускается перед Лизелоттой на колени, заглядывает под раскладушку.

К вам тут кошка в гости пожаловала!

Вот она и чувствует, что ей как-то не так. Откуда это урчание, хруст, чавканье нечеловеческое — омерзительные звуки!

Брысь, рыжая-бесстыжая!

Кошка вылетает из-под укрытия и несется в кусты.

Кристина перетаскивает Лизелотту вместе с раскладушкой к кромке озера. На гравии — кровь, останки недоеденной рыбы.

Что там?!

Кошка форель сожрала.

Как сговорились сжить меня со свету! Отродясь у нас кошек не бывало! Чья она?

Приблудная, из Колизея.

Кристина, вы не в своем уме!

Точно, фрау Лизелотта, не в своем. Слова произношу чужие. Все плывет и летает... Кто-то смеется... Иной раз так громко, что уснуть не могу.

Лизелотта прислушалась. Никто не смеялся.

19. SMS Всевышнему

Стена плача высотой в пятнадцать метров служит евреям главпочтой. Большая ее часть была сложена при Ироде Великом, верхние же ряды — во время восстановительных работ в годы правления мамлюков и турецкого господства. Считается, что останки Иерусалимского Храма обладают сверхпроводимостью и что именно отсюда информация напрямую поступает Всевышнему. По сообщению ИТАР-ТАСС, Стена работает круглосуточно, любой паломник, отправляющийся в Иерусалим, может передать прошение от родственников, соседей и друзей. Желательно краткое, дабы не засорять Стену бумажками, а эфир — шумом.

Примеры:

Г-ди, сделай, чтобы Ривка забеременела

Г-ди, помоги Шмуэлю открыть дело

Г-ди, накажи Дору за кражу

Г-ди, избавь меня от Ицика и цуцика

Г-ди, дай мне силы для... (приложить перечень)

С развитием новых технологий, сообщает далее ИТАР-ТАСС, появляются все новые способы доставки. Израиль-

ские разработчики проекта «Скайспелл», в рамках которого действует уникальная система передачи SMS «на небеса», предлагают новейшую услугу. Обратившийся с просьбой или посланием через интернет-портал сможет виртуально присутствовать на главпочте и наблюдать сам момент передачи SMS Всевышнему. Для получения ответа достаточно приложить мобильный телефон к древним камням. Беспроволочный контакт со Всевышним удобен и выгоден — от него не остается мусора.

Где находится ИТАР-ТАСС, не знает никто, а где евреи — известно каждому. Они — на главпочте. По-прежнему бьются головой о Стену, по-прежнему запихивают в щели бумажки. Даже тот, кто прикладывает к древним камням мобильный телефон, не уходит без того, чтоб не оставить записку. На рассвете нижнюю часть Стены моют из брандспойта, к утру все готово к приему новой почты.

20. Вирджинец посещает привокзальный ресторан

Убедившись, что записка прочно сидит на месте, он чмокнул теплый камень и, медленно пятясь, удалился от места еврейской скорби. Дело сделано, пора вести девушку в ресторан. В данном случае в привокзальный.

Вокзал закрыт, но ресторан в арабском стиле, с несметными сладостями в золоченых вазах, с коврами на стенах, с побрякушками из стекла и латуни, свисающими ото-

всюду, с вполне интимным светом и умеренной за все ценой, — работает.

Мы не знаем, чего просил податель прошения у Всевышнего, но явно не пахлавы. При виде сладостей его бросало в пот. Потел он и по объективным причинам — избыток веса, плохое кровообращение и повышенная возбудимость.

А что девушка?

Ну еще одна девушка, которая что-то сочиняет.

Он пригласил ее поужинать, дабы скрасить одиночество. Представился Вирджинцем, сказал, что изучил ее историю — есть интересные сюжетные ходы, поинтересовался, ходят ли поезда из Иерусалима в арабские страны. Она объяснила, что с этого вокзала поезда вообще никуда не ходят. Иногда русские устраивают здесь хепенинги, приносят чемоданы, усаживаются на рельсах и пьют водку. Вирджинец развеселился. Как обманутая мечта, верно, это сильный образ — ждешь, ждешь, а оказывается, ожидаемого предмета вовсе не существует. Великолепно, беру вас в бизнес!

А какой у вас бизнес?

Скупаю сногшибательные сюжеты.

Принесли шашлык. Вирджинец с чавканьем поедал мясо и запивал его вином. С подбородка стекали красно-коричневые капли, и он ловил их салфеткой. После вина и шашлыка вирджинец распоясался, стал вплетать в абстрактные рассуждения натуралистические подробности.

Я Ему такой пистон вставил! Если б Он прочел мою записку, Стена Плача от смеха бы рухнула. Ха-ха-ха!

К кофе подали сладости, завитушки сахарные с орехами и медом и круглые печенюшки с кремом внутри. Вирджинца пробил пот. Скормить девушке! Привел в ресторан — пусть хавает. Откройте ротик, пусечка, разожмите губки, мусечка! Каждая штучка, вами поедаемая, призвана означать потайные местечки. Вот кренделечек-писенька, вот печенюшка-сисенька!

Губы Вирджинца то наливались и вытягивались наподобие хобота, то, напротив, расстилались по лицу и делались с ним одного огненно-красного цвета. Перед девушкой сидел людоед и ел ее по частям — ушеньки, сосочки, пипочки, пупочки...

21. Чем кончилось посещение ресторана для девушки

Она услышала звук приближающегося поезда, бросилась на платформу и легла на рельсы. Но никакого поезда не было.

22. И чем для Вирджинца

Он с приятностью прогулялся до гостиницы «Мишкенот ше-Ананим» (по-нашему — «Обитель беззаботных»), разлегся на диване и стал думать в известном направлении. Женщины! Кто знает их, и не за это ли мы их любим?

Мысли о женщинах его никогда не усыпляли. А тут как в яму провалился, и спал бы себе глубоким сном, да пробудил его смех надрывный. Включил настольную лампу — ни-

кого. Заснул — тот же смех. И так всю ночь напролет. Наутро — полная нетрудоспособность. Провал деловой встречи. Плюнул на все, улетел в Америку.

В самолете ему заложило уши проклятым смехом, особенно невыносимыми были соседи слева — хохотали безостановочно, как от щекотки.

В больнице, куда он был помещен, его выворачивало от одного воспоминания о привокзальном ресторане с его приторными сладостями, ушками и пипками. Вызвали экстрасенса, и тот все объяснил. Оказывается, на Иерусалимском вокзале серьезная проблема с биополем. Там, где должны ходить поезда, они должны ходить, иначе пустота заполняется шлаками, отбросами, харкотой и мокротой, — всю эту мерзость надо вывести из организма. Процессу выведения шлаков очень поспособствовало бы его письмо девушке, которую он пригласил в ресторан. Написать без утайки, что он думал, когда ел шашлык и пичкал ее сладостями.

Вирджинец понял врачебную тактику. Но если вернуться к изначальной ошибке, писать надо не девушке, а Стене Плача. Оттуда все пошло.

23. Читает ли Он наши записки?

Да что ж ты такого написал, батюшка?!

Это не для хьюманбингских* ушей, матушка!

Он и читать не станет. Никто не читает!

* Хьюманбингских... — от human being, человек (искаж. англ.).

Никто никому рознь, этот востроглазый — мелкие просьбишки в сторону, а что против него обращено, тотчас пришьет к делу.

Тогда у него там целый capitoлий дел этих!

И не один! Взгляни, каких туч наслал за невинные речи.

Зонтик при себе надо иметь, батюшка.

Язык за зубами надо держать, матушка!

24. Шабес-гой листает дневник

«1978.2.1. Все европейские города построены примерно по одному образцу. Центральная площадь с собором и колокольней, река отделяет старый город от нового, обязательна река с мостами, что еще? Еврейский квартал или гетто, с синагогой разрушенной и восстановленной, сюита Баха и маленькая ночная серенада Моцарта.

Из города в город ходят поезда. К большим советским вагонам пригнаны маленькие SW, Брест — Варшава — Прага — Берлин — Париж — Гаага.

Провожать и завидовать импортным чемоданам на колесах, с цветными наклейками, женщинам в светлых плащах непрактичных; нигде им не жмет и не давит, все по размеру, или даже на размер просторней, чтобы не стеснять, и этакая небрежность в закидывании ножки на ступеньку вагона.

Иностранцы!

Неужели и они умирают?

Кукушкой из часов выскакивает из вагона проводник. Паспорта и билеты, пожалуйста. Не спеша, по одному скрываются в вагоне иностранные пассажиры, раскладывают там свои вещи и выходят належке на платформу. Покурить на перроне с друзьями, без надрыва и слез при расставании.

Войти в купе, занять чужое место, стать иностранцем...

До отправления поезда номер два с Белорусского вокзала остается пять минут. Просьба к пассажирам занять свои места, просьба к проводяющим — освободить вагоны.

Часто здесь появляться не стоит, примут или за гебешника, или за стукача, или за агента международного шпионажа.

Через час с Киевского вокзала отправится поезд номер шесть в направлении Киев — Будапешт — Белград — Рим. Притвориться проводяющим, слоняться у хвостовых вагонов SW, вдыхать чужие запахи и вздыхать от невозможности уехать, пересечь границу. Можно притвориться и уезжающим, но на такую дерзость он не способен. Скоро необыкновенные люди с легкой походкой и звонкими голосами уедут и останутся обыкновенные, ассортимент в наборе: темные пальто, каракулевые воротники, сдавленные голоса, непроницаемые лица».

Время изменилось, он изменился. И ничего не произошло.

25. Эрна и Лизелотта в соборе Св. Вольфганга

Поутру выезжает из сада красный «фольксваген», сворачивает на горную дорогу вдоль озера. Лизелотта в кокетливой шляпке летней, с сумочкой, набитой лекарствами и кремами, объезжает угодья, делает заметки: тот дом куплен теми, этот — этими. Вдоль озера пристани, рестораны, кафе, гостиницы, кемпинги — все выдержано в красно-зеленых тонах, цветы ярчайшие везде — на балконах, стенах, клумбах, — всякое свободное место занято цветами в обрамлении ленточек, кружавчиков и рюшечек. Эрна рулит, не поворачивая головы, кивает в час по чайной ложке на слова Лизелотты, а сама подумывает, не навестить ли ангелов Пахера и Шванселлера.

В семьдесят с гаком желательно помалкивать за рулем. Эрна внимательно смотрит на дорогу сквозь толстые стекла очков, жмет на педаль носком ботинка ортопедического. Впереди — свидание с ангелами. Это примиряет.

Собор Св. Вольфганга. С щекастых херувимов сметают пыль шваброй. Пупсы-купидоны, завитки решетки в виде ветвей переплетающихся, цветочки желтые и красные, с крупными выпуклыми сердцевинами, — все протирается мягкой велюровой тряпочкой.

Алтарь Пахера еще не убран и не освещен. Мария в золоченой драпировке и ореоле трубчатом держит на руках сыночка-Христа, а тот отвернулся от нее, глядит невесело.

Благолепие и тишина действуют благотворно и на Лизелотту. Она наконец умолкла и отдыхает душой.

«Мощь барокко в увековечивании иллюзий, — мы взрослеем и поступательно уничтожаем одну иллюзию за другой. В отличие от взрослеющих детей, херувимы сохраняются в своем блаженном состоянии, им неведомо грядущее падение. При виде них в нас воскресают дивные воспоминанья, что-то из утраченного детства... При всей реалистичности лепки — это фантазии искусства.

Согласно греческой мифологии, херувимы произошли от младенца Эроса. Способность взрослого любить и выбирать сексуальных партнеров зависит от первой младенческой любви. В этом смысле верно, что стрела, направленная маленьким ребенком, вызывает во взрослом сексуальное желание.

Наблюдая херувимов и мальчиков-ангелов Святого Вольфганга, мы способны как войти в эдипово состояние, так и выйти из него. Погружаясь в забытые и подавленные фантазии детства, мы обогащаем свой внутренний мир».

В алтарь вошли служка с мальчиком. Крестясь и кланясь, служка снова принялась протирать бронзовые цветочки и листочки, где не блестит — там пыль. Она протирает, а мальчик, растолстевший пахеровский ангел, ходит за ней следом.

Эрна загляделась на них и сбилась с мысли. Так и дома: стоит Лизелотте обратиться к ней неважно с чем — и нить потеряна.

Мальчик заметил старушек на скамье, подошел к ним вплотную, уставился. Мол, он здесь хозяин, а они кто такие? Кто впустил их сюда в неприятный час?

Задобрить бы мальчишку пряником, но у Эрны с собой одни таблетки — от желчи, отрыжки и всяческих несварений.

У Лизелотты, особо чувствительной к чуждым взглядам, заныло в животе. Царственной поступью пересчитывает она многоугольники инкрустированные — всякая мелочь тут продумана. Эрна провожает взглядом ангелов, с их улыбкой в полумраке малахамаветской. Лизелотта стонет, с трудом удерживая газы в кишечнике, долго еще идти? Нет, вот в эту дверку с надписью «служебное помещение». В клозете яблочный запах, розовое мыльце, белая мягкая туалетная бумага, краники никелированные. Лизелотта приподымает юбки, садится, оглашает клозет звуком трубным, — сколько еще силы в кишках, спасибо доктору, она еще на плаву.

Эрна держит Лизелотту за руку, на всякий случай, откуда у нее эта цепкость кошачья, — остриженные ногти глубоко впиваются в мякоть. Старая девочка свободной рукой поправляет на себе шляпку перед круглым зеркалом, — в нем она по грудь, а Лизелотта, наоборот, без головы на толчке собора Святого Вольфганга.

26. Мотогонки в Риме завершились победой

С визгом, едва касаясь земли, кружат мотороллеры. Кошки-колизейки, свободолюбивые и своенравные, кокетки и ветреницы, — по углам попрятались.

Прохожих тоже как ветром сдуло. Одна старушенция, глухая, по видимости, осталась сидеть у стены Колизея. У ног — корзина с розами, пройдет соревнование, все цветы раскупят. От нечего делать старушенция обрывает с роз вялые лепестки. Мотороллеры как пробки из шампанского вылетают, колеса их огненные крутятся. Черти окаянные, нечисть, из-за них, небось, вся небесная епархия во фронт стала. Всепроникающий и животворный, нету мочи терпеть!

Подхватила остроногая старушенция корзину с розами, пнула ногой ящик, на котором сидела, и заковыляла прочь от дьявольской карусели. Во дворе дома потрепала собаку за львиную морду, поднялась на чердак, поставила розы в воду и включила телевизор.

И тут страсти-мордасти, кого-то из-под руин выгребают, пощелкала пультом, испанка поет, под гитару, хорошенькая, с красной розой неоципанной, не слышно, но смотреть приятно.

Меж тем мотогонки завершились победой и произошло награждение. Повремени старушка чуток — сторговала бы розы.

27. Всю дорогу до Зальцбурга Лизелотту донимала отрыжка

Нельзя отправляться в такую даль на голодный желудок. Всю желчь порастрясло, ох, только бы до доктора дотянуть.

На острие меча Самаэля капля желчи, смертельный яд*. Увидишь в изголовье ангела крылатого, Лизелотта, — роток на замок.

Эрна притормаживает, выводит Лизелотту продышаться. Моросит, погода в конец испортилась, далеко ли до Зальцбурга?

Ах, Моцарт! Бросили в яму с чумными, посыпали сверху хлоркой. Или дустом? Сама Констанца не нашла могилы. Не яд Сальериев, умер бы от СПИДа, поди, за юбками не попевал. Ангелы, кстати, тоже горазды под юбки заглядывать, своими глазами видела.

Лизелотта злится на Эрну, такую поездку утомительную затеяла, крюк вышел приличный. «Фольксваген» еле ползет по старому городу, везде пробки.

Мы обжили и благоустроили Европу, посмотри на эту грязь кругом! Зачем столько эмигрантов и иностранных рабочих? Отменить въездные визы, а тем, кто здесь, дать милостыню в виде одноразового пособия, и выдворить.

Как ты их распознаешь? Одетые с чужого плеча всяческих сейлов, они мгновенно меняют облик и растворяются в толпе.

Пусть что угодно носят и где угодно спят, в саду у фонтанов знаменитых, на газонах, на лавочках под плакучими ивами, — я их везде распознаю!

Лизелотта выдвигает нижнюю губу. Оставим эту тему.

* Согласно легенде, ангел смерти Самаэль приходит к умирающему с мечом, на его острие капля желчи; умирающий от страха открывает рот, и желчь, падая, убивает его.

28. Лизелотте предписана тотальная чистка

Вдохнуть — и не дышать! Доктор погружает пальцы под Лизелоттины ребра. — Прелесть, не правда ли? — указывает он на лепных ангелов на потолке. Четыре ангела сошлись лбами и беззвучно дудят в дудочки, они смотрят вниз, прямо на Лизелотту, из точки схода свисает люстра с цветочками мелкими и стеблями витыми.

Кстати, эту люстру я в свое время купил у еврея, музейный экземпляр, югенштиль, филигранная работа. Да... Некогда наши художники славились умением передавать тончайшие нюансы, воспроизводить сложнейшие формы и сочетания, не обходились одним необходимым. Засор, много шлаков, — желчные протоки не справляются.

Доктор повернул Лизелотту на бок и отошел к умывальнику.

Такие экспонаты теперь днем с огнем не найдешь!

Медный литой умывальник с толстым носиком, где он его раздобыл? Не в Мюнхене случаем?

Не помню, где купил, но что точно — там его уже нет.

Доктор вытер руки о полотенце и принялся растирать Лизелоттины ноги, от пятки к коленке, разгонять лимфу.

У бабушки с дедушкой в Мюнхене был такой же точно умывальник, — вспомнила Лизелотта, но не сказала. — Под ним стояло ведро, и нужно было следить, чтобы оно не наполнялось до краев.

По мнению талмудистов ангелы были сотворены в день второй, а наш Иероним утверждает, что до сотворения ми-

ра. Занятно. Народный фольклор, культурология мифа, очищенного от религиозного мистицизма. Мы — продукты стольких культурных напластований... Повернитесь на другой бок, Лизелотта! Вы хорошо спите?

Да. Только сны донимают. Давеча приснился лев летающий, из пасти — фонтан, летит по небу и сеет дождь...

Интересно. У пророка Иезекииля сказано, что у херувимов с одной стороны лицо человеческое, а с другой львиное. Летающий лев принадлежит сонму херувимов. А еще я вычитал, что слово «ангел» переводится с греческого как вестник, а греки в свою очередь перевели с древнееврейского, на древнееврейском вестник — малах, интересно!

Засор, шлаки! Тут нужна не превентивная, а агрессивная чистка.

Лизелотта приподнялась на подушках, в поле зрения попал деформированный череп доктора. Голова его, кажется, еще сильнее скривилась, глаза превратились в щелки, а бесформенные губы слились со щеками. Но мужчина не должен быть красавцем, сила его в интеллекте и потенции.

Супруга доктора, блондинка в очках и строгом двубортном костюме, накрывает на стол. Супчик с зеленым горошком и морковью, вареная телятина, картофель лакированный, без единой черной пупочки. Все диетическое. Если не возражаете, я поставлю Моцарта. Чтоб чуть приглушить бой часов. Моцарт никогда не мешает, но всегда помогает. Он настолько близок нам, настолько от нас неотделим, — ни его не слышно, ни часов.

За обедом Лизелотта рассказала: приснился ей лев летающий, из пасти — фонтан, он летит по небу и сеет дождь. Вместо туч.

Вам можно только позавидовать, — сказала фрау доктор, — я с детства не летала во сне. Сны, как гороскопы, жаль только — времени нет подмечать универсальности.

Да у нас с тобой, милочка, подсознание сталактитами обросло, — сказал доктор и осекся. Порой выскочит слово совершенно неожиданное, будто бы не его вовсе. Будто суфлер нашептывает, а он повторяет. — Да, главное вывести шлаки из организма...

Лизелотта молчит, облокотившись спиной о высокую спинку стула. Вот уж на что не стала бы она тратить, так на универсальности, ей бы печень разгрузить.

Да-да, это дело первостепенного значения, — согласилась с мужем фрау доктор. — Мне тут недавно рассказали прелюбопытную историю. Один еврей в Вене держит ресторан, в котором в незапамятные времена обедал Геринг. Он с гордостью демонстрирует гостям стол, за которым он сидел. По вечерам за этим столом собираются евреи и играют в преферанс.

А стул Геринга сохранился? — спросил доктор супругу.

Да, да, и стул там стоит.

А кто на нем сидит? Тоже, небось, еврей...

Лизелотта отставила в сторону тарелку.

Что с вами?

Меня тошнит.

И совершенно справедливо. Нужна тотальная чистка. Новый препарат может вызвать слабую сонливость...

О, доктор, лишние часы сна мне не мешают.

29. Рахель ищет деньги на постановку пьесы «Смех на руинах»

...клянчить вымогать упрашивать уговаривать отдаваться пресмыкаться приносить в жертву идею преданным культуре мужам в халатах махровых...

Удивительна безликость, час пройдет после такой встречи и надо сочинять портрет заново, как он выглядел, как он выглядел, какой у него был нос или, может, взгляд орлиный, куриный, свиное рыло, добрые верблюжьи глаза...

Гостиница «Хилтон». Открытый бассейн. Отдыхающие возлежат в шезлонгах. Который из них с Бродвея? Тот, в желтом халате. Дикобраз! А ты так себя не настраивай, обожай его, смотри в рот, ведь и он невечен, когда-то же капля желчи упадет с острия меча... Пожалей его — и иди смело!

Бродвеец сидит в шезлонге, скрестив худые ноги. Голубая вода, голубое небо без единого облачка, зеленая травка. В вырезе халата густые черные волосы.

Меня зовут Рахель, улыбка, я посылала вам пропозл, я обожаю ваши спектакли...

17-й этаж гостиницы «Хилтон». Длинный стол вдоль стены уставлен яствами, не стесняйтесь, Рахель, берите все, что на вас смотрит — салаты, сервелаты, карбонаты, пирожные, торты, булочки, фрукты, — ни в чем себе не отказывайте.

Бродвеец в центре внимания. Hi, how are you? Great, really great!

Довольные улыбки, полно еды, в огромном окне огромное море, пляж, серфинг, воздушные змеи в воздухе. Как тут вставиться с темой про голодного лагерного актера? Рассказывайте, Рахель!

Смех на руинах.

А... а... а... — Бродвеец постучал по столу пальцами и принял серьезный вид. — Терезин, Чехия, Швейк... Интересная задумка, но не новая. Опять Швейк!

Швенк.

Швенк?

Да, Карел Швенк. Родился в Праге, в семье портного, создал театр никому не нужных дарований...

Это хорошо!

Потом его депортировали в Терезин, там он стал звездой, поставил и сыграл двести пятьдесят спектаклей, песня из его кабаре стала гимном гетто... Хотите, спою? Эй, настанет в жизни времечко, и наш настанет час, в рюкзаки уложим вещи мы... та-та-та-та-та... на руинах гетто посмеемся мы...

Спасибо, спасибо, достаточно. Хм. А я думал Швейк! Это-то и привлекло. Бессмертный храбрый солдат в концла-

гере! Гениальный вымысел правдивей всякой правды. А это все, простите, лажа. Кто будет платить за вашего Швенка на руинах?!

Но ведь важно, чтобы люди узнали...

Милочка! Да пусть мне за те же деньги девка под мышками щекочет!

30. Откуда копать?

Огоньки светят, копать пахнет, ангелы крыльями машут.

Красиво говоришь, матушка, а копать откуда?

Копать, батюшка, от черненьких, малахамаветских.

На острие меча Самаэля капля желчи, смертельный яд. Увидишь в изголовье ангела крылатого — роток на замок.

Молчу, батюшка, молчу!

31. Рахель получает урок

Гостиница «Плаза». Старички добропорядочные с деньгами и связями, один из них, очень богатый, освобождал Маутхаузен. Показывает рассевшимся в круг альбом с фотографиями. Вот он, а вот трупы, безмянные жертвы нацизма.

Рахель сидит с освободителем. Как привлечь их внимание? Не к себе, к Швенку. Может, примет фотография?

Швенк в профиль улыбка безоблачная брови густые приподнятые взгляд в потолок паук что ли там из паутины вы-

брался что бывает на потолках ангелы в дудочки гудят лев крыльями машет серафим от лисроф* сжечь все восходит к корням трехбуквенным к истории нашего народа к мягкому его юмору еврей переспи с бедой завтра встанешь здоровым эх история наша что там про этого как его Швейка Швенка никому не нужное дарование молодой гимн написал что если прокатить Смех на руинах по музеям катастрофы кто финансировать будет Проппер Поппер Печек Шмечек и над чем конкретно мы должны смеяться а то заплатим и будет не до смеха вот это смешно возьмемся за руки и пойдем в разные стороны давайте попробуем встать взяться за руки и пойти в разные стороны но это же невозможно потому и смешно что невозможно...

И тут является рыжая бесстыжая в декольте, белые пломбиры в вырезе черного платья, присаживается на ручку кресла и отпечатывает красный поцелуй на лысине освободителя Маутхаузена. При всех она это делает, да еще и в шабат! Но где сказано, что в шабат нельзя целовать в лысину героя войны? Рыжая бесстыжая усталилась в пропозл, перстнями по столу постукивает. Сладкий ты мой парниша! Прижимает фото к пломбирам. Красавчик, да еще смешил всех в концлагере. А этих надо за глотку хватать, а не идеи толкать. Пошли, — хлопает наставленными ресницами, — расскажу, как дела устраивать.

* Лисроф самех рейш пей — корень ивритского глагола лисроф (сжигать) состоит из трех букв — самех, рейш, пей.

32. Не грех и отдаться!

Американская воительница увела Рахель в номер, сняла с себя платье, чулки с подвязками, — одежда сковывает, — развалилась на кровати. Слушай сюда, Рахель, американское старище сплошные импотенты, ни трахнуть, ни шендарахнуть. Будут ходить вокруг да около облизываться вибраторами на ночь баловаться у меня с клиентурой так — не стоит ложись чек выписал и по барабану. За такого парня скажу тебе дай-ка на фотку глянуть милый ты мой милый вот суки такого сексопила на фарш провернули! Ах миленький хорошенький адамчик-кадмончик — выжатый лимончик... А сколько бы ему было? Семьдесят семь. Ну и что анекдоты бы рассказывал под мышками шекотал много ли нам бабам надо?!

Ох, Рахель моя хорошая, иди ко мне... за такого парня не грех и отдаться, это же человек, адам кадмон* последний, смотри, какие густые брови переносица заросла, какие губы язвы его, а нет песни в его исполнении, а то мы с тобой под песню его... А есть хомер** такой, чтоб пощупать? Ох, кончаю, ох, хомер-шмомер-взял-да-помер... ох, адам кадмон последний...

А теперь давай соберемся с умом и подумаем, что нам нужно? Чтоб смеялись и плакали. Причем не так, чтобы сначала смеялись, а потом плакали, и не так, чтобы сначала

* Адам Кадмон (*иврит*) — первый человек, духовное явление человеческой сущности.

** Хомер (*иврит*) — материал.

плакали, а потом смеялись, — нужно, чтобы все происходило симультанно.

Как у нас с тобой.

33. Кафе в Зальцбурге

Мама заказывает Эрне мороженое, а себе кофе, достает из потайного отдела сумочки тонкую сигаретку, вставляет в мундштук. Она курит тайком от отца. Ты ничего не видела, — говорит мама и подносит зажженную спичку к сигарете, — ну-ка, дунь-ка... Все на нее пялятся. Она сногсшибательно красива.

Эрна вошла в кафе, — звякнул звоночек, — их с мамой столик не занят, те же газеты, кофе, мороженое. Только люди другие.

Эрна застыла в нерешительности.

Что изволите, гнедиге фрау?*

Ничего. Данке шен.

В распахнутое окно просовывает свои огромные пятерни клен, каждый лист — с мамину руку, а они у нее большие и сильные, как положено виолончелистам. Мама разыгрывается перед концертом, и Эрна играет рядом: дунет на стекло — и оно становится матовым, протрет рукавом — и оно становится прозрачным. Как музыка.

* Гнедиге фрау (нем.) — милостивая государыня.

А что если никакой ампулы с ядом не было? Как не было у отца романа с Лизелоттой. Как не отравил Сальери Моцарта. Но где доказательства?

Венская газета спросила вдову Моцарта: «Ходят слухи, будто ваш супруг усматривал в своей болезни чью-то злую волю?» «Это верно, — ответила Констанца. — В последние недели перед смертью он часто шептал по ночам, что кто-то пытается свести с ним счеты».

Желчный Самаэль, ты знаешь правду, ответь!

Там узнаешь!

Там никто ничего не скажет, нет никакого там.

Кому ты это говоришь?!

И верно, кому?!

34. Во время ожидания возможны разные встречи —

с маленькой девочкой с леденцом в руке, с мальчиком, ищущим клад в урне, с одиноким человеком с собакой на поводке, — с каждым можно поговорить и даже завязать дружбу, чтобы как-то скоротать часы, дни, месяцы или годы, кто знает, сколько придется ждать.

Во время ожидания могут происходить разные события — женитьба, рождение детей и прочее, но это так, лишь бы заполнить пустоту, лишь бы не сосало от тоски под ложечкой. Ясно, что все это чистая случайность, ну подвернулся кто-то, ну родился кто-то, а сам-то ждешь, уткнувшись в подушку, прижавшись к чьему-то чужому боку, во

сне шуршат листья и та же музыка льется, не заглушаемая ни визгом мотоциклов, ни грохотом грузовиков на окруженной дороге. Ждешь, что кто-то придет, возможно, иностранец с запасом прочности, что-то необычное скажет или как-то необычно посмотрит — и все пройдет. Все пройдет, и станет легче, захочется просыпаться по утрам, приводить себя в порядок, завтракать в отеле, где подают апельсиновый сок в бокальчике, стоять у шведского стола и смотреть, как непрестанно подогревается горячая пища — кружочки сосисок и колбасок в соусе, яичница отдельно, клубника отдельно, а за окном Европа, река обязательно, дома вдоль реки сплошняком, без пауз и передышек, с черепичными крышами, по реке плывут катера, и иностранец, взявший над тобой шефство, будет радоваться тебе такому, как ты есть, — конечно, всего этого может и не случиться: пойдут внуки, зачатки с пенсии — на резиновые боты или куртку из болоньи на вырост. Леденец надежды тает во рту, но привкус остается и возвращает память о том осеннем дне с ковром из разноцветных листьев, когда все еще могло случиться, о мальчике, ищущем клад в урне, о маленькой девочке с леденцом в руке и одиноком человеке с собакой на поводке... Что все это было, что все это было такое?!

35. Рахель видит и слышит всякие странности

Спокойное море, пустынный берег в полдень. Откуда ни возьмись группа спасателей в ластах и масках, с шестами и водяными пушками. Слышен возбужденный разговор на

смеси французского и иврита, — завтра вынесет, а если будет отлив, это случилось здесь, — спасатели направляются к морю, баламутят воду у берега и исчезают из виду.

По местному радио передают «24 прелюдии Шопена». 24-я остановка, конечная. Просьба освободить вагоны. После Шопена — реклама книги «100 интервью с русскими евреями». А почему не сто одно? Привыкли к круглым цифрам.

Если запрокинуть голову, закрыть один глаз, а вторым смотреть на отрог носовой горы, с пушком нежным весенней травки поверх, то не увидишь ноздри... Да чего на свой нос смотреть? Лучше в небо!

А там вертолет с транспарантом «В борьбе за мир мы непобедимы» высаживает парашютиста на уступе скалы и улетает. Парашютист прыгает и падает — ветра-то нет! Снова встает, плетется по песку, тащит за собой парашютные прибабасы, взбирается с ними по камням в гору, натягивает стропы и прыгает. Парашют раскрывается, короткое мгновение висит над пляжем и — плюх в песок. Минуты не прошло — одержимый жаждой полета снова карабкается в гору.

Так и Рахель со своим Швенком.

36. Чтобы написать, надо писать

Шабес-гой маялся дурью. В попытках сочинить синопсис на книгу, которую не хотелось бы ни читать, ни писать, он сгрыз полмешка сухарей с изюмом, выпил незнамо сколь-

ко растворимого кофе — но Муза не являлась. Тяпнуть надо! — решил он и сбежал по лестнице, ведущей на базар. Ну и с кем тут тяпнешь?! Продавцы заняты — день-деньской взвешивают продукты, пересчитывают деньги. Покупатели отовариваются капитально, как перед последним днем Помпеи. А последний день Помпеи у них 365 раз в году за вычетом еврейских праздников. Тяпнуть со слепцом, что сидит посреди базара, обложенный коробками и увешанный отвертками, булавками, мочалками, чего только на нем нет! Пойти к Лейке? Но она разрешает пить в своем доме только по праздникам.

Шабес-гой купил хлеба, селедку и «Арак», самую дешевую водку данного региона, и вернулся в свою хибару. «Арак» противно пах анисом и Шабес-гой пил его, как рыбий жир в детстве, залпом, зажав пальцами нос.

Здесь все не так, как там, — написал Шабес-гой, закусив «Арак» хлебом с селедкой. — Хочешь преуспеть, научись формулировать.

Предлагаемая книга синопсисов состоит из двух разделов: 1) синопсисы на книги, которые бы а) хотелось и б) не хотелось писать; 2) синопсисы на книги, которые бы а) хотелось и б) не хотелось читать.

«Как не стать...» — сборник статей, повествующих о том, как не стать писателем, художником, философом, композитором, режиссером кино и театра, дирижером, исследователем фольклора народов Крайнего Севера. Книга снабжена примерами из жизни людей перечисленных профессий, которые сошли с ума, покончили самоубийством или замерзли.

«Не быть счастливым» — книга-памфлет, на ее страницах автор предпринимает рискованную попытку убедить читателя в разрушительном воздействии положительных эмоций. Выражение «умереть от счастья» имеет под собой убийственную основу.

Шабес-гой занес было перо над синопсисом романа-трилогии, который не хотелось бы читать, но пьяная Муза зевнула и свернулась калачиком у его ног. «Не спи, а то забудем наутро, о чем шла речь». «Я напомню», — прошептала Муза и смежила веки.

Но он ее не послушал, сидело в нем это хохлацкое упрямство, и стал писать синопсис при спящей Музе. Вышла чепуха.

1. «Стоит ли продолжать?» — роман о романе между женатым мужчиной и замужней женщиной. Они любят друг друга, но в силу обстоятельств не могут быть вместе. Все заканчивается трагической гибелью любовников во время пожара в гостинице.

2. «А надо ли начинать?» — роман о несостоявшемся романе между женатым мужчиной и замужней женщиной. Испытывая обоюдное влечение, они сражаются с нахлынувшими на них чувствами и побеждают их. Жизнь возвращается в нормальное русло. Льют дожди, сотрясается стиральная машина, выжимая белье. Оба лечатся от депрессии у одного и того же психиатра. Тот соблазняет обоих, естественно, по отдельности. Замужняя женщина вылечивается от депрессии. Раз смогла влюбиться в другого, значит,

сможет и в третьего, муж не помеха. Женатый мужчина открыл в себе огромный энергетический потенциал, оказывается, в любви он всеяден. Психиатр получил деньги и удовольствие. В результате все дружат домами и никто ни к кому не испытывает непреодолимого влечения.

3. «Как положить всему конец?» — роман о женатом мужчине и замужней женщине, которые долгие годы состояли в любовной связи и теперь не знают, как положить этому конец. Муж замужней женщины и жена женатого мужчины выводят их на чистую воду, и это кладет всему конец. Объем большой.

37. Матушка прислонила к Стене записку

Откуда ты, матушка?

С Голгофы, батюшка. Такое страдание за всех приняла!

А что, дорога скверная?

Хуже быть не может, фарисеи подступы загородили. Торгуют в храме.

Торгуют-то новым или старьем своим вонючим? Чем пробавляются?

Синопсисами, батюшка.

Что это такое и с чем это едят?

С хреном, батюшка. Недоноски хреновы. Мех на скотинах.

Умерь гнев, матушка!

Дак я уж и записку к Стене прислонила, наш дремлет, а ихний-то бодрствует.

Ихний приструнит, всех обрежет и баста.
Да кой-кому не мешало бы...

38. Разговор между Лизелоттой и фрау Гумбольдт

Лизелотта заждалась под ангелами. Доктора оккупировала фрау Гумбольдт, дряблая старуха в раздрыганных чувствах. «Ах, доктор, я штопором ввинчиваюсь в смерть, хоть бы террорист какой-нибудь мне нож в спину воткнул, нет, я отравлюсь непременно...»

Доктор пригласил фрау Гумбольдт в кабинет. Надо ждать.

Поэтапное смирение. Осень, закат. Если человек — часть природы, то почему он не проходит все природные циклы? Например, фазу замерзания? Почему бы не заморозить его во цвете лет? Лизелотта подарила сестре вечную молодость, а себя наказала медленным угасанием. Но кто оценит ее благородство?! До отвращения скучна мораль, ее притворство, ее сюсю.

Фрау Гумбольдт вернулась с сообщением — доктор просил подождать пять минут.

Лизелотта полулежит на диване, уже в самом ее положении нескрываемое превосходство перед фрау Гумбольдт, распутившей по сидению и спинке стула грузное дряблое тело в несусветных рюшах и оборках. Единственное, что на ней не колышется — это очки.

Смотрите, Лизелотта, здесь и здесь, — фрау Гумбольдт раскатывает тесто под очками, — были подтяжки.

Лизелотта смотрит из-под приспущенных век.

Я не подтягиваюсь. Я пользуюсь кремами увлажняющими и питательными.

Мне они как мертвому припарки.

Их беседа напоминает игру в куличики. Наполнена формочка, опрокинута — у меня вишенка, а у меня яблочко, поменялись, теперь у меня яблочко, а у меня вишенка.

Живу только ради детей и внуков, вздыхает и подкладывает руки под живот. Такие боли невозможна!

Жить надо ради себя.

Да как же! Без назначения?

С назначением.

В чем же оно?

Спросите пастора. Или ребе.

Зачем же ребе?!

Да кто вас знает, фрау Гумбольдтдтдтдт, у вас на лице не написано.

Фрау Гумбольдт принимает обиженный вид и удаляется.

Только что играли мирно, утрамбовывали песок в формочки...

39. Логическая палитра

Супруга доктора пишет проект. «Предлагаемая программа способна создать логическую палитру. Объект 1С содержит в себе весь перечень запрашиваемых цветов. При активизировании задачи цвета переносятся в общую системную палитру, которая и используется при рисовании. В ситуации, когда число требуемых цветов превысит максимально допустимое...»

Доктор выписывает из Пророков:

«...и вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад, огонь ходил между животными, и сияние от огня и молния исходили от огня. И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния.

...у каждого из них по шести крыл, двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, двумя летал.

...Ты творишь вестниками твоими ветры, служителями твоими огонь пылающий».

Прижечь бы память горящим углем! Гарь, копоть, смрад, новая партия туш, тушек и тушечек, смешанных с кровью и калом, и снова огонь, гарь, копоть, смрад...

Огонь ходил между животными...

И то правда.

40. Файфоклок под шестикрылой люстрой

Сквозь редкие Лизелоттины волосенки просвечивает аккуратная черепушка. Асимметричный череп док-

тора ничем не прикрыт, и ребристое крыло приспущенной низко люстры рисует зубчатую тень на его лысине. Фрау доктор разливает душистый кофе по белым чашечкам.

Как дела, доктор?

Эрна спрашивает и озирается диковато, будто ждет внезапного нападения, — откуда, с чего вдруг взяться тут хищному зверю, — в лесу не боится, а в чужом доме, где множество дверей, за которыми никого...

Ничего, пока справляемся. Верхний отдел функционирует превосходно. Ниже начинаются проблемы — печень, желчный пузырь, почки, мочеточник. Редчайший случай в его практике, обычно склероз разрушает организм достаточно равномерно. Но, — доктор опускает ладонь Эрне на плечо, — попробуем чуть больше нагрузить верхний отдел и тем самым снять по возможности напряжение с нижнего. А у вас что новенького?

Какой-то англичанин приезжал к нам в Кройцензее, пишет об искусстве в период нацизма. Интересовался бывшим мужем Лизелотты.

Модная тема. Мой бывший муж был ярким представителем.

В Вене недавно вышла книга, — фрау доктор бросает в кофе таблетку сахарина, — в ней сопоставлены большевистское и нацистское искусство. Якобы их объединяет римский культ силы — здоровые римлянки в русских косынках, мускулистые римляне в рабочих кепках. Одна идеология. Ни слова о качестве искусства.

Совершенно с вами согласна. Мой муж был гениальным скульптором. Разумеется, в то время государственные заказы доверяли не всяким, только проверенным. Ему доверяли.

Не волнуйтесь, любезнейшая Лизелотта, историю подвергнут пересмотру и доброе имя вашего мужа будет восстановлено.

Ах, нет! Никто не способен понять историю. Даже мы, пережившие ее, на это способны! Приведу пример. Помнишь, Эрна, историю с коммунисткой из Берлина, она работала в аптеке помощницей провизора...

Ты имеешь в виду Хельгу, которая вышла замуж за итальянца Керубини?

Меня не интересует, за кого она вышла замуж!

Рассказывайте, Лизелотта, мы все внимание!

Как-то к ней обратились с просьбой добыть цианистого калия для матери семейства. Гестапо арестовало семью подпольщиков, и мать семейства боялась выдать какие-то имена во время допроса. Почему она решила, что ее будут допрашивать? Хельга передала ампулу по назначению. На утро подпольщиков отпустили, те вернулись домой и застали мать мертвой.

Лизелотта развела руками и умолкла, зубчатая тень проехалась по ее лицу, она сморгнула, отогнала тень, — к чему эта история? — мысль петляет в склеротических извилинах, трудно уследить за ее траекторией, выровнять загогулины. А, вот к чему — нельзя упрощать прошлое.

Да, надо уметь извлекать уроки! — фрау доктор приоткрыла окно. Люстру качнуло ветром, зубчатая тень перене-

слась на стену, растеклась по ней, потеряла очертания. Нет, лучше закрыть окно, чтобы не простудить Лизелотту.

Тень нарисовала зигзаг над головой доктора.

Хельга — сеньора Керубини?

Вы знаете ее?

Был знаком, скажем так. Наши отцы работали на одной кафедре... в университете в Брно.

Лизелотта взглянула на доктора. Старый пиджак, вывернутый наизнанку, — лицо лоснится, нутро потерто. Особь мужского пола. Петушок с гребенчатой тенью. Петушок-гребешок. Женщины уходят безвозвратно, ветер времени сдувает с них всю красоту.

Керубини, Серафини... Потом мой отец вернулся в Берлин — поддерживать боевой дух немецких солдат, мой в частности, — доктор расхохотался и локтем спихнул со стола коробку конфет. Бросился подбирать. Фрау доктор поспешила на помощь. — Отец Хельги остался в Брно, она ездила к нему тайком, и оттуда они отправляли посылки евреям в тот самый лагерь, где я служил... Посылки проходили через мои руки. — Доктор вылез из-под стола. — Любопытная история, верно? Я решил проверить, кто же они — эти избранные судьбы. Кого спасают от голода господа Керубини? Я отправился по первому адресу. Вонь, смрад, скопище существ непонятного пола. Я зажал нос и выкликнул фамилию, что-то вроде Баха. Как она испугалась! Услышав свое имя, да еще и увидев меня в форме, она скомкала бумагу. Я взял из ее руки комок и вышел. Бумага из-под маргарина, а на ней одни глаза... черные жгучие угли...

К чему это влезание прошлому в печенки?! Предостаточно драм. Старость с ее дряблыми ляжками и отвисшими грудками... Вот настоящая мука, доктор!

41. Проклятье, матушка, сдаем рубежи

Какие рубежи, батюшка?

Да кабы я знал, какие, а в ушах звенит — сдаем рубежи.

Поди к Источнику и прямой уши, очень пособляет.

Ходил и мыл, все равно сдаем рубежи!

И впрямь знак зловещий!

Спаси, матушка!

Окстись, батюшка, нешто я влиятельней водицы святой!

42. Рецепт по улучшению человечества

Сеньора Керубини готовилась ко сну. Привычным жестом отстегнула протез, отвернула покрывало и нащупала пачку писем под подушкой. О, Мадонна! Она же дала слово англичанину!

Два пролета на костылях, и она за столом. Разглаживает ладонями пожелтевшие, вчетверо сложенные, потертые на сгибах письма, складывает в папку — и под итало-немецкий словарь увесистый. История, более полувека дремавшая под подушкой, по воле англичанина распрямляет свои черты.

Маленькая квартирка в Риме увешана картинами той, чьи письма сейчас находятся под прессом. На стеллажах

43. Шабес-гой сначала взглянул в окно, затем — в газету

Теракт на базаре. Из окна не видно центрального ряда, а там все это и произошло. Полицейские перегородили входы и выходы, перепуганные люди тащат на себе мешки с фруктами, продавцы притихли, не орут «шекель эхад мелафифон шекель эхад мелафифон».

В сегодняшней газете об этом нет, она вышла до теракта. Там другие новости:

По сообщению корреспондента РИА «Новости» пензенской ГТРК группа сектантов ждет конца света в доме своего идейного лидера Петра Кузнецова в райцентре Беково Пензенской области. Две женщины и трое детей не успели уйти под землю с основной группой. Они ждут конца света в доме своего идейного лидера Петра Кузнецова. Спят они в сосновых гробах, которые находятся там же.

комплекс неполноценности мучает и низкорослых каждое новое поколение немцев подрастает в среднем на два сантиметра Югет де Бортоли по горло сыта коротышками вирджинский людоед страдает хроническим смехом постановлением раввината Смирнов похоронен где надо на период Йом-Кипур не вынимать из стен записки и не сжигать их как в свое время немцы евреев турки армян психосексуальные идеи возникают не только у простых людей после смерти наполеона в его организме обнаружилось высокое содержание мышьяка

День и ночь — сутки прочь.

44. Экстаз Святой Терезы

В доме у озера горел свет. Забыли выключить?

Эрна выволокла еле живую Лизелотту из машины. Трава скрипит под сапогами — значит, здесь был дождь. Дверь закрыта, Эрна повернула ключ в замочной скважине, крикнула: кто здесь.

Никто не отозвался. На столике в прихожей — записка от Кристины — она прибрала и сварила обед, уехала, дорогой ее объяла тревога, почудилось... она вернулась, думала, войдет — и увидит своего мужа. Бред какой-то. Будет завтра.

И впрямь бред. Но одно ясно — Кристина забыла выключить свет.

Эрна вывела Лизелотту на веранду — продышаться перед сном. В полутьме гора напротив походила на упавшее с неба облако. Где-то вдалеке скулила собака.

Тревожно как-то, — сказала Лизелотта. — Уведи меня отсюда.

Эрна уложила Лизелотту, погасила свет в ее комнате и поднялась к себе.

Ангел в «Экстазе св. Терезы» — не дитя, не мальчик, а юноша в цвету. Бернини... Лишь мысль о нем помогла ей преодолеть путь от Зальцбурга до Кройцензее. Словно ехала на свидание. Эрна поставила дату в раскрытой тетради. Полистала альбом. Весь дом — в раскрытых книгах, и ни одной она не прочла до конца с первого захода. Начнет — и отложит. Но это — не старческий маразм. Ей и в детстве нравилось читать разные книги одновременно.

«Бернини. Буйство мраморной плоти, Дафна в любовном экстазе воздевает руки к Апполону, распущенные волосы, увенчанные листвой, взлетают к куполу храма. Но предмет ее вожделения надменен; его любят все, даже скромная драпировка, медленно падающая с его безукоризненного тела. Святая Тереза в обморочном экстазе — зрачки уплыли под веки, приоткрыт иссушенный жаждой рот, взвихрены мраморные складки. Ангел с обнаженной грудью и отведенным в сторону копьём с небесной улыбочкой взирает на земное страдание, рвущееся из-под нервной драпировки.

Реалистический портрет Бернини назвал карикатурой, и тут он совершенно прав! В попытке запечатлеть характерное создается карикатура».

Эрна!

Нет ей ни минуты покоя!

Что, Лизл?

Доктор неспроста говорил про Керубини и лагеря. И про свою службу. Он нас провоцировал.

Спи. Обсудим это утром.

«Безумные фонтаны Бернини и его автопортрет в старости — дикий взгляд, рот едва приоткрыт, в узкую щель между губами не проникнет капля с копья. Вот вам, прекрасные сеньоры, портрет баловня судьбы за восемьдесят, я им не дорожу! Сопливым мальчишкой нанялся я к отцу в подмастерье, мой гений был распознан скоро, я был привлечен папой и кардиналами, я получил ключи от Рима и навеки

поселился в нем, в мою честь бьют фонтаны и звонят колокола. Они и есть мое настоящее лицо!»

Лизелотта стонет. Таблетки выпиты, боль, собранная в пупке, веером расходится вниз.

Эрна присаживается рядом, гладит тетку по руке.

Он хотел вывести нас на чистую воду. Попомни мои слова.

Обсудим это утром. Спи. Гуте нахт.

«Бернини дал ангелам верительную грамоту. По его поручению вели они вольнодумные беседы с пророками, апостолами и святыми и обо всем доносили хозяину».

45. Доктор в толпе ротозеев

Попряталось небесное воинство, тучи плотно закрыли звезды и луну и хлынул дождь. В состоянии крайней униженности доктор раскрыл над собой зонт. Он оплеван природой и людьми. Зачем ползал под столом, собирая конфеты в коробку? Хельга. Отравление. Укрывание евреев. Посылки. Зачем и, главное, кому он это рассказывал?

Легенды, мифы и аллегории... Мраморная потаскуха с Саваофом на длани олицетворяет правду! Уж сколько лет сидит в чем мать родила в галерее виллы Боргезе. Как можно такую дурищу назвать правдой, да и еще и на языке благородной латыни?! Все что угодно, только не правда.

Этим вечером доктора возмущало все вплоть до запряженной кареты, которой он вынужден был уступить дорогу. Процокали кони, оставив после себя не только запах, но и кучу навоза, от нее подымался пар. Как бы не вляпаться...

Дождь утих, прибил пыль к земле. На ярко освещенной рыночной площади, прямо напротив дома, где родился Моцарт, заиграли и заплясали таиландцы в пестрых одеяниях. И это — вместо «Маленькой ночной серенады»! Куда смотрят бургомистр и общественность Зальцбурга! Хотелось рвать и метать, но, не будучи ни начальником, ни представителем общественности Зальцбурга, ему только и оставалось, что уйти с этого места в крытую галерею. Так он и поступил.

Но и там происходило что-то несусветное. Доктор примкнул к кольцу ротозеев и увидел безумную марионетку — глаза вытарашены, из широко раздвинутых губ в красной обводке торчат наружу челюсти. Ее водила весьма миловидная девушка, она двигала палочками, и марионетка то падала мешком на мостовую, то складывалась в немыслимые позы. Послушная кукла! Вдруг девушка выронила палочки из рук. Марионетка потеряла управление и двинулась в толпу. Дети визжали, взрослые хлопали и щедро подавали. Марионетка вплотную подступила к доктору, из глаз ее летели искры, изо рта выбивалось пламя, а из горла страшное ахахахахаха. Онемевшими пальцами доктор пытался нащупать мелочь в кармане. Карман был пуст. Марионетка не отступала, требуя вознаграждения. Ну тут подлетела девушка, взвила руки над своей страхолюдиной, и та застыла.

Победно оглядев толпу, девушка пошла с шапкой по кругу. Не желаете ли кредитную карточку, — пошутил доктор, когда до него дошла очередь. Девушка молча двинулась дальше. И тут доктору пришло на ум пригласить ее в кафе. А что тут такого особенного?

Она согласилась. Ела молча и много. Доктор заплатил за странное удовольствие кредитной карточкой и ушел.

У дома, где родился Моцарт, все также пели, приплясывали, прихлопывали и притопывали тайландцы. Зато в крытой галерее скрипач играл «Маленькую ночную серенаду». За неимением лучшего, доктор одарил скрипача улыбкой.

46. Диана выбивает из Шалико бабки

Полная дама в черном декольте, с грудями-пломбирами навывкат, танцует в ресторане с маленьким-плюгавеньким, ведет его властно, прогибает несгибаемого в поясе. О, хау найс, терифик, ю а грейт!

В ресторане «Кавказ» на Брайтон-Бич дымно и шумно. Место не шибко шикарное, но шашлык пальчики оближешь и музыка зажигательная. Эмигранты кушают шашлык прожаренный, без капли крови, запивают вином, обсуждают дела на бывшей родине. За что собратья проливают кровь? За нефть? Как будто нет. За газ? Тоже как будто нет. Кому тогда на руку братоубийственная война? Как будто бы никому...

Диана танцует, кавказец пылает. Покусывает нежно Дианино ухо, щекочет усами, и она улыбается, показывая мелкие острые зубки. В перерывах между танцами она, вжавшись грудью в партнера, заливает ему про звезду кабаре обсоси гвоздок. Швенком звали. Фашисты убили его на войне, столько лет прошло, и до сих пор памятник не на что поставить.

В каком виде памятник?

В виде спектакля.

Памятник должен стоять неподвижно.

Будет стоять. Выбьем на нем твое имя золотыми буквами.

Только встретились и уже хоронишь? — цап за ухо. — Слушай, сама не кушаешь, и мне своим Швенком аппетит перебила.

Аппетит я тебе нагуляю!

Чек в две тысячи долларов, первое поступление из Нью-Йорка.

«Рахелька, вот все бабки, цент в цент. То, что удалось слупить с Шалико Гогоберидзе. Вставь в какую-нибудь задницу его имя. Вообще, могла бы и ты поработать на нашего мальчика. Валяй в Нью-Йорк, здесь не прокиснешь. В городе желтого дьявола все по ширине, к тому же осень стоит офигенная. Зову тебя для себя, хоть нрав у меня и веселый, но чего-то явно не хватает, знать бы чего. Идеалов? Одеялов? Нет, одеялы есть и раздевалы есть, этого добра нава-

лом. Ой, Рахелька, может и правда, шарик наш дерьмо на палочке для хорошей дамочки! Ладно, пользуйся бабками Шалико Гогоберидзе, а я еще попромышляю. Аривидерчи, засранка. Люблю. Диана».

47. Панове, в этом сила!

Чек пошел в оборот. Из Праги прилетели режиссер, композитор и художественный постановщик. Репетиции спектакля проходят на Средиземном море. Кое-какие расходы взял на себя сам Швенк, он оплачивает оркестр без оркестра, кофе без кофе, жизнь без жизни и смерть без смерти.

...А что, если начать с чествования некоего героя... буль-буль-буль... настоящий симфонический оркестр... играйте, играйте, пожалуйста, осторожней со смычками, ими можно разбить окно, отложите их и продолжайте, продолжайте, — композитор дирижирует, перекатываясь на волнах, — нет, все еще тесно на сцене, слишком много инструментов, пожалуйста, уберите смычковые и продолжайте, продолжайте, — включается режиссер, выныривая, — уберите все инструменты со сцены, пользуйтесь голосом, пойте, нет, стоп, слишком много народу, пожалуйста, все до одного освободите сцену, и продолжайте, продолжайте, пожалуйста, — людей убрать, — перенимает эстафету художественный постановщик, — нужны одни костюмы, без содержимого, и продолжайте, продолжайте, — режиссер гривастый, отфыркиваясь, — и тут ботинки танцуют степ, потом забра-

сываем их в угол, а там — гора обуви, все знают, откуда эта гора, а музыка продолжается — мы продолжаем...

Ночь на берегу Средиземного моря. Рекламы, дискотеки, скоморохи на ходулях, воздух и вода одной температуры, медуз, к счастью, нет. Заплыв — кружка пива. Для поддержания уровня жидкости в организме.

Освещенный берег, из репродуктора льется неаполитанская песня, итальянец за соседним столиком подпевает, закрыв глаза. Чуть поодаль играет джаз. Столько разной музыки — и она не смешивается. Море — звуковой сепаратор. Оно тоже поет свою песню, но, чтобы ее услышать, надобна тишина.

Режиссер допрашивает Рахель, — как она себе представляет сценическую метафору «Смех на руинах». Что это, развалины Римской империи, ушедшее в песок Шумерское царство, концлагерь? На мой взгляд, говорит художественный постановщик, здесь будет работать поступательное ограничение пространства, оно должно сужаться и сходить на нет, чтобы Швенку не оставалось на сцене никакого места. Это и будет балансирование над бездной, — подхватывает режиссер. В кульминационный момент с верхотуры грянет гимн, — говорит композитор, — вот он, человек, адам кадмон последний, он плюет в пасть самому Самаэлю! На сцене вещи, — режиссер стучит кулаком по столу, — очки, ботинки, чемоданы...

Швенкуем, панове... Швенк, то е сила!

Чехи поднимаются из-за стола и идут к морю. Скрипят под их подошвами раздробленные ракушки. Что эта веселая компания сделает из ее пьесы? Главное, чтоб Швенка не выкинули, чтоб хоть имя осталось.

Когда ты совсем один, это невыносимо, когда ты один вчетвером — переносится легче.

48. Не унывай, матушка!

И рада бы, батюшка, да будто кто-то за волос схватил и не отпускает.

Грех твой, матушка.

Да и грех-то махонький... пустяковина с мизинчик.

Обронила, поди, словцо поганое.

Обронила, батюшка.

И не помнишь где...

И не помню...

Худо, матушка, обронишь — не поймашь.

Да оно, что камень, где упало, там и лежит.

Сбегай, матушка, подбери!

49. Англичанин приходит вовремя

Сеньора Керубини несется в облаках на летучем льве. Небо в кручах.

Англичанин по имени Брит неуверенным шагом ступает по земле. В руках розы, купленные у остроносой стару-

шенции. Плата за съемку, за один кадр. Италия расточительна.

Насторожил его телефонный разговор с сеньорой, ее невнятное бормотание про травматизм родов. Он входит под арку и оказывается во внутреннем дворике с замшелым фонтанчиком. От боковой подсветки вода кажется совершенно зеленой. Окна сеньоры Керубини темны. С балкона свисает цветное белье. Он взлетает на второй этаж, стучит в дверь, жмет на кнопку звонка. Может, ушла в парк?

Брит вставляет букет в ручку двери, спускается по лестнице, минует фонтанчик, минует арку, переходит улицу и оказывается в парке у виллы Боргезе. Столетние деревья, барочные скульптуры, подозрительные субъекты на скамейках, тени на прогулочных дорожках, все здесь, кроме сеньоры Керубини.

Что уж так волноваться, — уговаривает он себя, подымаясь по ступенькам к заветной двери, — он школяр, и его метод исследования не требует личного участия в жизни интервьюируемых. — Он звонит и стучит в дверь, да все без толку. — К тому же сеньора Керубини далеко не главный источник информации по моей теме, — уговаривает он себя, усаживаясь в букетом роз на ступеньку. — Конформизм и нонконформизм в искусстве эпохи нацизма... — Брит встает, подходит к двери и поворачивает на себя ручку. Открыто!

История эта необъяснима и задним числом.

Сеньора Керубини твердит одно: она куда-то провалилась и там летала.

50. Письмо о последних днях Амалии Секбах

«Следует очень и очень сокрушаться, что дорогая Амалия не дожила до освобождения. Однако таков был жребий миллионов. От нее осталось 40 кг веса против обычных 70-ти. Кожа да кости. Если бы не вы, которая нашла в себе смелость посылать ей *каждый* месяц небольшую посылку, она не продержалась бы и недели. Мы выискивали картофельные очистки в мусорных контейнерах и готовили из них котлеты, но организм Амалии этого не принимал. Ежедневно из-за поноса и дизентерии умирало до 200 человек. Розалию и Альберта вместе с 80-ю мужчинами, женщинами и детьми бросили на голую землю. 75 см спального места на человека. В такой тесноте все нервничали и постоянно ссорились.

Амалию поселили с тринадцатью женщинами, с некоторыми из них у нее не сложились отношения. Спасало ее рисование. Ей приходилось преодолевать гигантские трудности, чтобы раздобыть материал. В основном, это была бумага из-под маргарина, чтобы распрямить эту бумагу, она подкладывала ее под матрац. Она и там нашла маленький кружок понимающих в искусстве. Историк искусства фройляйн доктор Блюменталь из Голландии прочла о ней доклад. Он так и назывался — “Художница Амалия Секбах”. Собралось 30 человек, включая жену известного тайного советника санитарного ведомства Штрауса из Берлина. Однако Амалии удалось обменять на хлеб только две свои картины... Все остальные у меня, я вскоре вышлю вам их заказной бан-

деролью в знак благодарности за то, что вы сделали для нас с Амалией и не только для нас. С вечной признательностью, Салли».

51. Глаза Амалии в квартире сеньоры Керубини

Искусству безумной Амалии англичанин предполагал посвятить небольшую главу, — ее лагерные акварели не стоят отдельного разговора. Бумага из-под маргарина многократно покрыта краской, пропитана ею, по сухому листу тонкой кисточкой нарисованы или лица, или одно лицо, или лицо в цветочном орнаменте. Глаза-воронки, глаза-дуршлаг, глаза-груди с темными сосками, глаза-часы, глаза-магниты...

Как выглядела Амалия?

Да вот же она, на моем столе, за стеклом. Плотная дама в купальнике у моря. Кривоватые ноги, широкие плечи, круглое лицо облеплено волосами, — малопривлекательная дама, скажем так.

Сеньора Керубини скачет на костылях в ванную, надевает протез, причесывается перед зеркалом — обросла, пора косу заплетать. Пакля на наспах отесанной деревяшке, зарубки на месте рта и глаз, нос намечен, но не обработан, зато ноздри и ушные раковины точеные. Словно ее смастерили два резчика по дереву, алкоголик и шизофреник. Алкоголик сбил болванку и впал в запой, а шизофреник занялся обработкой отдельных деталей и забыл про целое.

Шпинат ошпарен кипятком и измельчен специальной машинкой, зажарен лук до красноты, — после жуткого при-

земления снова стоять на ногах и готовить ужин, к тому же на две персоны... Где она летала, как снова оказалась здесь... Беспокоит ее разве что отпечаток оконной рамы на стене. Чей это профиль отражается в темном окне?

Да это же Брит, ее спаситель, английский херувим курносенький с ямочками на щеках! Но как угораздило его залететь в черную яму истории?

Брит раскладывает перед сеньорой Керубини фотографии. Знакомы ли ей эти скульптуры?

Еще бы, она даже была знакома с вдовой ваятеля, Лизелоттой. Исчадие ада.

Люди все еще занимаются сексом... — напевает англичанин, поедая шпинат. Песня из самолета. Застряла в наушниках. Люди все еще занимаются сексом...

Вы, Брит, слишком увлечены прошлым. А ведь скоро вымрут все рожденные в муках. Будущие поколения будут смеяться над нами, контуженными после родовой травмы. Причина всех человеческих страданий — в неправильных родах. Несчастье возведено в культ всеми религиями. А спасение — здесь! — Сеньора Керубини достала из-под подушки книгу «Роды без боли». — Это написал мой покойный муж. Он считал, что надо рожать в воду и не перерезать тотчас пуповину, что и обеспечит плавный переход из водной атмосферы в воздушную. Все очень просто. Скоро человечество переменится к лучшему. Брит, я завещаю вам книгу!

52. Дотошный турист

Шабес-гою снится кошмарный сон. Его роман напечатали задом наперед. Полный провал. Ничуть не бывало. Напротив, грандиозный успех. Новое слово в литературе. А что если и пропозлы начинать с конца? Какие пропозлы?! Авторы бестселлеров пропозлы не пишут. У них все берут. Даже ненаписанное.

Во сне звонит телефон. Ничего, секретарша возьмет трубку.

Ах, спите, спите, извините, я впервые в Иерусалиме, подскажите, пожалуйста, когда приемный день у тела гроба господня?

У тела гроба господня?

Да, да.

Сегодня.

Тогда запишите меня на прием. Если, конечно, вас не затруднит.

Пожалуйста, вы записаны.

Спасибо. Еще к гробницам царя Давида, если можно, к сразу трем.

Пожалуйста, вы записаны.

Спасибо большое. Можно еще вопрос?

Пожалуйста.

Меня попросили разыскать родственника знакомых Давидсона...

Именно с ним вы и говорите.

А мне показалось, что это женский голос.

Я его секретарша.

Как славненько, выходит, я попал в точку. Спасибо, господин Давидсон, спасибо, Иерусалим!

53. Лизелотту одолевает сонливость

Выводятся шлаки. Иногда кольнет в мозгу, где она, жива ли, или это ее новое состояние и есть смерть?

Она теряет власть над собственным телом, о душе и говорить нечего — закатилась резиновым шариком под кровать, откроет глаза, наткнется на портрет красавицы с виолончелью меж ног — и ауфвидерзейн. Ничего не болит, легкость и пустота, неужели так теперь все и будет, фрау Гумбольдтдтдтдтд? А не пойти ли вам... к ребе? Нет, это происки доктора! Он наполнил ее пустотой.

Эрна позвонила доктору — не отменить ли новый препарат. Нет. Без него ничего не отменять. Он сейчас придет.

Кристина поит Лизелотту из ложечки, просит индийского бога вернуть ей мужа. Завел, поди, индианку с кружком над переносицей, варит она ему острые кушанья...

Взгляд ее упал на застекленную фотографию. Да чтобы из-за неудачного концерта такая красотка руки на себя наложила! Брехня чистой пробы! Ищи измену. Высший свет для того и создан, чтобы кринолинами шуршать да в обмо-

роки от любви падать, чтоб честь запятнанную кровью отмывать и от ревности самоубиваться. Кристина крестьянской закваски, она все стерпит. Ради детей.

Лизелотта рычит, капля воды не удержалась на нижней губе, потекла к подбородку. Скорей бы уж перестали выводить из нее эти шлаки... Кристина вытерла подбородок салфеткой, вроде чисто, а Лизлотта все-то не унимается — тычет пальцем костлявым в стену и рычит.

Дошло, наконец! Кристина аккуратно снимает фотографию с гвоздя. С чего бы она на сестру родную взъядрилась? Чем она ей не угодила?

54. В Кройцензее поселилось привидение

Из дома сумасшедшего убийцы исчез приемник. Об этом Эрне полупшепотом поведала пышнотелая молочница, похоже, в Кройцензее завелось привидение, людям-то это старье на что? Годами никто не трогал. Ночью она видела, как маленькое существо пробежало через лес к камню, а от камня шашть через поле к тому дому. Точно, привидение, теперь за коровами глаз да глаз, мужик мой навесил колокольчики позвончье, что делается, что творится, с ума все взбесились.

Рябина заоранжевела у озера, вода тихая, гладкая, тени от невысоких курчавых деревьев пронзают гладь темно-зелеными копиями, редкие домики с деревцами раскиданы по светлой лужайке у предгорья, за проплешиной начинается густой лес, высокие ели взбираются в гору по горным усту-

пам, покрытым клочковатой зеленью, серебристо-белые отроги грядами уходят в облака.

Эрна прислушалась, густой звук виолончели доносился с другого берега, эхом вторили горы, — знакомая мелодия, но кто играет, привидение, укравшее приемник у покойного убийцы? Звук приближается... Да это же катер прогулочный! Музыка приплыла к Эрне, выбросила трап на пристань, на берег сошел один пассажир. Эрна крикнула капитану: нельзя ли сделать погромче! Катерок покачивается, виолончель рыдает, — во рту привкус горькой рябины.

55. Лизелотта присмирела

Эрна с доктором вышли в сад, сели на скамейку. Ветер пробежал по траве, зыбь пошла по озеру, все так переменчиво в этом лучшем из миров...

Он ошибся в дозировке. Лизелотта умрет без боли. Это он гарантирует. Эрна имеет полное право подать на него в суд.

Рубленные фразы. Как в фильмах про войну. Военный штаб. Черные телефоны. Доктор при всем обмундировании. Она умрет. Вы имеете полное право подать на меня в суд. А вокруг — рябины, озерная гладь, горы в небесах...

Истошный крик взорвал тишину. Доктор обнял Эрну за плечи — свершилось то, что должно было свершиться. Однако свершилось совсем не то. Землетрясение в Индии. Кристина застыла у телевизора. На экране выгребают из-

под завалов тех, кто еще не успел провалиться в толщу земли.

Индия, тысячи погибших.

Доктор массирует плечи и грудь Кристины, гладит ее по головке, как маленькую. Кого она ему напоминает? Опомнившись, — он здесь не затем, чтобы утешать прислугу, — доктор подходит к постели Лизелотты. Та спокойно спит. Да, известна своим коварством природа!

56. Ждешь одного — приходит другой

Фрау доктор залегла в хвойную пену, — спасибо Лизелотте, вовремя она вызвала доктора в Кройцензее. Приди же скорей, жирный сладострастник! Ушечки, пупочки, пипочки, сисечки... С чмоканьем, присасыванием, облизыванием, от одних воспоминаний чресла горят...

А вот и он. Но он ли это? Ждала похотливого котика, а явился Зевс-Громовержец, от смеха раскатистого дверь трясется.

Не впускать, попросить документы?

Это я, я, я все сейчас объясню...

Впустила.

Он объяснил, что был по делам бизнеса в Иерусалиме, попал с одной шлюшкой в привокзальный ресторан, вокзал есть, а поезда не ходят, и там скапливаются шлаки, отбросы чувств, — у него случилось... он заразился смехом... все ему теперь ха-ха-ха...

Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха... Его выворачивало от смеха, фигуральным образом. Она закрыла его в уборной и позвонила в Кройцензее, справиться, как Лизелотта и как в принципе останавливают припадки смеха, это ей нужно для программы. Доктор расхохотался, если бы она знала, в какую историю он влип со старухой. Вдобавок землетрясение в Индии. Но в принципе действовать надо так: зажать нос и надавить на адамово яблоко. Фрау доктор, разумеется, не стала сообщать мужу, в какую историю она влипла.

Она открыла уборную, выволокла смеющегося в комнату, уложила на супружескую постель, зажала ему нос бельевой прищепкой и кулаком надавила на адамово яблоко. Тот изумился до потери речи. И стал узнаваемым — заурчал, достал ее грудь из лифчика, впился губами, зачмокал, — богиня, спасительница, ушеньки мои, дай сюда... щекотно, щекотно и смешно, умора. Засопел, подбирается к любименькому местечку, а она знай смеется, в такой позе нос себе не зажмешь.

57. Пристанище духов

Доктор быстрым шагом шел по направлению к лесу. Его распирали смех. В таком состоянии неприлично дышать воздухом, пропитанным скорбью. Доктор сел на допотопный валун, зажал нос двумя пальцами, надавил на адамово яблочко. Приступ прошел. Он вдохнул полной грудью, задержал в себе воздух, резко выдохнул и двинулся через поле к пристанищу Кройцензейских духов. Из дома сумасшед-

шего убийцы доносился смех. Кто здесь смеется?! Доктор взглянул в окно — паутина, очки, а где же приемник? Кто на такую рухлядь позарился? Дом хмыкнул, хохотнул в лицо доктору. Доктор попятился и бежать во весь опор к полю. Остановился. Прислушался. Тишина. Доктор успокоился, сорвал ночную фиалку, принялся... Как подавлять приступы смеха? Для какой программы ей это нужно? Он потрогал рот — губы сомкнуты, ощупал всего себя, он ли это. Это был он, да и смеялся ли кто-то на самом деле?

58. Рахель принимают за вдову Швенка

Вьется меж холмов дорога, петляет в лесах, выныривает на косогор, а там — распятие придорожное, открыто всем ветрам, луговина за спиной Христа повисшего, указатель «Манетин» лицом к нему, любуйся, Спаситель, на иссиня-ржавую надпись, здесь шли други твои походами утрпений*, чавкали их босые ноги в талом снегу, — когда это было! Да что для тебя верста длинной в полвека, маленькая отметка на графике тысячелетий, — здесь шли они, Швенк отставал, его гнали прикладом, видел ли ты глаза его невидящие?! А барочные дамы в Младотицах, Агнешки и Варвары из каменных складок свое тело вывинчивающие веками, обернулись ли вслед уходящим, бросил ли кто к босым ногам булку заплесневелую из окошка дворцового, были ли люди здесь, или одни распятия и святые невинности в камне?

* Утрпени (чешск.) — лишение, страдание.

Ах, мы видели, как они шли, смотрели и плакали...

Плачут обветшалые краеведы захоlustных городков, врач тут был еврей, мы все к нему на прием ходили, магазин тут был тканей, так мы, дети, туда бегом бежали, за подарками, евреи нам лоскутки разноцветные в мешочки насыпали, а как там пахло душицей... Душицей — удушицей!

Бургомистр пограничного города Краслице — усы-шпаги, костюм отутюженный, — вскочил для приветствия. — Каких именно мертвецов ищет заявительница во вверенном ему городе? — Крикнул и подавился куском непрожеванным. Откашлялся и продолжил, взвешивая каждое слово. — Дело обстоит так: мертвецы с именами числятся в книге ухода-прихода, а скелеты безымянные не значатся нигде.

Вызвал по телефону секретаршу. Запросить архив! Из архива принесли три имени вместо номеров. Эти? Нет, это нацисты, которые колонну сопровождали. Которые расстреливали. А Рахели нужны имена тех, кого расстреливали. Бургомистр сбит с толку. Инвентарные имена или номера? Объясняю еще раз: шестизначные номера, обнаруженные на костях убитых, были переписаны в столбик. Имен нет, откуда им на костях взяться?

За спиной бургомистра высокие ели в окне. И природа ему в подмогу, и секретарша, а ну-ка свари-ка кофе!

Голка, голка*, еловая иголка, — бормочет в усы представитель уездного пейзажа. История в его голове скрутилась

* Голка (чешск.) — девочка.

в спираль, — какая ж она вдова, по всем расчетам ей бы за семьдесят было, а она еще ого-го дамочка! Кому позвонить, кому перепоручить иностранку? Краевед! Морально устойчивый учитель на пенсии, он знает все, но еле дышит. В 68-м его уволили из школы за шаткость взглядов, двадцать лет протрубил на стройке, вот и подорвал здоровье.

Тотчас явился астматический краевед с ингалятором в руке и папкой под мышкой. В папке — общая тетрадь с красными закладками на походах смерти. Отвезет, конечно же отвезет он Рахель на тот вокзал, где пятеро суток держали Швенка без воды и еды, покажет и местное кладбище.

Кладбище спокойное, чистое, листья осенние с дорожек сметены в холмики, распятия вокруг, ни одного магендавида, разумеется.

Евреев хоронить теперь ездят со всего округа в Карловы Вары, ближе нет. Да и сколько их вернулось, умножилось и померло? Одного кладбища на всех вот так хватит.

Памятник безымянным полькам из Бухенвальда. Кто-то, наверное, ищет их, но не Рахель.

Краевед коллекционирует курьезы. Например, был здесь до войны богатый музей. А в нем — настоящая египетская мумия. В конце войны музей разбомбили. Тогдашний бургомистр велел сложить уцелевшие экспонаты в сарай, а мумию с почетом захоронить на Краслицком кладбище. Только захоронили, приходит запрос из Центра.

Куда делась бесценная египетская мумия? По всей видимости, кто-то из участников церемонии стукнул наверх. Прибыла комиссия по охране памятников культуры. Мумию велели выкопать и передать комиссии для отправки в Египет. Ее реставрацией займутся тамошние специалисты. А польки так и остались лежать на Краслицком кладбище, на них запрос не пришел.

59. Зреет новая концепция про фашизм

Брит начитался Маринетти. Фашизм — явление культуры, а не политики. Было бы отрадно считать, что фашизм — результат межвоенных политических кризисов. Но это не так. Война лишь создала условия, при которых идеология превратилась в политическую силу.

Сеньора Керубини похрапывала после обеда. Книга про роды под подушкой, письма Амалии в папке, — глаза повсюду, — постоянство окружающей среды. У него, наверное, и в старости на стенах будут одни записки на булавках, бабочки раздумий, беспорядочно наколотые повсюду.

Фашизм — это реакция на финансовый кризис, — заявила сеньора Керубини, проснувшись. — И нечего умствовать.

И девушки ему говорят: завязывай ты со своим фашизмом, ну сколько можно ползать в смердящих ущельях истории, ковыряться в гнилье! От тебя за версту несет! Замарался и других мараешь. Кто полюбит такого? Пошел бы ты в баню да и смыл с себя эту мерзость!

Но Брит не отступится, он найдет источник зла, обезвредит его и замурует навеки.

60. Кабы знать, кого карать, а кого миловать!

Завихряешься, матушка, ишь ты, меч карающий, рука ласкающая...

Как погляжу на все несправедливости...

А и не гляди! Обдeldывай свои делишки, и баста.

В безоглядности?

61. Трам-тарарам

Лизелотта силится что-то сказать, да слова прилипли к гортани. Тычет пальцем в белый прямоугольник, туда, где раньше висела фотография.

Кристина поднесла к ее лицу портрет сестры с виолончелью. Лизелотта прогнулась, заметалась, стала рваться вон из простынь. Кристина убрала портрет. Лизелотта успокоилась и испустила дух.

Эрна скрестила Лизелоттины руки поверх простыни. Доктор приложился к холодному лбу покойной. Увы, он ускорил ее переход в иной мир. Ускорил, но и облегчил.

Доктор вывел из комнаты полуобморочную Кристину. Смерть по пятам бродит. В старости да в своей постели преставиться — еще куда ни шло, а кто ее мужа из-под земли достанет, кто его похоронит... как человека... А утром снова вставать, снова день начинать...

Доктор поглаживал себя по аномальному черепу, похлопывал Кристину по плечу, — нужно связаться с посольством в Индии, вполне может случиться, что индус жив, нельзя оплакивать живого.

Живого?

Да, живого. Загулял парень...

62. Кого напоминает Кристина?

В саду было тихо. Не шуршала листва, не гудело озеро, свет из комнаты Эрны освещал зеленый пяточок травы, где стояла машина, и они, двое. Продолговатое лицо Кристины с прямыми волосами до плеч, ее глаза, чуть раскосые, смотрели на него прямо, губы дрожали, — кого она напоминает ему, кого?!

Не уезжайте, — доктор упал перед Кристиной на колени, — я так виноват перед вами, непростительно виноват.

Прекратите, доктор! Лизелотта прожила, дай бог нам с вами и моему бедному мужу.

Доктор поднялся, отряхнул брючину и исчез во тьме.

Эрна говорила по телефону, по-английски. При виде доктора она умолкла и, выдержав паузу, переключилась на немецкий.

От сеньоры Керубини, из Рима, — объяснила она, прикрыв трубку ладонью. — Англичанин, исследователь фашизма, я вам о нем рассказывала, просит помощи. Ему надо уехать из Рима в Лондон, а он не может оставить старуху.

Сеньора Керубини, та самая... — доктор задумался. — Попросите его повременить с отъездом.

63. Шабес-гой получает в подарок тридцать открыток

Хранить при себе или посылать по почте. У Николауса Берхема творится светопреставление. Гроза, дождь хлещет, крестьяне в лесу со скотом своим, овцы полегли, коровы стоят и мычат, крестьяне смотрят на небо, а там, на облаке, белокрылый ангел в облике Христа или Христос в облике белокрылого ангела, — над ним, если всмотреться, веноч в небе из маленьких пляшущих в круг ангелочков, а слева вверху на кучевом облаке мать и отец, взрослые ангелы, отец — оранжево-серый с крыльями, а мать — белокрыла. Семеро крестьян смотрят в небеса. Если бы один такое узрел, ему бы не поверили. Всемером — это уже круговая порука.

Что стало с крестьянами, когда видение исчезло? Пали ниц? Принесли одну из овец в жертву? Разбредись по миру проповедовать о чуде? Одного белокрылого ангела в небе достало бы, чтобы разом поверить в воскрешение. Видно, Николаус Берхем бесповоротно утратил веру в свой народ, раз наслал оптом такое скопище чудес.

Святое семейство Фра Филиппо Липпи. Тут все ясно. Мария, Иосиф, два вестника, волхвы и Христос-младенец в прозрачной простынке. Иосиф сидит, одной рукой опершись на посох, а другой подперев подбородок. Его одолевают раздумья, если не сказать сомненья, все-таки

не каждый день случаются события такого масштаба — зачатие от самого духа, понятно, Святого. Мария вне подозрений, она — сама невинность, над головой ее вечно сияет нимб. Богородица стоит на коленях, скрестив на груди тонкие руки. Придет ли вовремя молоко? Этим тоже озабочен старик Иосиф. Раз родила в срок, то и молоко в срок придет, — утешают его ангелы, зримо присутствующие. Что ж, думает отец-не-отец, останется и после него потомство, лишь бы вырос мальчик счастливым на радость матери.

Смотреть открытки на сон. Никому не отсылать. Держать все тридцать штук под подушкой.

64. Доктор заявляется к Кристине ночью

Что он ей скажет? Что полвека искал свою любовь, и вот она, вернулась, хлестнула плешивого старика по сердцу.

Хана Нойманнова, операционная сестра из концлагерной больницы. Убита в октябре 1944-го. Хана-Кристина! Реинкарнация. Происки индуса-буддиста. Нет, в эти глупости он не верит и никогда не поверит. Простое сходство, и все.

Дорога долго петляла меж горных озер, все названия прибрежных городков заканчивались словом «озеро». Кройцензее — крестовое озеро, Бадензее — курортное озеро. Он ехал в Хиршензее — на оленье озеро, что в пятнадца-

ти километрах от Кройцензее. Если карта не врет, считай, он уже здесь.

Кристина всплеснула руками, доктор, что случилось?!

Ничего, ничего... Разве обязательно что-то должно случиться, а если просто так, без повода... Дежа вю, если угодно.

Присядьте, доктор.

Да, это она. Те же тесемки комбинации из-под кофточки, юбка с множеством складок, как на святой Терезе, мраморная кожа.

На телевизоре — фотография индуса: горячий, жирноватый.

Куда прикажете?

Да хоть сюда.

Кристина волнообразным движением подхватила детские кофточки, освободила диван.

Доктор провалился в плюшевую мягость.

Кристина, — доктор взял ее за руку. Та же кисть, тонкая, ускользящая, теплая. — Послушай...

Слушаю вас, доктор.

Ох, не называйте вы меня так!

Я привыкла.

К чему?!

Называть доктора доктор.

Где вы к этому привыкли?

Работала медсестрой.

Операционной?

Операционной.

Доктор запрокинул голову и закрыл глаза. Открыл. Потолок, видно, индус белил, перед отъездом... Закрыв глаза, он продолжил думать об индусе. Он погиб, чтобы доктор остаток дней своих провел здесь, в этом доме, подле Кристины. Жена найдет себе другого... Он слышал это от русских, в плену.

Я останусь с вами... у меня приличный доход... вам не надо будет руки марать... будьте моей... сестрой милосердия... Доктор впился губами в ладони Кристины... Арт-нуво... Кристина Арт-Нуво, рафинированная красота, для знающих толк в.

Доктор у ног Кристины... гладит ее ступни, голова лысая утопает в юбках... я люблю тебя, Хана, я люблю тебя...

Залез под юбку, нашел что искал, — нет, он не может, он слишком, слишком любит ее...

Кристина встала, расстелила постель, сколько можно на диване возиться, пусть ляжет как человек.

Наутро не помнить, и все дела.

Все вышло путем, и Кристине полегчало, — чему быть, того не миновать.

А доктор все целовал ее куда ни попадя, иногда было щекотно, и Кристина хихикала. Она даже развеселилась, позабыв про пропавшего индуса и смерть Лизелотты.

Доктор вздремнул, Кристина вымылась, вытерлась насухо, заглянула к дочерям — спят, ангелы, спят, хорошенькие. Что им предстоит?! Она заварила чай цветочный, накрыла стол в кухне, разбудила доктора.

Пейте чай, мне пора девочек будить, в школу собирать.

Но он уходит не желал.

Не балуйте, доктор, все же вы человек женатый...

Доктор клялся — ему никто, кроме нее, не нужен. Завтра же улетаем в Рим, вместе с ее дочерьми, прекрасный отель в центре, навестим сеньору Керубини, она в войну спасала евреев...

Вы, никак смеяться надо мной вздумали?

Доктор взял свою одежду и отправился в душ. Вода действует отрезвляюще.

Одетый и внутренне собранный, он извинился перед Кристиной. Надеется, что не нанес ей психологической травмы, — она ему очень-очень нравится, необыкновенная девушка, нежная, ласковая...

Чаю пожалуйста, — промолвила Кристина.

В другой раз, в другой раз, — доктор поспешно влезал в рукава плаща. Не дать ли ей денег. Нет, он отблагодарит ее, при случае. — Чудовищный день... кошмарные события... в Индии... — добавил не к месту.

Доктор, мне страшно... — пролепетала Кристина, — не уходите!

Нет, нет, я опаздываю. В Кройцензее.

Вы надолго туда? Дождетесь меня? Я только детей в школу заброшу...

Не уверен. Будь здорова, Кристина, все вышло просто великолепно.

65. Эрна не в силах дочитать письмо Лизелотты

«Страшно просыпаться под свастикой, с утра до вечера слышать хайлгитлеров, замечать следы по дороге к вам, звонить в дверь... Счастливое семейство... Твой отец, его взгляды, обращенные к моей сестре — твоей матери, ее сдержанная улыбка... О, я пылала такой страстью, меня рывала ревность. А ты мне радовалась, танте Лизл, танте Лизл... Это было очень рискованное предприятие».

так и сказано — предприятие...

«Изнутри огонь пожирает, а голова холодная. Я бросилась в ноги к твоему отцу, умоляю, разведись, пока не поздно. Он только улыбнулся в ответ. Обезоруживающая улыбка. Мы так славно ладим друг с другом. Славно? Подлавливать да затаскивать в номера, это славно, по-твоему? Опасные связи распалют страсть. С тебя ваяют Мать-Германию, а в перерывах пользуют. Между сеансами. Забыть ты ищешь, не любви. Ты меня ненавидишь! Нет, люблю. За что, за то, что я похожа на свою сестру? Только она ангел, я — дьявол, она постная, я с перчиком, она неподкупная, я продажная! За это ты меня любишь? И за это тоже. Мы могли бы жить втроем, открыто, без утайки. Только уйди от ваятеля... Развестись с ним? Ты сошел с ума! Он же нас всех отправит в концлагерь! Он только и ищет повода... Но боится. Что, если хайлгитлеры пронохают... Они и его упекут. Недонесение, недосмотр! Как

это, столько лет жил с жидовкой, да еще и ваял с нее ихнюю Мать-Германию!.. Я сойду с ума, я за себя не отвечаю...

Ах, как это смешно! Нашалила в молодости, напроказничала, ну и что? Любить убитого горем мужа отравленной сестры? Это, простите, некрофилия».

сжечь письмо утопить Лизелотту со всеми восклицательными знаками а если это фальшивка где доказательство почерк можно подделать кто бы стал этим заниматься доктор видел труп Кристина тоже присутствовала что если доктор все знал потому назначил вымывание шлаков нет не станет он с чужим прошлым связываться как появилось письмо Кристина подала ей конверт выпал из-под подушки когда она подкладывала под мертвую Лизелотту чистую простыню зачем меняла простыню под покойницей это записано Кристиной под диктовку отсюда и история с фотографией они сговорились не хочу ее видеть никого не хочу видеть выкинуть Лизелотту вон вечная красота молодости притвора немецкая подстилка лгунья убийца

Выкинуть труп в озеро. Темень. Никто не увидит. Погрузить тело на тележку, свезти к купальне. Камень на шею...

Эрна разорвала письмо, сожгла его и спустилась к озеру. Отдышавшись, она открыла купальню, встала в каное, оттолкнулась веслом. Она быстро гребла, чтобы согреться, до-

плыла до середины озера и остановилась. Абрис горы напоминал силуэт льва с высунутым языком. Открытая пасть и вываленный поверх клыков язык.

66. Матушка, чесани мне по загривку

А что мне за это будет?
Да чесани сперва!
Перхоты-то, батюшка!
Ой, матушка, и здесь чесани!
Я, чай, дама благородная.
Все вы рыла свиные.
Батюшка, окстись, по тебе блохи пляшут.
Так чеши же, лярва, не разводи балясы!
А что мне за это будет?
Да хоть царство небесное.
Подаришь?
Задарма отдам, матушка, приложи старание.
За царство небесное я тебя на лоскутки разниму.

67. Диана в шубе нараспашку

Диана с Шалико прогуливаются под ручку по мощеной набережной на Брайтон-Бич. Горланят чайки, старые евреи переговариваются на идиш. По поводу Дианы. Кто здесь эту проститутку не знает! Разве что птицы перелетные. Диана в черном платье в обтяжку, в сапожках на высокой шпильке, бедрами крутит. «Дамы, дамы, не крутите

задом, это не пропеллер, вам говорят», — напевают они ей вслед.

Шалико плевать на всех. Он влюблен. С набережной они сворачивают в меховой магазин. Диане шубу покупать. Песцовую, на зиму. Разоденет ее в пух и прах. Отучит нехорошими делами заниматься. Для него эти дела хорошие, но чтоб с другими! Узнает — прирежет. Мы, кавказцы!

Ни одна шуба на груди не сходится. Сделаем на заказ.

Портной обходит Диану по кругу, снимает мерку.

Диана смачно целует Шалико в макушку, — мой щедрый бизнесмен!

А что у вас за бизнес? — интересуется портной.

Оружием торгую!

Ой, вей!

68. Эрн выдавливает на Лизелотту крем из всех тюбиков

Лежит как ни в чем не бывало но жалкая жалкая все-таки рука на мумию не поднимется масла кремы лосьоны баночки флаконы тюбики ватки коробочки мешочки зеркалальца косметички пилочки ножнички капли таблетки микстуры мисочки чашечки подушечки иголки цветочки лепесточки веточки конфеточки штучечки-дрюечки...

славненько душечке на подушечке

вылить на нее все из банок выдавить из тюбиков торт рококо розочки из крема справиться тризну чтоб знала как убивать

заря цивилизации умиловивим богов наложим косметику на статую богини

и взял Шмуэль рог с елеем и помазал его среди братьев его... изволите Лизелотта Шмуэля с рогом и елеем пожалте-с братьев тоже желаете и сестер а одну из них особо к вам приближенную вот ее то вам не видать во веки вечные она уважаемая госпожа Лизелотта в иных мирах с нашим никакой стыковки

парфюмерные сосуды найденные в гробницах посмертные подношения покойному уложить в гроб баночки флакончики тюбики самые дорогие при жизни предметы флаконы с ароматическими жидкостями для освежения воздуха во время погребения запахи соблазняют пробуждают разные чувства от нежности до ненависти ароматы легкие и свежие приторные и тяжелые косметика дорога как серебро и золото иудейский царь Хизкиягу принимая гостей из Вавилона показал им сокровищницы свои серебро и золото и благовония и дорогие масла противно человек не человек но она всегда такая была полувдова великого ваятеля дерьма дышать нечем все в благовониях все пузырьки с флаконами пусты сюда побольше крема сверху побрызгать из хрустального пульверизатора на руки вонючую мазь спрыснуть шанелью лица не видно под штукатуркой едва проступают черты сверху на них из тюбика розочки рококо сюда сюда и сюда как теперь узнать покойницу

все стереть

69. Матушка показывает батюшке фигу

Косарица ты наша, всю человеческую породу извести задумала!

Окстись, батюшка, мизинцем божью тварь не трону.

А тараканы, а блохи намедни?

Дак то войско идолово!

Нешто люди...

Батюшка, не вводи в искушенье, не восстанавливай насупротив!

А я, матушка, адвокат сатанинский.

Врешь, хочешь, чтобы я за тебя порадела, накося, выкуси!

А кулачок-то у тебя сладенький...

Что головка сахарна...

70. Эрна дремлет при свете ночника

Принесли чашу с цикутой.

Сократ (деловым тоном палачу). Вот и прекрасно, любезный. Ты с этим знаком. Что мне надо делать?

Палач. Да ничего, просто выпей и ходи до тех пор, пока не появится тяжесть в ногах, а тогда ляг. Оно само подействует.

Сократ (принимая чашу из рук палача). Можно совершить этим питьем возлияние богам? Нет. Но помолиться, конечно, следует, чтобы «переселение» совершилось благо-

получно. Об этом я и молю, и да будет так. (*Сократ осушил кубок.*)

Ученики Сократа рыдают.

Сократ (прохаживаясь по камере). Ну что вы, чудаки, не для того ли я отослал женщин... Меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя!

Почувствовав тяжесть в ногах, Сократ лег и накрылся плащом. Тело его постепенно теряло чувствительность, но лицо оставалось невозмутимым.

Сократ (судорожно откидывая плащ, Критону). Критон, мы должны Асклепию петуха. Не забудьте отдать...

Критон. Петуха приносят в жертву богу Асклепию по выздоровлении, — учитель хотел сказать этим, что он считает свою гибель выздоровлением для лучшей жизни в вечности.

Но Сократ не услышал слов друга — он был мертв.

Ксантиппа кричала и била себя в грудь. Чем, ну чем ее муж так провинился перед городом?!

Чем, ну чем моя мать так провинилась перед Лизелоттой?!

Гора в окне окольцована облаками, изумрудная трава блистает, гроздья рябины заслоняют озеро. Зябко. Эрна надела теплые носки, завернулась в одеяло и глянула в книгу, оставленную раскрытой на столике.

«Рассказ очевидца казни. Сидя подле Сократа, я испытывал удивительное чувство. Я был свидетелем кончины близкого друга, а между тем не ощущал к нему жалости — он ка-

зался мне счастливец... До того бесстрашно и благородно он умирал, что у меня даже являлась мысль, будто и в Аид он отходит не без божественного предопределения и там, в Аиде, будет блаженнее иных».

Героика смерти, бесстрашие правоты.
Привидение, вымазанное кремами.
Несносный парфюмерный дух.

71. Битва при Колизее

На рассвете Брит приблел к Колизею. Внутрь еще не пускали. Площадь перед нерушимой святыней загажена голубиным пометом, внутри, в проемах арок, снуют бездомные кошки.

Крепость как феномен архитектуры. Оборона. Не пускать к себе чужих. Закрытое общество, часовые на посту, пушки у бойниц. Все готово к отражению — никто не нападает. День прошел, год прошел, век прошел — никто не нападает. Бойницы мхом покрылись, пушки заржавели, вода в обводных каналах провоняла, армия разложилась. Крепость, построенную в честь императрицы Марии Терезии, можно было взять без боя. Но никто не брал. В Первую мировую ей, наконец, нашлось применение, не всей, разумеется, а одному лишь зданию, учрежденному под тюрьму. Зато во Вторую мировую крепость показала себя со всех сторон — и как объект обороны и как институт охраны здоровья нации. Сюда поступал для обработ-

ки вредоносный материал, а когда его становилось слишком много, комендант подгонял к воротам скотовозы, и те вывозили избыточное сырье на утилизацию. Охранительные и карательные функции были возложены на армию-очистительницу.

Ликургово «Побеждать и повиноваться»... Чем не Спарта с ее общиной равных, государственным воспитанием, доносами и шпионством... Воздух Греции, архитектоника пустот, — от кого было защищаться юным грекам, разве что от богов всесильных, но те и сквозь стену пройдут! Римляне же, отправляясь завоевывать, должны были быть уверены: никакой враг не возьмет их земли, прочны их дома, прочны их соборы.

Что осталось от Спарты? Тупые марши да архитектурный орден — дорийская колонна. Тяжелый цилиндр, прочный, без затей.

Плебеи! — вскричал Брит. — Не пошли за Афинами, погнались за лживыми солдафонами!

А мимо как раз проходил плебей. Остановившись перед нарушителем спокойствия, он размахнулся и врезал ему в челюсть. Очнувшись от удара, Брит проверил нагрудный карман — бумажник исчез. Плебс вновь одержал сокрушительную победу.

72. Бернини пробуждает Эрну ото сна

Лил дождь, косые струи ударяли по подоконнику, стекали на пол. Плутуватый Ангел Бернини разлепил сонные гла-

за старой девочки, направил свет на кривую стену, вода из фонтана четырех рек сливалась в бассейн... Орбитальное пространство, созданное причудливым воображением Бернини...

Как же изумилась Эрна, встав и не обнаружив дома ни Лизелотты, ни Кристины. Комната прибрана, поубавилось пузырьков и баночек, но в целом все выглядит так, будто бы Лизелотта отправилась на озеро, прихватив с собой сумку с кремами и лосьонами. Но что ей делать на озере в дождь?

Эрна влезла в старые ботинки, надела плащ серый и козынку на голову и отправилась к озеру. Дождь утихал, последние его капли лениво падали в воду. Под рябиной укрылись мальчишки с велосипедами. Мальчишки плутоватые, что задумали? А ничего, прыснули хором при виде смешной старухи, оседлали велосипеды и — вперед. Осталась она одна на озере. Она да дикие утки.

Горы вдали все еще были окутаны густыми облаками.

73. Иллюзии барокко

Дождливое утро, будни, таверна пуста. Хозяин, разодетый на манер тюрингского охотника, с распростертыми объятиями принял единственную посетительницу, — кто к нам пожаловал, давненько вас не видели... да и в дождь такой... подбавлю-ка жару в честь такой гостьи... Он поковырял железякой в камине, подбросил угли с лопаты, принес штоф домашнего шнапса, стаканчики и блюдо с тонко нарезанной копченой свиной.

На стенах висели картины Эрны, пейзажи округа Кройцензее. Хозяин купил их у нее лет десять тому назад, тогда она была на взлете. И впрямь недурны эти дикие цветущие вишни, а какая была морока с освещением — ветер гонял облака, как бильярдные шары по лузам. Рядом с картинами висели охотничьи трофеи — олени рога и кабаньи головы.

А как самочувствие фрау Лизелотты?

Она умерла.

Выпили не чокаясь, проговорили положенные слова.

Ритуал.

Молочница давеча новость принесла, мол, привидения поселились в доме убийцы.

Эрна поперхнулась шнапсом.

Думаете, научно можно объяснить привидения?

Не думаю.

Слава те... Хозяин перекрестился на горный пейзаж.

Край озера на первом плане, осока, сквозь нее — вид на снежную вершину, словно из ямы нарисовано. Так неожиданно — снег сквозь тонкую зелень.

Жаль бедного убийцу...

Убийцу? Жалеть? Да я бы его вот этими... хозяин втянул губы и потряс кулаками.

Но он же никого в Кройцензее не тронул. Где-то там убил, на стороне, давным-давно.

Раз убил — значит, все. Он уже не человек.

Хозяин воевал в России. Попал в плен, вернулся больной. Иллюзии барокко... криволинейные формы в конце концов сходятся к линейной перспективе — таков закон, иначе разлетятся они как кометы по небу...

Разрушение формы.

Крошево времени.

Сухие куски необожженной глины при размочке превращаются в гомогенную массу. А обожженные — не слепишь, сколько не кропи водицей, пусть даже и святой.

74. Психотерапевт с фобиями

Агнес Секбах прибыла из Гамбурга в Иерусалим на конференцию по борьбе с курением. Толстая, неуклюжая, с одышкой, щитовидкой и глазами навывкат. Кругом кошки, а она их боится. Кругом такси, а она ехать боится — обсчитают. Кругом еда, а она есть боится — отравится. Боится всего, что быстро движется, а также темноты, узких улиц, неожиданных громких звуков, яркого света, шума, подъемов крутых, однако хочет посмотреть город и найти в архиве музея катастрофы и героизма свидетельства о двоюродной бабушке, урожденной Амалии Секбах.

Агнес родилась в Аргентине в семье немецких евреев, эмигрировала в Гамбург, и там, среди германцев, призадумалась. Говорят, они убили ее бабушку потому, что та была странной, рисовала, увлекалась оккультизмом, собирала древнекитайские гравюры... Но ведь и Агнес бог весть чем

увлекается — психоанализом, нетрадиционной медициной, китайщиной и японщиной... Может, уехать из Германии, на всякий случай? С языками у нее свободно — испанский, немецкий, английский.

75. Встреча с Джоном Червенкой

Агнес оступилась на ступеньке Башни Давида, и это послужило поводом для знакомства с галантным Джоном Червенкой, прибывшим из Нью-Йорка на конференцию по компьютерам. Кроме того, у него есть другая цель...

Разыскиваете погибших родственников?

Как вы догадались?

Ясновидящая, — улыбнулась Агнес, а улыбка у нее была обворожительная, несмотря ни на что.

Джон поверил. Он даже не удивился. Известно, что в дурдомах Святого Города одновременно проходят лечение как минимум пять Мессий, три Христа и четыре Марии Магдалины. Называется это явление «Иерусалимским синдромом».

Пророчица Сибилла! — усмехнулся Джон.

Нет! — отшатнулась от него Агнес. — Я знаю, как легко здесь впасть в экзальтацию, упаси Боже, я крепко стою на ногах.

Это я заметил, — усмехнулся Джон.

Так, болтая о том о сем, осмотрели они знаменитую башню, откуда, по преданиям, взирал царь Давид на кра-

савицу Бат Шеву, Вирсавию по-нашему. Но мы-то знаем, что эту башню построили во времена Османской империи, так что царь Давид ну никак не мог с нее взирать на Бат Шеву. А где же взаправдашний дворец Давида? Говорят, в восточном Иерусалиме. Мифический Израиль... Две Голгофы, две могилы царя Давида... Каждой твари по паре, — сострила Агнес. — Говорят, псалмы он слагал в долине Силуанской, но евреям туда ходить не рекомендуют. Арабы прирежут. Но Агнес же из Германии! Но у нее еврейская кровь. И у Джона еврейская кровь, вот совпадение!

А не выпить ли кофе? В арабском кафе? Не опасно? Да нет, это вам не Силуанская долина! Рискнем. За кофе Джон изложил Агнес свою историю. Его мать успела смыться с ним из Праги в 1939 году. Малютка Джон оказался в стороне от страшных событий. Отца и всю его семью депортировали в Терезин, а оттуда в Освенцим. Потом отец был в каком-то рабочем лагере на территории Германии... короче, никто не вернулся.

Кофе был явно переслащен, но еще пуще скривилась Агнес, когда Джон закурил сигару. Это было невыносимо, но что-то и она должна терпеть...

После кофе они с Агнес свернули на узкую улочку. Джон остановился в гостинице «Империал», сравнительно дешевой и чистой, предыдущую ночь он провел в хостеле, там его жрали клопы, а утром он нашел на стене таракана.

Брррррррррррррр!

Пока Агнес ждала Джона в холле, лоснящийся от жира хозяин строил ей глазки. Это тоже было брррррррррр. Наконец, Джон спустился с папкой под мышкой и они поехали на такси в Яд Вашем.

В архиве ей выдали три увесистых тома, в одном из них она обнаружила Амалию Секбах и быстренько переписала даты. Мало того, милая сотрудница сообщила ей о существовании сеньоры Керубини (Агнес записала имя и адрес) и посоветовала обратиться к ней за дополнительной информацией.

Агнес повезло, Джону — нет. Его направили за информацией в Бухенвальд.

Казалось бы, пора и распрощаться — все, что можно сделать, сделано, и в максимально короткий срок. Но совместные поиски сближают. К тому же из-за фобий Агнес не способна обозревать Иерусалим в одиночестве. Пустив в ход обворожительную улыбку, она назвала некоторые из имеющих у нее фобий. Джон проникся. Агнес переехала в «Империал».

76. Шабес-гой ерничает

В России такой роман вспыхнул бы от хандры или по пьянке, когда идешь на сближение, не давая отчета ни себе, ни тому, с кем на него идешь.

В западном мире все обговаривают заранее. Должно быть ясно, чего хочешь, а чего не хочешь. К примеру, хочешь сближения, но не хочешь зависимости. А уж тем паче —

привязанности. Привязанность делает расставание болезненным. И начинается — нервное расстройство, психологи, минимум сто долларов в неделю.

В России наутро будет стыдно и голова будет раскалываться, а если не стыдно, тогда выйдет мучительный роман с частыми встречами и разрывами.

В западном мире наутро будет хорошо — со свежими силами на конференцию. Главное, не забыть обменяться визитками. Липучие навсегда остаются в записной книжке, а не липучие часто теряются. Пусть у Агнес и Джона будут липучие.

Интересно протекает сближение в процессе общих поисков. В самые пикантные минуты Агнес и Джон не прекращают обсуждать историю бабушки Амалии, отца Джона и его семьи — просто не могут остановиться. Ни тот, ни другая. Незримое присутствие умерших обостряет чувства и приводит к полному слиянию.

Агнес напишет книгу «Влияние катастрофы на третье поколение», у Джона задача поскромней — найти место гибели отца и установить там памятник. Желательно, на горной вершине, чтоб было видно отовсюду.

77. Швенк превращается в Орфея

Берег Средиземного моря. Тель-Авив. Полдень. Рахель плетется по песку, спущенный парашют за спиной.

Вместо «Смеха на руинах» — «Орфей спускается в Ад». Музыка Оффенбаха. Никаких возьмемся за руки друзья и пойдем в разные стороны. Швенк — Орфей!

Тут и море не утешит. Забыть все, описывать природу. Чуден Яркон* при какой-то погоде. Русло высохшей реки, как панцирь динозавра.

Иордан — мелкая речушка, на карте не видно, прой-
дешь — не заметишь. Зато ее место в мифологии огромно. Режиссеру нужна сказка, метафора. На это он опирается. Возьми Птицу-Феникс. Она восстала из пепла. И Швенк восстал из пепла.

Швенк как таковой никому не интересен. Пьесы его — пассе! Песни его — пассе! Он был нужен нам для вдохнове-
ния, он взял нас за руки, свел вместе, но это не значит, что мы должны идти у него на поводу и разыгрывать лагерные скетчи, которые утратили всякую актуальность. Театр — не документ.

78. Рассказ Шабес-гоя о том, как один старик нашел то, что искал

Если ты исполнен решимости выбраться из подземелья —
иди и не оглядывайся.

Под руководством отважного знатока канализационных систем города Вильнюса сто евреев вырвались на свободу и ушли в леса к партизанам.

С тех пор знаток канализаций ищет и никак не может найти то место, где он со своей командой погрузился в люк, где они пробирались сквозь дерьмо вонючее, чтобы выйти

* Яркон — река, протекающая через Тель-Авив.

потом там, где сейчас Галерея Выставок. Вышли они именно там. Но где вошли?

И вот однажды, сопровождая по бывшему гетто съемочную группу из Вирджинии, он зашел за угол, чтобы справиться нужду. И что же он там увидел? Ту самую старую уборную, яму со ступеньками, навозных мух...

С криком «нашел, нашел!» взволнованный старик выбежал к съемочной группе, замахал руками. Группа последовала за ним.

«Здесь это было!» Старик склонился над ямой, он вдыхал неистребимый запах дерьма и плакал от радости. Так и запечатлела его камера, склоненного, с медалями, свисающими с планок, как игрушки с новогодней елки.

Съемочная группа долго отдыхивалась, оператор со звукооператором отказались обедать. Старик обедать пошел, ел с завидным аппетитом и думал: конец легенде, все, что было, было. Там они спустились, а где вышли — он и так знал.

Вечером старик проведал Шмулика, единственного, кто был с ним тогда и до сих пор не уехал из Литвы, поскольку был парализованным. Рассказал Шмулику, что он нашел. Чтобы закрепить это событие не только в своей, но и в Шмуликовой памяти, которая, сказать по чести, никуда не годилась. Не прошло и пяти минут, и Шмулик спросил, а что же он нашел, и выслушал историю повторно.

Это не наш город и не наша канализация, — сказал Шмулик. — И это уже не мы, — прибавил и заплакал.

Что с него взять, лежит целыми днями и предается душам.

Много неясного и мало осталось времени, чтобы разобраться.

Но его-то вывел нюх, он нашел, что искал. Так постепенно и все найдется.

79. Все худшее ко всему лучшему

Ухожу от вас, матушка.

Далеко, батюшка?

За континент, матушка, начинать сызнаова, всю печень расклевали вы мне жалобами концевековскими.

Да мы ж без опоры твоей рухнем, что столбы Александрийские!

Столпы, матушка...

Не лукавь, батюшка, и за континентом век кончается.

Там я худо-бедно следующего дождусь, там никто в печенки не лезет.

Приляг, батюшка, я тебя легонько ощупаю... Ой, и правда, из всяческих границ вон! Поезжай-ка ты за континент, входи в русло.

Только бы не вышло перемены к худшему!

Окстись, батюшка! Худшее — оно всегда к лучшему!

80. Доктор и его фрау наносят визит сеньоре Керубини

Пока то да се — собор святого Петра, Фонтан четырех рек на Пьяцца Навона, Колизей, церковь Сан-Карло алле Куатро Фонтане, церковь Сант-Иво алла Сапиенца, церкви Санта-Мария ин Монте-Санто и Санта-Мария деи Мираколли на Пьяцца дель Пополо, Палаццо Барьерини, Площадь Капитолия, пятое-да-десятое — Пьета Микельанджело, Давид, Сикстинская Капелла, Страшный суд, Пьета Ронданини, — все это мы страшно любим, — поэтому в первый день не вышло... но мы так рады видеть вас, сеньора Керубини, сколько лет, сколько зим...

О, вот эти глаза я видел... однажды... она сидела на матрасе и рисовала... на бумаге из-под маргарина. Эти глаза... врезались в память...

Фрау сделала лицо и встала. Доктор жестом велел ей сесть на место, а сам бухнулся перед сеньорой Керубини на колени и понес несусветную чушь. Про какого-то черта, который якобы в нем поселился, он одинок, он сходит с ума...

Горазд комедии ломать! — рассвирепела фрау и ушла, хлопнув дверью.

Травматические роды... Провал... Первая мировая война... Вторая мировая война... Мы, возможно, самая травмированная нация в Европе... Только роды в воду могут нас спасти...

И значит, нет никакого избавления... от черта, что скребется внутри...

Попробуйте крикнуть, изо всех сил. Как младенец...

81. Фрау рассуждает об отрастании рогов

Достаточно ли одной измены, одной ночи с психованным Вирджинцем, чтобы у супруга проклюнулись рога, — размышляла фрау доктор, пересекая двор с замшелым фонтанчиком на стене. Она заметила у доктора две пупочки на лысине.

В подворотне она столкнулась с Вирджинцем.

Этого быть не может! — сказала она.

Здесь живет моя сводная бабушка, — захохотал Вирджинец, — а вот что ты здесь делаешь, это еще предстоит выяснить. — С этими словами он схватил ее за руку и увлек в неизвестном направлении.

82. Доктор наблюдает явление левитации

Ему нужна сеньора Керубини. А ей нужна медицинская помощь. Разгрузка верхнего отдела. Он увезет ее в Кройцензее, в дом на озере, к одинокой Эрне. Кристина за ними будет ухаживать. После всего, что сеньора Керубини сделала для евреев, она заслужила полный пансион.

Из горла сеньоры вырвалось ах и она поднялась над полом.

Множество глаз, упрятанных под стекло и заколоченных в рамки, с восхищением созерцали момент парения.

У доктора помутнело в глазах. Оказавшись свидетелем явления доселе невиданного, он призвал на помощь картину Николауса Берхема, где семеро крестьян сообща наблюдали явление левитации, правда, парили ангелы, но с такими человеческими лицами и так низко над полем, что полет сеньоры Керубини вполне укладывался в рамки художественной системы Николауса Берхема. Доктор прислушался к себе, в нем было тихо, никто не скребся и не царапался. С трудом передвигая пудовые ноги, он дошел до двери, открыл ее и вышел вон.

83. Супружеская чета утрачивает общий язык

Избавившись от назойливого хохотуна и заплатив за это по полной мере и не без приятности, фрау доктор вернулась в гостиницу. Дверь была распахнута настежь. Доктор спал мертвецким сном. Она провела рукой по его лбу, — пупочки не проросли, — сняла с него ботинки, плащ, брюки, пиджак, — доктор не оказывал ни малейшего сопротивления. Но стоило ей вытянуть из-под него покрывало, он вскочил, закричал и, пошатываясь, двинулся в уборную.

Вернулся без лица вовсе, бледной тенью нырнул под одеяло.

Вальтер, прости, я виновата, — плакала она настоящими слезами. — Ты же знаешь, ко мне липнут все психи. А этот — просто патентованный, скупает сюжеты жизни, полностью сбрендил, у него истерический смех, он похудел на сорок кило из-за спазм желудка. И все потому, что

ментов, которыми меня осыпали люди, близкие, скажем, к искусству.

Ты, похоже, малость сбрендила. Улучшить человечество посредством нетравматических родов? Приписать сволочизм следствию болевой травмы при рождении?

Все, лечу на апельс!

85. Матушка с батюшкой пытаются разыграть античную пиесу

Амфитеатр заливают дождем. Говорливая публика смыта внезапным ливнем и укрыта самим Понтием Пилатом в «Кейсарии», где все сообща предаются возлияниям, пьют вино, присланное в ресторан из монастыря молчальников.

На сцене опустелого амфитеатра двое в плащах. Батюшка и матушка.

Батюшка. Каллироя в Милете хоронила Херея, а Херей в оковах, копал землю в Карию.

Матушка. Вперед забегаешь!

Батюшка. Пассаж уж больно заковыристый.

Ох ты, матушки-батюшки, не сыграть им пиесу никак.

Казалось бы, всё выдержали твердыни духа. И Федора Смирнова, и Лизелотту Сальери, и парашюты с глазами и каплей яда на острие, сквозь истории с кремами и то про- тиснулись. А дали им сцену, так поди ж ты, на каждом слове запинаются.

86. Диана и Шалико танцуют на шахер-махерской вилле

Торговцы оружием любят давать на культуру. Диана знай очаровывает, помахивает шалью с блестками, выходит в сад отдышаться. Ах, я кончаю от природы, а вы? И только начинает клевать, Шалико тут как тут — уводит на танец. Любит он танцевать, чувствует себя невесомым в кружении. Какие люди вокруг, Диана, от них зависит наше завтра. А сегодня? Сегодня они отдыхают.

Земля под паром.

Ничего не угрожает нам, пока они танцуют, побалтывают фужерами, прогуливаются по зеленому ежику поля для гольфа, ныряют в голубейшую воду с маленького трамплинчика, — пока они отдыхают, кроме как о нуждах культуры, беспокоиться не о чем.

Шалико, ты вспотел, дорогой!

В таком обществе следует источать натуральную свежесть, ни в коем случае не пользоваться дезодорантами и лосьонами.

Какая ночь, вы читаете по звездам? — Шалико отправился в душ, по сему случаю Диана, целомудренная наша красавица, поводит плечиками голыми — вы любите искусство?

Пожилой шахер-махер с головой уходит в пломбиры нежные. — Искусство катастрофы, например?

Шахер-махер в ужасе отстраняется, залпом выпивает коньяк и заедает лимоном.

Был такой актер, Чарли Чаплин... погиб в катастрофе.
Автомобильной?

Да. Засмотрелся, и тут на него из-за угла огромный грузовик...

Короче, что нужно?

Десять тысяч на памятник.

Нет проблем. Выписывает чек на названную сумму и приглашает Диану на танец. Он мнет ее и шупает, втирается в нее, пыхтит довольно, оказывается, есть еще в нем сила. Что за баба, кто ее привел?! Шалико! С ним не договоришься.

Глаз у Шалико наметан. Удар — и Дианин благодетель колом катится по траве. В таком обществе! Да, именно! Здесь уважают силу.

Шалико кипит. Диана невозмутима. Чек в сумочке, и она подмигивает мысленно своему мальчику с шарфом на шее, спел бы ты мне, Швенк, песенку про то, как наступит завтра, запакуем мы с тобой вещички и айда домой!

87. Небольшая авария

Шалико! Истреби в себе щекотливые струны, которые способны раздражаться и гневаться, приведи себя в состояние все выслушивать спокойно. И услышишь ты тот средний голос, который получается в итоге тогда, когда сложишь все голоса и сообразишь крайности обеих сторон, словом, тот всеми искомый средний голос, который недаром называют «гласом народа и гласом божьим».

Специально для Шалико поделили мы гоголевскую тираду на простые предложения, но тот так и не понял, к чему его призывают, и резко затормозил.

Козел, ты мне за это заплатишь! — закричал Шалико, хотя сам был виноват, а это еще обиднее.

Зато мистер Червенка принес свои извинения, притом, что виноват не был.

Они отогнали машины за угол. Шалико кипел. Мистер Червенка пытался его успокоить. На помощь пришла Диана и уговорила мальчиков утрясти все дела в кафе на Гринвич-Вилидж.

По дороге она рассказала мистеру Червенке по имени Джон о себе и женихе. В начале перестройки она уехала из России в Израиль, а оттуда в Америку, а ее Шалико родом с Кавказа и вспылчив, как все кавказцы. Но добрая душа, дал деньги на установку памятника одному парню, который играл кабаре в гетто и погиб на походе смерти.

Этого не может быть! — Джон взял Диану за руку и посмотрел ей в глаза.

Уму непостижимо! Люди, которые ищут кого-то там, натываются друг на друга здесь. Причем при самых невероятных обстоятельствах.

Они сели за столик. Официант принес меню и зажег свечу для интима.

Джон рассказал Диане и Шалико историю своего отца, погибшего, похоже, на том же походе смерти, что и Швенк, и о невероятной встрече с Агнес, — представляете, приехали в Израиль на совершенно разные конфе-

ренции, и сошлись — он искал сведения об отце, она — о бабушке.

Диана глаз не сводила с Джона, — нравятся ей такие мужчины, волосатые, и при этом чисто выбритые, с твердыми подбородками и мягкими губами, — может, и ей следует заняться розысками сведений о погибших родственниках? Это же так увлекательно — искать вместе!

Шалико с восхищением и ужасом смотрел на Диану, она уже и Червенку заграбастала. Пусть он теперь заплатит мне за вмятину в своей машине.

Шалико, приведи себя в состояние все выслушивать спокойно!

Кто это сказал? Явно не Диана и не мистер Червенка. Но кто бы ни сказал, он ему ответит. Если чайник поставишь на газ, он закипит, хоть на большом огне, хоть на маленьком.

Конечно, надо воздать честь погибшему, пусть даже мы не были знакомы с ним лично, — вставил свое слово Шалико.

Мистер Червенка пожал ему руку, Диана чмокнула его в лоб.

Снюхались! И не за его спиной, прямо на глазах. Понятно, что происходило между ней и иранцем, когда он, Шалико, остывал под душем!

И именно в тот момент, когда из Шалико повалил пар, придурковатый тип с рожей волкодава подсел к Диане и ущипнул ее за бок, при всех.

Старый клиент? — Шалико выразительно посмотрел на Диану.

Что-то тут происходило, чего не понимал Джон, и все же он вежливо попросил незнакомца пересесть. Но тот, насмехаясь ему в лицо, раскурил сигару и сообщил, что был недавно в Иерусалиме по делам бизнеса. Занесла его судьба в привокзальный ресторан, — ресторан есть, а поезда не ходят, и там скапливаются шлаки.

Диана, я бросаю тебя, — сказал Шалико и ушел, не расплатившись.

88. Диана приступает к работе

«Дорогушка! Это последнее, что удалось выцарапать для нашего мальчишка. Сообщи, где и когда его покажут. Деньжата получены дуриком. Знаешь, одна волна прибьет на берег жемчуг, другая — тюленя мертвого. Шалико меня бросил, мне очень хуево, так что скорей давай Швенка. Диана».

Вернувшись из банка и ломбарда, куда она, для верности, заложила песцовую шубу, Диана обзвонила девочек, созвала на работу, — кончен отпуск, за дело.

Первым клиентом был Шалико. Диана и говорить с ним не стала — отправила с Нюркой, огненной девкой из-под Калинина, а потом закипело, юнцы прыщавые, старичье брюзгливое, — некогда было голову поднять, чтобы сказать Шалико до свидания, — бизнес есть бизнес, а ривидерчи, геннацвале.

89. Кристина отвозит Эрну в егерскую сторожку

Боязно было оставлять здесь старушку, но как ни уговаривала ее Кристина отложить эту затею до лета, — та ни в какую. Хочется ей писать с вершины панораму Кройцензее, и все тут. Осень, зарядят дожди, она отсюда не выберется. Зверье всякое бродит. Местный егерь и тот не пожелал оставаться один в горах. Вот и выходит — один бежит от одиночества, другой его ищет.

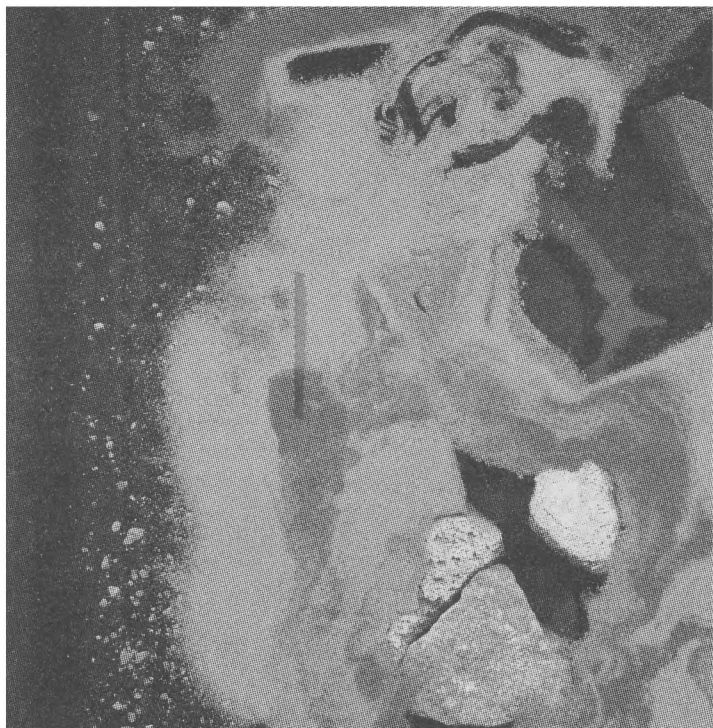
Сторожка такая крошечная, что ее можно обогреть одной электрической плиткой. На всякий случай Кристина купила Эрне мобильник. Чем она еще может помочь? Этюдник и краски в рюкзаке, ящики с питьевой водой и продуктами под кроватью.

Езжай, Кристина, пока не стемнело.

Звоните, если что.

Если что, позвоню.

Кристина осторожно спускалась по тропке, едва различимой меж остроугольных камней и яркой осенней листвы, кое-где прибитой к земле недавним дождем. С Эрной от машины до сторожки они шли часа два, не меньше. Нелегко было переть на себе в гору такую тяжесть, да еще и Эрне помогать. Зато не боязно. А тут ухнет филин, и сердце в пятки.

Часть вторая

ШАХЬЯ

1. Шахья вернулся. С ним был мальчик

Чей он? — спросила Кристина.

Не знаю. Он немой. Я прозвал его Логос.

Шахья обнял ее и поцеловал. Чтобы привыкнуть к ней.
К тому, что они снова вместе.

Скажи-ка правду, — сказала Кристина, запихивая курицу в духовку, — с кем ты там снюхался?

Я влюбился, — сказал Шахья.

Тогда зачем вернулся, да еще с этим...

Не знаю, — сказал Шахья, — разберусь со временем, пока не знаю, — повторил и ушел.

Немота, — думала Кристина за чисткой картошки, — бывает от шока. Она вытерла руки о фартук, проверила, чем заняты дочери. Старшая делала уроки, младшая рисовала, рядом с ней примостился Логос. Вымазанным в гуаши пальцем он возил по листу бумаги. Взгляд вполне смышленный.

Где Шахья?!

2. Потоп

Он сидел в машине, уткнувшись головой в руль.

Шахья, что с тобой?!

Он поднял голову. Ничего. Его унес потоп. До этого он любил женщину, Риту, она прислуживала его родителям, и он думал остаться с ней. Ей он сказал всю правду, как теперь Кристине. Не может быть, чтобы за один его грех бы-

ло наказано столько людей. Невозможно в это поверить. Как и в то, что случилось потом. На глазах разверзлась земля и хлынули воды, они сметали целые дома, несли их на своих бешеных гривах и разбивали о выступы, безумные крики взвивались к небу и падали в бездну, деревья с вывороченными корнями цепляли тела и сбрасывали их в волны, он запутался в кроне какого-то дерева и боролся с ветвями, пытаюсь высвободиться от них — и пропасть... Цунами. Землетрясение и потоп разом. А когда все прекратилось, осело, сравнялось, земля стала похожа на потекший холодец с костями, мясом и прочей требухой... Вода на глазах уходила в почву, оставляя после себя курганы тел, безобразных и совсем не тронутых, но мертвых. Земля не шевелилась, солнце светило... И тут он услышал писк, прямо под ногами. Он упал на землю, прислушался. Там был кто-то живой. Он выгреб мальчика из-под земли, тот дышал. Он взял его на руки и побрел по городу мертвых, пытаюсь обнаружить то место, где прежде был родительский дом и тот, напротив, где он жил с женщиной, которую любил... Потом их подобрал вертолет... и если бы нт Логос... Нет, не надо было ему возвращаться сюда.

Скажи хоть что-нибудь... — взмолилась Кристина.

А разве он не говорил?!

Нет, смотрел на нее и молчал.

Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих, все, что на суше, умерло. И истребилось всякое существо, кото-

рое было на поверхности земли, от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, истребились они с земли.

И чё из всего историю делать! Полюбил, изменил... Тут вон филин ухнет и сердце в пятки, — сказала, и не узнала своего голоса.

3. Кройцензейская панорама и оратория «Гильгамеш»

Эрна натянула холст на подрамник, загрунтовала его и вышла обозревать окрестности. В бинокль озеро выглядело зеленой каплей, а ее дом — ярко-оранжевой точкой.

Природа допотопных времен. Камни, обкатанные океаном, белые и гладкие, как яйцо из Калевалы, и деформированные, как череп доктора. Высокие ели раскинули свои лапы над валунами, звенящее золото и латунь кленов и осин, серебро голых стволов, — в сторону заснеженной вершины больно смотреть, глаза заливают слезами от пронзительной белизны.

Долина Призраков.

Эрна вернулась в сторожку, наполнила водой граненый стакан и посмотрела сквозь него — пейзаж разломан на грани. Вот так и надо писать панораму. Она поставила стакан с водой на валун, села перед ним на раскладной стульчик.

Тишина, сухой дух еловый, птица летит, громко хлопая крыльями.

Возьму-ка приемник, чтоб на каждый звук не отвлекаться, — решила Эрна. Так она и сделала. Настроила его на му-

зыкальную волну. Мужской голос рассказывал про ораторию «Гильгамеш».

Подземный мир темен, полон пыли, его обитатели, как птицы, одеты одеждою крыльев. За воротами «страны без возврата» стоит Иштар, требует, чтобы выпустили ее на волю. Иначе отомстит — найдет на землю мертвецов, поедающих живых, и тогда более живых умножатся мертвые. Иштар не выпустили, и она исполнила свою угрозу.

Перед потопом шумеры успели переписать названия всех вещей и закопать список в городе Солнца.

И где ж этот список?

В городе Солнца.

А где город солнца?

Ушел в песок.

Отшумели шумеры. Эрна выключила приемник, отложила рисунок. Целая история прошла, пока она разгоняла руку на кусте репейника с трубчатыми стеблями и пожухлыми венчиками.

Голубизна сгущается. Времени до темноты в обрез. Кроны деревьев устремлены в воздушную трубу, — выплеск барочной энергии, пружинящий прыжок в небо, взятого в раструб верхушками елей, — скорее, скорей, не упустить свет!

В сторожке она оказалась затемно, упала без сил на егерское жесткое ложе. Счастье. Как давно она не произносила это слово. Ни про себя, ни вслух. Теперь она повторяла его

на все лады под Моцарта из приемника, — виолончель и скрипка, — тарарара-тиририри, — дарарара-дарарари, — Моцарт заварил крепкий чай и поднес к егерскому ложу, — в высшей степени восхитительно, ах, до чего хорошо!

4. Шабес-гой переделывает древний роман в современную пьесу

Прежде всего, что такое роман? Роман — это длинное прозаическое повествование, доставляющее удовольствие писателю и побуждающее читателя к духовному совершенствованию. Целью романа является он сам, то есть само повествование, а не передача исторических, научных или философских знаний.

Из любого романа можно сделать пьесу. Убрать из него пространные описания, — считай уже полкниги долой, — и растасовать остаток по сценам и действиям. То, что персонажи романа думают про себя, действующие лица произносят вслух.

Любовь в Сиракузах (по роману «Херей и Каллироя»)

Пропозл. Пьеса о любви и испытаниях. Все действующие лица влюбляются с первого взгляда: «Дионисий удалился к себе на виллу, уже пылая огнем любви». Испытаниям подвергаются любовь, благородство, смелость, сила, изредка разум.

Синopsis. У красавицы Каллирои два мужа, Херей и Дионисий. Ребенок от Херея, но Дионисий думает, что от не-

го. В конце романа Каллироя с ребенком возвращается к Херею, а Дионисий — в Ионию, надеясь найти великое утешение в долгом пути, в деле управления городами и в портретных изображениях Каллирои. Погубила Дионисия ревность, погубил его Вавилон!

Биографическая справка. Харитон, грек по происхождению, автор первого романа на свете, жил в конце II в. до н. э. или в I в. до н. э.

Рекомендация режиссеру. Первое действие постановки начинать первыми словами романа — «Харитон, афродисец, пиесец ритора Афинагора, расскажу я историю одной любви, происшедшую в Сиракузах». Далее по усмотрению.

5. Представление в Кейсарии

Батюшка занимает сторону дорийца Херея, Матушка — ионийца Дионисия. Батюшка — за победителя, матушка — за побежденного. Ну подумай сам, батюшка, какая несносительная несправедливость. Добрый, благородный и любящий Каллирою Дионисий был отвергнут ею ради первого мужа, который ударил ее из ревности и тем довел до могилы. И этот эгоист победил, а благородный муж остался с одними портретными изображениями Каллирои. Что ему, воду с портрета пить?!

Матушка гневается и повышает голос на батюшку.

Батюшка топает на матушку, — разуй зенки, ведь черным по белому написано — был навет на Каллирою.

Вот и поделом твоему Херею — неча сплетням верить
и рассудок из-за них терять!

Он и без тебя наказан! Рабом в оковах всю землю переко-
пал в Карию!

Потому что в любовь не верил! Подумаешь, сын-не-сын!
Из-за этого женщину бросать!

Да ты-то много в любви смыслишь!

И так переходят они на личное и собачатся. Делать ста-
рым нечего. Где-то бродит их блудный сын. Ни детей, ни
плетей. Одно веропочитание.

Амфитеатр Кейсарийский просыхает от дождя. Первые
туристы с рюкзаками и фотоаппаратами разгуливают меж
мраморных полукружий, смотрят вниз, на арену, где двое
придурковатых стариков громко препираются друг с дру-
гом.

Батюшка. Я ее первый муж.

Матушка. Я же муж более верный.

Батюшка. Уж не состою ли я в разводе со своей женой?!

Матушка. Но ты ее похоронил.

Батюшка. Предъяви разводную.

Матушка. Покажу тебе ее могилу.

Батюшка. Ты владеешь чужой женой.

Матушка. А ты свою убил.

Батюшка. Прелюбодей!

Матушка. Убийца!

И хватать друг друга за волосы. Прелюбодей хуже убийцы!
Нет, убийца хуже прелюбодея! Скандал в древнем семействе.

6. Ночью поднялся ураган

Забили в барабаны ставни. Проснувшись, Эрна не сразу поняла, где находится. А когда поняла, что она одна на вершине горы и что порывы ветра вот-вот снесут сторожку вместе с ней и со всем, что она нарисовала, — схватилась за мобильник, позвонила Кристине.

Кристина сообщила, что у них внизу тоже буря. Подождем до утра, может, уляжется.

Эрна извинилась за ночной звонок, положила мобильник под подушку и укрылась с головой. Ставни грохотали, дуло во все щели, где тут уснешь! Она пыталась зажечь газ под чайником, но ветер гасил пламя.

Эрна заглянула в раскрытую книгу:

«Свет от земного источника вступает в контраст с тенью и, в соответствии с иерархической лестницей, летит в поднебесье в виде расходящихся во все стороны лучей. Небесное пространство Тициана — это мощный поток лучистого золотисто-желтого света, который с силой врывается сверху и, коснувшись земли, смешивается с водяными испарениями и закатным маревом. Из моря света возникает Предвечный и парит над всеми».

Вычитав доброе предзнаменование, она успокоилась и уснула. Что бы ни творилось ночью, утром будет свет.

Ее пробудил стук. Но теперь это были не ставни, а стук в дверь. И мужской голос. Егерь?

Эрна посмотрела в «глазок». Не егерь. Предвечный?

Она открыла, поток ветра внес незнакомца в сторожку.

Кто вы и что вам от меня нужно?

В потемках она не узнала Кристининого мужа Шахью. Живой! Значит, он не попал в цунами. Отчего же Кристина и слова не сказала о том, что он нашелся?! Как он сюда добрался, как нашел сторожку?

Он бывал здесь прежде, у егеря. Нужно спешить, он знает, что такое ураган. Машина внизу, его ждет ребенок.

Что еще за ребенок? Столько вопросов...

...Ураган ломал деревья, ветви падали стрелами на белые валуны. На небо было страшно смотреть. Дикая сила смешивала облака и растаскивала их в стороны, мелькала луна, обрисовывала рваные контуры туч, и снова плотно закрывался занавес, — только не оступиться... Шахья крепко держал Эрну за руку, светил фонариком, и так они добрались до машины.

7. Из окна исчезло огромное здание

Первым делом Агнес позвонила в Рим. Телефон сеньоры Керубини не отвечал. Затем Джону, ту сей хелло, — на автоответчике был приятный женский голос. Взглянула в окно на кухне. Огромное здание весь вид затмевает, неба за ним не видно. Зато из окна в комнате видно все. Турки фруктами торгуют. В Гамбурге немцы не работают, одни турки. Зато в баре на углу гуляет немецкая молодежь, светловолосые парни с кольцами в носах и черт-те где.

Хочешь не хочешь, а ни к чему не обязывающие романы связывают. Ждать звонка. Ждать открытки. Ждать хоть какого-то подтверждения тому, что все это было. Было и прошло. А если не прошло? Возраст приливов. Сдача рубежей. Ясно, чего не будет.

Вернуться к корням. Учить иврит. Трогать мезузу* и целовать пальцы. Верить в записку вложенную в Стену. Неважно, что она по-немецки. Немцы из того же котла.

Пыль в «стране без возврата». Борьба с курением. Борьба с вредоносными взвесями в воздухе. С отравляющими веществами. С аллергенами. Взгляни на дом свой, Агнес!

Агнес снова позвонила в Рим. Длинные гудки. Пошла на кухню заваривать тонизирующий чай. Взглянула в окно. Огромное здание исчезло. Отвернулась и снова взглянула. Нет его. В другом окне все на месте — турки торгуют, светловолосые парни с кольцами в носах и черт-те где сидят в баре. Здания нет. Ну и хорошо, не будет глаза мозолить.

Позвонила в Бухенвальд, справиться о походах смерти. Чтобы был предлог для разговора с Джоном. Специалист по походам смерти в отпуске. Вернется через две недели. Агнес расплакалась. Отрицательные эмоции опасно копить в себе. Об этом и был главный доклад на международном симпозиуме психофизиологов в Бари. Оказывается, даже незначи-

* Мезуза — ритуальная коробочка, прибиваемая к дверному косяку; в ней хранится полоска бумаги со священным текстом.

тельные обиды, скапливаясь в организме, способствуют развитию раковых клеток.

Агнес занялась делами. Распаковала чемодан. Развесила платья, разложила белье. Померила перед зеркалом сережки из Старого Города. Переписала визитки в файл «адреса». Решила не звонить Джону до тех пор, пока специалист по походам смерти не вернется из отпуска, и не смотреть в окно на отсутствующее здание.

И все-таки иерусалимский роман дал ей огромный заряд энергии. Это не шутки — испепелить одним взглядом двадцать четыре этажа!

8. Доктор увидел на плите черную свастику и грязное слово

С букетом гвоздик он шел по аллее. Дубы стряхивали с себя последнюю листву, повсюду валялись желуди, накрапывал мелкий дождик. Дышалось. Что-то тициановское, теплое было в коричнево-золотой гамме кладбищенских аллей, лучами расходящихся во все стороны. Прелесть увядания. Мысли о высоком благородстве этого акта вызывали легкую меланхолию.

Свернув на узкую дорожку, доктор вынул гвоздики из целлофана. Вспомнил Кристину, вовсе уж ни к месту, хотя почему, все та же цепь ассоциаций — смерть Лизелотты, цунами, постель Кристины... Преисполненный всяческих чувств, он подошел к могиле Лизелотты — и отшатнулся: надгробие было осквернено свастикой и грязным словом.

Доктор попробовал пройтись по слову обшлагом рукава, куда там! Он развязал букет и посыпал могилу цветами, красные головки легли на свастику и грязное слово. Шито-крыто. На всякий случай он прошелся взглядом по соседним могилам, но ни свастики, ни грязных слов не увидел. Только на Лизелотте.

Дьявольский нюх у неонацистов, под живую было не подкопаться, докопались до мертвой.

Гулять по кладбищу, как было запланировано, расхотелось. Какое тут теперь успокоение и отрешение! Того и жди, выскочит из-за дерева психованный неонацист и осквернит самого доктора.

9. Свидание на кладбище

Он набрал номер Кристины, попросил ее приехать на кладбище с черной масляной краской, нужно кое-что закрасить на Лизелотте.

Кристина тут же согласилась. Ей нужно поговорить с доктором о чем-то очень важном.

Прекрасно, он будет ждать ее в кафе у ворот.

В ожидании Кристины он заказал чай с ромом и обложился газетами. Ни одного сообщения о неонацистских вылазках. Странно, пресса обычно реагирует на события такого сорта.

Хана?!

Кристина.

Чертово сходство! Упоительно таинственная.

Выпьем чего-нибудь для храбрости, посидим, да и что нам спешить на кладбище! Ах, моя таинственная!

Кристина таяла под взглядом доктора. Если бы он всегда был таким! Она бы служила ему и душой, и телом, характер у нее покладистый, а тело стройное.

Рассказывай, радость моя, что там у тебя стряслось.

Шахья вернулся, с мальчиком Логосом. Но не к нам. Живут у Эрны. Таким образом, она снова осталась без работы и без мужа. А началось все с письма, которое оставила после себя Лизелотта и которое она, Кристина, записала под диктовку и отдала Эрне, вместо того чтобы уничтожить. Из-за этого письма Эрна не явилась на похороны и вообще стала вести себя странно. Но со временем все как-то уладилось, она сама мне позвонила и попросила помочь в сборах, я отвезла ее в горы, перла чуть ли не на себе в сторожку, а когда вернулась, дома был Шахья. Сначала было ничего, но после того, как он съездил за Эрной... в ту ураганную ночь, все переменялось. Он забрал Логоса и переехал в Кройцензее. Эрна отказала мне от дома. Доктор, вы как-то обмолвились... возьмите меня к себе...

Он держал Кристину за руку и думал о Хане Нойманновой. О нацизме как причине уничтожения Ханы, о неонацизме, способном пока что лишь на мелкие пакости.

Вальтер, возьми меня... ордinatorской сестрой.

Доктор даже опешил. Давно никто не называл его на ты и по имени. Как же это приятно! Он притянул к себе Кристину и расцеловал в обе щеки. В кладбищенском кафе

большого себе не позволишь. Хотя никого нет, они одни. Прилепиться. Дышать и вкушать. Хана Нойманнова! Красота вечной молодости. Поволока. Проволока. Проволочка. Лицо взято за щеки. Большой и указательный палец как раструбы циркуля... Иди ко мне, хани...

Пожалуйста, пойдите к Лизелотте! — Кристина еле отодрала от своего лица руки доктора. То добрый, то гнусный. Все мужики такие. И этот туда же, старпер. — Пойдемте, пока не стемнело. Я боюсь в темноте красить.

Верно. Лучше замазать это безобразие засветло.

Шли в обнимку к Лизелотте. По дубовым аллеям.

Дошли.

Ни свастики. Ни грязного слова. Ни цветов.

Доктор клялся, бил себя кулаками в грудь. Не мог он ошибиться и положить гвоздики на чужую могилу. Не мог увидеть того, чего нет.

Ничего, доктор, раз мы с краской, я бортики подновлю. К зиме. И Кристина, нагнувшись, принялась красить низкую ограду. Доктор успокаивался, глядя, как Кристина проворно машет кистью, подновляет бортики. Здоровое создание.

Кристина!

Она распрямилась, перестала красить. В чем дело?!

Кристина, я понял! Свастика и грязное слово были на клейкой ленте. Осквернитель притаился в кустах, ждал, пока я уйду. Содрал клейкую ленту, и цветы заодно прихватил.

Кристина кивнула. Она на все согласна, пусть только на работу устроит.

А что, думал доктор, пристрою ее медсестрой в гериатрию. Два раза в неделю буду иметь ее, после приема.

Возьму, на полставки.

Кристина поцеловала доктору руку. Нет, это не Хана! Стала бы она унижаться... Он целый план разработал, чтобы ее спасти. А она отказала, недотрога! Он готов был умереть за нее. А она отказала. Ну и где теперь она, и где он? Крутились разные мысли по дороге. Прошое не трогает. Все равно, что статьи читать в энциклопедии. Трогает только то, до чего дотрагиваешься. А так... Кого-то он любил. Видел всякое. Она тоже.

10. Шахья рассказывает сказку

Кристина доехала до Кройцензее, прошла мимо дома Эрны, спустилась к озеру, сорвала с рябины спелую кисть. Терпкие ягоды забили вкус докторских поцелуев, во рту стало свежо и приятно. Она легла на старую Лизелоттину раскладушку, повернулась лицом к озеру. Покойница, царствие ей небесное, часами в воду смотрела. Делать ей было нечего.

Издалека доносился голос Шахьи.

Однажды в руки Ману попала маленькая рыбка. Рыбка попросила Ману не убивать ее, а вырастить. За это она спасет Ману от грядущего потопа. Когда она выросла и превратилась в здоровенную рыбищу с рогом, Ману отпустил ее в море. Незадолго до потопа она к приплыла к Ману и велела снаряжать корабль. Так он и сделал. Привязал Ману

корабль к рыбьему рогу, и они поплыли к горе, одиноко возвышавшейся над водами. Никто не знает, сколько времени длился потоп, но когда он схлынул, унося с собой все живое, Ману остался один на земле. Он так горевал, что рыба услышала его и подарила ему маленького мальчика. Вырасти его, сказала рыба, а когда он женится, отправь его с женой на место потопа, дабы началась там новая жизнь. Если что, я подстрахую.

Горазд сказки рассказывать, рассердилась Кристина. Знал бы, как я ждала тебя, чуть в обморок не шмякнулась, когда по телевизору показывали... Там потоп — тут Лизелотта дух испускает, еще письмо это проклятущее про отравление... Если бы не доктор... Рыбища с рогом...

Успокойся, все станет на свои места, — раздался над головой голос Шахьи.

Кристина открыла глаза. Шахья стоял, прислонившись спиной к рябине.

На какие места? — Кристина вскочила. — Может, ты хочешь, чтобы я торговала собой? Пока все станет на места...

Если ты так решила...

Шахья пожал плечами и пошел к дому, она — за ним. Он остановился на крыльце, заслонил собой дверь.

Ты не пускаешь меня в дом, где я...

Не приходи сюда, Кристина, прошу тебя. Не к добру это.

11. Кто проникнет в середину леса?

Полегли деревья, вырванные из земли ураганом, прореженный прямоствольный лес стал похож на древнюю клинопись.

Сквозь заросли колючек Эрна пробиравась к облюбованной проплешине. Тяжелый рюкзак со встроенным в него треножником был чуть ли ни с нее ростом, туда помещались мольберт, палитра, раскладной стульчик, шерстяная кофта, зонт, краски, кисти, разбавитель, тряпочки, даже приемник. Этому агрегату лет сорок, не меньше. И все еще крепкий, в хозяйку.

Отсюда, с этой точки, открывалась многоярусная панорама Кройцензее, можно было разглядеть даже купальню у озера и взгорok, за которым скрывался ее дом, где сейчас живет Шахья. Она думала о нем непрестанно, вспоминала, как вел он ее в ураган за руку, светил фонариком.

Отсюда же, если смотреть не вниз, а прямо перед собой, можно войти в облака и скрыться в синем куполе тумана.

Точка преодоления пустоты.

Она позвонила Шахье и попросила за ней приехать. Подготовительная работа к панно закончена, да и хлеба не осталось. Тут такой разбирает аппетит!

Она согрела воду и вымыла в тазу голову. Туго заплела в косу мокрые волосы. Сложила рюкзак. Посмотрела на себя в осколок зеркала, — егерь брился перед ним, — розовые щеки, карие глаза, повертела осколком и поймала на него облако.

12. Логос ломает постройки

По рисунку Эрны Шахья перестроил комнату Лизелотты. Сколотил из досок геометрические фигуры разных размеров — так, чтобы Логос мог складывать из них все, что угодно, от дворцов и кораблей до столов и кровати. Но мальчик только ползал и сипел. У него нет никакого разума, сокрушался Шахья. Ну смотри, — и Шахья в который раз показывал, как сделать стол и стул: поставь коробочку на кубик, а рядом — кубик поменьше. Логос противился, ломал постройки Шахьи, и Эрна велела не вмешиваться. Наблюдать. Должен наступить перелом. Он начнет понимать и заговорит.

Откуда она знает?

Логос хорошо ест, нормально спит и не мочится в штаны. Это крайне важно. Он правильно держит ложку, пьет из чашки, будь он совсем неразумным, выливал бы себе чай на голову. У него хороший инстинкт самосохранения — не подходит один к озеру, не выбегает на шоссе. Скорее всего он родился в деревне, в многодетной семье... Он пережил удушье, тьму, неподвижность, — дай ему насладиться светом, воздухом и движением.

У нее есть опыт работы с детьми, пережившими землетрясение. Они рисовали деревья вниз кронами и дома крышами вниз. Они годами приходили в себя. А Логос меняется изо дня в день.

Подперев щеки руками, немой ангел смотрит в говорящие рты.

С луком серебряным царь Апполон Дальнестрельный то подымался, то принимался блуждать...

Беззаботность греческой красоты. Спящие боги прекрасны. Где нет страха, нет греха. Страх перед грехом порождает грех.

Меток был Апполон, попал в самую точку. Спасает ли искусство от любовной лихорадки?

13. Матушка с батюшкой доискиваются до первопричин

Дряхлею я, матушка.

В духе, батюшка?

В теле. Дух, насупротив, крепчает.

Урочное время, батюшка, не все козликом скакать! Херей и тот захирел.

Да и Каллироя уж тысячу лет как бабка старая.

И греки древние давным-давно повымерши.

14. В эпицентре мировой скорби

Исследования фашизма как феномена культуры привели Брита в эпицентр мировой скорби. Сидя на берегу Темзы, он твердил заклинание: «Скорбь, как воды речные, устремляется долу, как трава полевая, вырастает тоска...»

Тонкая корочка льда поблескивала у берега, веселые студенты и студентки размахивали портфелями, — смех, поцелуи, — клерки с папками под мышкой спешили в конторы, Биг-Бен отсчитывал время бом-бомом, —

якобы все в порядке, якобы не мы топили корабли в море.

Кто-то хлопнул Брита по спине. Он обернулся и узнал мистера Червенку. Совсем недавно, а кажется, так давно, проходил он у него в Нью-Йорке практику по каким-то программным устройствам.

Все корпишь над фашизмом?

Брит кивнул.

Слишком не углубляйся! Я недавно был в Иерусалиме на конференции, между делом пытался раскопать историю гибели моего отца. Освенцим, потом какой-то рабочий лагерь в Германии, но какой? Все это тьма тьмуца. Все, пока, бегу на симпозиум.

Брит остался один, посреди океана, на широком просторе.

Скорбь, как воды речные...

И поплакаться некому.

Оказалось, есть кому. Его услышал Предвечный.

Все будет о'кей, мы о тебе позаботимся. Хочешь начать все с начала?

Не хочу, — сказал Брит, — я пришел продолжать.

Тогда извини, — сказал Предвечный. — Я предложил тебе выбор.

Знаешь, Предвечный, я строю мост между мирами. По нему я приду к тебе. Когда закончу постройку.

Да здравствует Бездна! — воскликнул Предвечный и потечески погладил Брита по головке.

15. Священная тишина библиотек

Поддержка Предвечного, хотя и весьма двусмысленная, сдвинула Брита с мертвой точки, и он направился в библиотеку за стройматериалами для моста. Из богатейшего сырья, хранящегося в святилище Знаний, Брит возведет прочный мост для перехода из бытия в небытие — и обратно, по нему можно будет ходить, не держась за поручни.

В святилище Знаний беззвучно двигались люди. Сойдутся у каталожных ящиков и разлетятся по стойкам. Формуляры, номера, индексы, компьютерные распечатки, нумерованные папки с документами в единственном экземпляре, справочная литература, энциклопедии, микрофильмы — шуршащий стройматериал требует к себе особого подхода, надо четко знать, к какой категории относится то, что ты ищешь и не совать нос в бумаги соседа.

Пока он строит, священная тишина библиотек будет сдерживать наступление хаоса.

Последнюю фразу Брит записал в общую тетрадь и добавил к ней разъяснение. «В Вавилоне люди шумели и мешали богам спать. Боги, измученные бессонницей, рассвирепели и обратили Вавилон в прах. Так что пора прекратить галдеж и отвечать на вопросы, только когда тебя спрашивают, по поднятию руки».

16. Шабес-гой предаёт осмеянию мировое сообщество мифотворцев

Краеведы города Турина наткнулись на прелюбопытнейший факт — в их городе, в гостинице «Бонапарт», останавливался Гоголь.

Туринский муниципалитет выделил средства на установление мраморной доски и бюста Гоголя перед входом в гостиницу. А что делать с Бонапартом? Он здесь не останавливался. Убрать? Посоветовались и решили — Бонапарта не трогать, он скромных размеров, стоит себе тихо в углу напротив ресепшен и конкуренции Гоголю не составляет.

На церемонию открытия были приглашены прогрессивные деятели мирового сообщества.

Во время обеда в честь установления плиты с бюстом был поднят вопрос о слиянии морей — Мертвого и Средиземного. Решили слить, и немедленно. Это приведет к уменьшению концентрации соли в Мертвом и повышению в Средиземном.

Также был прослушан план проекта о превращении Арарата и Иудейских гор в Араратско-Иудейский хребет. Поскольку Ноев ковчег пристал к Арарату, а потомки Ноя в настоящее время обитают в горах Иудеи, то создание общего комплекса послужит разрядке напряженности в обоих регионах.

В отношении сближения Антарктики и Арктики присутствующие не пришли к единому мнению.

После обеда участники церемонии посетили лагерь неонацистов, где возложили цветы к подножью лидера неонацистов.

На время тихого часа была запланирована молитва за мир при участии группы «Голгофа» под управлением распятого Иво Ивотича.

Обычно в гостиницах как? Закрылся и спи. Нет тебе дела до соседей. Бывает, что есть, если сильно шумят, как доктор в Риме, но это исключительные случаи. Нужно уметь себя вести — кивнуть незнакомцу за завтраком, улыбнуться, сдавая ключ, пропустить вперед в лифте и мило молчать, тесно прижавшись, если тесно.

Другое дело поселиться целым содружеством. Сливай моря, сдвигай горы и полюса. Про полюса, правда, не решено, но слово сказано.

Раньше как было? Мифы столетиями вызревали, готовые, перевозились на кораблях, ослах, лошадях и слонах в другие земли, там веками прививались и видоизменялись в соответствии, на все уходило время; теперь все незрелое, любое подозрение на мысль патентуется, чтобы не украли.

Прежде подсолнухами торговали, нынче семечками. Восстанови-ка по семечке размер и объем подсолнуха! И зачем?

Так и наши гости — вывалились из подсолнуха, рассыпались семечками по номерам, и спали бы себе, так нет, стали сомневаться, донимать друг друга звонками из номера в номер и вскоре все собрались в коктейль-баре, где напитки

производились путем смешения и взбалтывания. Народ напился, разболтался, зашумел.

Не те моря сливаем, не те горы сближаем, нужен выход к другим цивилизациям, необходимо прорвать земную оболочку, эту целку, ракетой к едрене фене, подняться над собой, а то копошимся на тесной планете, дышать стало нечем, шлаки, вонь мирового нужника! Глобусу нужна очистительная клизма, пусть его пронесет хорошенько, а уж потом мы наполним его нужным содержанием, известно каким, мы сила мира!

Чрезвычайно уполномоченному по делам Гоголя из России и слова не дали вставить. Всякий раз грубо обрывали. А мифотворец из группы «Голгофа» и вовсе распоясался, он высыпал на уполномоченного всю соль Мертвого моря, мирового поставщика NaCl.

Чрезвычайно уполномоченный весь в слезах с Мертвого моря, бросился к Гоголю — кому еще жаловаться! Товарищ Гоголь, борьба за мир во всем мире становится невыносимыми.

Гоголь от смеха с пьедестала упал и — прямо носом. Нос отвалился.

Бюст-то гипсовый, сэкономили на бронзе! — вскричал мифотворец из Франции и жажнул по стене бюстом Бонапарта. Стена провалилась, Бонапарт цел.

Слава нашему императору, долой русскую литературу! — скандировал мифотворец из Франции.

Прибывшая по сигналу тревоги полиция арестовала мифотворца из Франции.

Участники акции собрались на внеочередной пленум. Пленум вынес благодарность полиции за своевременное наведение порядка.

Уполномоченный стоял в почетном карауле у Иво, снятого с креста международным сообществом мифотворцев. Собравшиеся терпеливо ждали Вознесения.

Но молитвы не доходили. Иво не воскресал, всех неумолимо клонило ко сну.

Где сидели, там и уснули.

Спящими они все были прекрасны.

Размазывая по щекам черные слезы, хозяйка «Бонапарта» переписывала поврежденное имущество.

В «Империал» вернулись тараканы. Полчища черных и рыжих расплозились по чисто выбеленным стенам. За что! За что! — вопрошал хозяин. Где ему знать о битве в «Бонапарте»? «Туринскую правду» в Старом городе не продают.

Вознесись Иво, тараканы бы не вернулись. Но миссия мира молилась вяло, и чуда не произошло.

Есть и эзотерическая трактовка. Что-то с кармой. Смерть мирового духа в отдельно взятой точке. Отказ сил защиты.

17. Пусть разбудят и сообщат

Ох, матушка, уснуть бы до вынесения решения.

Дак и усни, батюшка, раз за тебя решают.

В такой позиции, матушка, я что студень прокисший...

Насупротив, батюшка, тело от сна как на дрожжах всходит. А случись что важное, разбудят и сообщат.

И верно, матушка, разбудят и сообщат.

18. Боязнь пустоты одолевает Бернини

Он заполняет Рим статуями и фонтанами, воздвигает колоннаду на площади перед собором Святого Петра, возводит церкви-двойняшки на пьядца дель Попполо. Он не отвоевывает Рим у предшественников, но одолевает пустоту, никем, кроме него, не видимую. Постройка собора Святого Петра была завершена задолго до Бернини. Собор всех устраивал, но Бернини счел его пустым. Он начал с центра, выстроил под куполом бронзовый балдахин, и с этой точки в течение многих лет безо всякого плана, одним эллиптическим движением выписывал иные пространства. Он двигался от центра к алтарю, криволинейные волны носили его по храму, и там, где останавливался его взгляд, вырастали скульптуры. В финале этого грандиозного спектакля он ослепительным нимбом прорвался в небо, поток золотого света влился в апсиду, и весь собор наполнился светом и объемными светотенями.

Мрамор в руках Бернини — это мрамор, не шелк. Намеренно создавая впечатление реальности, он тем самым убивает к ней всякий интерес. Превосходно имитируя натуру, он не боготворит ее. Он возвращает ее на позицию, которую она занимала во времена эллинизма, когда вещи изображались не такими, как есть, но такими, как их вос-

принимал художник. Не объект, а образ. Бернини занимает ценность образа как подобия, утратившего прототип. Мифологический образ обретает реальность. После Бернини антитеза «реальность — воображение» теряет всякий смысл. Изображение реальности как таковой больше не является задачей искусства.

Пропасти сновидений наутро заполняются мраморными иллюзиями, изощренная техника помогает Бернини балансировать между реальностью и воображением. Сновидения принимают позу скульптур, превращаются в соборы и фонтаны, реальность, напротив, принимает характер сновидений.

19. Эрна и Шахья беседуют поздно вечером

Ты рисуешь с натуры, а пишешь про иллюзии. Тебе тоже кажется, что все это, — Шахья обвел рукой кухню, — сновидение?

Это реальность.

А мы?

Шахья. Свет молчаливых глаз направлен внутрь, матовые фасолы в кожуре стручка глядят в расщелины створок, в пропасть сновидений, но вот пробьется из глубины искра, и тогда округлое лицо, обрамленное мелкими жесткими кудрями, засияет, как майолика, распахнутся створки стручков, заиграют светотени на мягких, неровно очерченных губах, вздрогнут крылья широкого носа, проступят морщины и мелкие шрамы на коже. Нестерпимое же-

ление — дотронуться до его лица — на это ей не хватает смелости.

За окном дождь. Косые струи бьют по черному окну. Энергичные росчерки. Алтарь Бернини.

Шахья протягивает через стол руку и кладет ее Эрне на плечо. Эрна снимает ладонь с плеча и приникает к ней губами.

20. Логос с ревом врывается в кухню

Голос! Прорвана плотина немоты, Шахья берет сына на руки, смотрит ему в глаза: скажи, что тебе приснилось, скажи!

Логос вздрагивает, слабые звуки прорываются из гортани. Он засыпает на руках, и Эрна, подойдя вплотную к ребенку, склоняется над его ухом.

Логос! Ответь мне, Логос, где ты?! Кто Логос? Кого зовут Логос? Логос, это ты?

Губы приоткрываются и с выдохом приходит слабое «я».

Логос, это ты?

Я.

Эрна тормошит ребенка, будит его, смотрит на него и повторяет: Логос, это ты?

Я, — отвечает мальчик.

Ты слышишь меня? Ты хорошо меня слышишь?

Я.

Ты!

Я.

Ты!

Ы, — повторяет Логос.
Ты!
Ы.
И плачет в голос.

21. Кристина принимает роковое решение

Она рыдает, уткнувшись в подушку. Чтобы дочери не слышали. А надо бы выкричаться и уснуть. Что стало с ее жизнью?!

Узкая банкетка, судорожные его поползновения попасть, Хана Нойманнова, красота вечной молодости... Нет, она знает, что делать.

К телефону подошла фрау доктор.

Ваш муж меня изнасиловал, — сказала Кристина.

Фрау доктор молчала.

Кристина повторила.

Фрау доктор попросила не звонить по ночам.

Я позвоню утром и повторю это слово в слово. Спокойной ночи.

Теперь Шахье. Чтоб разом.

К телефону подошла Эрна. Голос бодрый, она-то чего не спит?

Кристина попросила Шахью.

Он тут же взял трубку. Значит, рядом. Интересно.

Шахья, ты думаешь домой возвращаться? Ответь, да или нет.

Кристина, давай встретимся утром, поговорим спокойно.
Утром у меня назначена другая встреча. С насильником
и его супругой.

22. Доктор мечтает превратиться в ледяной столб

В полосатой арестантской пижаме доктор выглядел жалко. Допрос, учиненный женой, происходил под лампой. Спросонья доктор твердил одно — все это неправда, наветы маньячки.

Кристина — порядочная женщина.

Была. До тех пор пока ее муж не пропал и не вернулся.

Доктор прятал глаза от направленной на него лампы.

Ее муж меня не интересует, меня интересует мой муж.

Доктор сказал, что в день смерти Лизелотты Кристина была не в себе из-за землетрясения в Индии, он отвез ее домой, и там она к нему пристала.

Проснись! — Жена доктора плеснула воды из кружки ему в лицо. — Тебя привлекут к суду.

Доктор вытер мокрую черепушку ладонью.

Мы должны выработать план, — сказала она помягче. —
Давай съездим к ней, посулим...

Не поеду я никуда, я спать хочу, — взмолился доктор.

Жена снова окатила его водой.

Ты принуждал ее к сожительству?

Не совсем так... Но я хотел ее. Потому что она это не она.

Кто же?

Хана Нойманнова.

Кошмарные тени носились по комнате. Лампа югенштиль раскачивалась над головой, — не землетрясение ли?

Послушай, все это чепуха, завтра я сам все улажу.

Ты?! — Жена стащила доктора со стула, поволокла в полосатой арестантской пижаме в прихожую, надела на него шляпу и плащ, протянула ему ключ от машины.

Езжай!

Так выставленный за дверь доктор оказался в крошечной ночи под дождем. Дрожащей рукой он повернул ключ в замке, открыл машину и сел за руль. Передумал, пересел на заднее сидение, попробовал уснуть там, но его так трясло, что он вышел из машины и встал под струю воды, стекающую с крыши. Наутро он превратится в ледяной столб. Но еще не пришли морозы... Значит, просто размякнет, и его размолят шины автомобилей. А если просто: развестись с женой и жениться на Кристине?

Доктор снял плащ, встряхнул его и положил на заднее сидение. Он включил зажигание, осветил фарами на темные окна спальни. Отъехал.

23. Убить доктора!

Шахья поцеловал Эрну и спустился к машине. Он ехал по пустынному шоссе вдоль озера, проворные дворники смывали дождь с лобового стекла. Многие не ведают, что здесь нам суждено погибнуть.

Он не узнал своего дома. Засовы и двери покрыты пылью, темень. Летучие мыши хлопают крыльями, отряхивают прах. Нет, он не войдет сюда, в дом, где живущие лишаются света. Не будет ему дороги назад.

По дороге в таверну Кристина не проронила ни слова. И Шахья молчал. Думал о том, как человек приходит в переполненный мир, который оказывается пустым.

Хозяин обрадовался Кристине, Шахью он не узнал. Но, когда узнал, обрадовался и ему.

Зажег рывком свечки, предложил вепря на вертеле, нет, спасибо, что-нибудь овощное, сказала Кристина. Казалось, кончился жуткий сон, и она пробудилась рядом с законным мужем, и они, как водилось прежде, пришли в родную таверну.

Вот здесь, над камином, будет панно «Вид Кройцензее», заказано Эрне!

Шахью разобрало с первой кружки, поплыли перед глазами рога, картины, олени шкуры... Он вышел, постоял под дождем, продышался, заказал двойной эспрессо.

Кристина ела.

После кофе стало лучше, почти хорошо.

Какие-то мысли блуждают вдалеке, бредут в одиночку, — сказал Шахья. — Кажется, они бродят там, погребенные...

Еще бы, после такого шока...

Сегодня мне почудилось, что я нашел ту точку, с которой можно одолеть пустоту.

Что он имеет в виду? Какая пустота, если у него есть жена и дети? И что произошло сегодня?

Шахья... я не понимаю, ты вернулся к нам, а живешь у Эрны.

Это наше спасение. Иначе я погрузился бы во тьму и увлек бы вас за собой.

Скажи, что ты меня больше не любишь.

Пойми, Кристина, это слово, полное, как сама жизнь, для меня сейчас пусто. Но, кажется, я нашел ту точку...

И эта «точка» — дом на озере?

Да.

Это я и хотела знать.

Доктор! — вскричала Кристина. — Он сошел с ума, он приехал за мной в пижаме! Я видела, он вышел из машины, подошел к таверне, постоял и уехал... Он охотится за мной, он убьет меня, что я наделала, зачем сказала его жене...

Кристина не поскупилась на омерзительные подробности, с залезанием под юбку, пыхтением и потением... «Свидание с насильником». Он убьет его. Его посадят. Логос останется сиротой. А что если все это разыграно, чтобы вернуть Шахью в лоно... семьи... «Соединиться с мужчиной, не испытывая к нему ничего, кроме отвращения, наблюдать за его действиями из-под прикрытых век»... Так она сказала.

Кристина прильнула к Шахье. Он леденел от ее прикосновений.

Близость рождает страх, — проговорил Шахья. — Я убью его.

Страх?

Доктора.

Ты хочешь насрать на нас еще одно проклятье! Не смей его трогать! Лучше вернись домой!

Что ты натворила, Кристина! Чую я, через тебя придет гибель.

Что за горе у них стряслось, думал хозяин. Лишь бы не с дочерьми, они такие милашки-смугляшки. Но спрашивать не стал, памятуя, как оконфузился с Эрной. Справился у нее о здоровье Лизелотты, а та, господи прости, концы отдала.

Похоже, привидение и до нас добралось, — сказал хозяин, — да еще в арестантской одежде.

Какое еще привидение?! — вскинулась Кристина на хозяина.

Молочница говорит, привидения в Кройцензее, якобы из дома сумасшедшего убийцы приемник украли, шастают по ночам.

Да нет, это мой знакомый, доктор.

Тем-то они и страшны, прости господи, что принимают облик знакомых, а то и лучших друзей... — Хозяин положил счет под салфетку. — Я вам и не такое скажу... Молочница божится, что третьего дня видела Лизелотту. Шла на вечернюю дойку, смотрит, кто-то стоит у плетня. Вгляделась, ба, да это же Лизелотта! Не сдержалась, да как закричит. Лизелотта юрк за плетень, и след простыл. Страсти! Нервы кругом! Ну, будет тебе, Кристина!

Хозяин похлопал ее по плечу, взглядом извиняясь перед Шахьей за фривольность, сам мол, знаешь, на моих глазах росла и вон в какую красавицу выросла.

24. Фрау доктор наносит мужу удар настольной лампой по голове

Доктор заявился домой под утро. Он все уладил. Встретился с Кристиной в нейтральной зоне, помнишь славную таверну в Кройцензее, она приносит тебе свои извинения, ничего между нами не было, как ты понимаешь.

Лжешь, ты сказал, что хотел ее.

Хотел, но не получил.

Хотя она к тебе приставала...

Тогда, когда она приставала, я ее не хотел.

А потом захотел?

Да.

И не получил.

И не получил.

А если я ей сейчас позвоню?

Звони. Если хочешь испортить все, что я улаживал пол-ночи.

А что же ты улаживал, если ничего между вами не было?

тварюга развалилась и допрашивает он вымокший промерзший последний арестант если бы его удовлетворяла стал бы он с Кристиной мечтать о Хане Нойманновой

Доктор наступал на жену. Его руки напряглись и пальцы раскрылись, как ножки циркуля. Взгляд исподлобья, размеренный шаг, согнутые в локтях руки вот-вот сомкнутся на ее шее, — все фиксировалось сознанием, она знала, что делает в последнюю секунду, и когда он был в шаге от нее, она размахнулась настольной лампой и угодила ему в лоб острием мраморной подставки.

25. Действие спектакля выходит за рамки сцены

«Бернини трансформирует центростремительное Микеланджеловское движение в спиралевидное. Витые бронзовые опоры “балдахина” рожают вибрацию в центре собора, откуда она эллиптическим движением распространяется по всему пределу. Балдахин становится сценической площадкой театра, действие спектакля выходит за рамки сцены».

Эрна отложила тетрадь, заглянула в комнату Лизелотты.

Логос спал. Шахья не возвращался. Она порылась в книгах, достала альбом Рембрандта, личного психотерапевта.

«Святое семейство и ангелы». Мария на низкой скамейке сидит над плетеной люлькой, за ее спиной, во тьме, плотничает Иосиф. Стучит долотом по деревяшке. Мария глядится в Сына. Сон его безмятежен. Раскинув крылатые ручонки целлулоидный ангел вот-вот спикирует. Выше, в золотом облаке, готовится к полету херувимский экипаж. Ангелы — смешные куклы, они причастны к мифу, но не к картине, полной земного трепета, — мягкая

ть на книге, подушка теплая и влажная, перекутанный младенец потеет.

26. Шахья с револьвером врывается в дом доктора

Доктор истекает кровью. Фрау доктор громко рыдает. Кто-то стучит в дверь.

Она открыла. Человек с револьвером в руке — где доктор?!

Она указала на дверь спальни.

Окровавленный старик, лоб пробит. Лез под юбку и говорил Хана Нойманнова. Но он дышит! Еще можно спасти!

Она покачала головой.

Но он же...

Она кивнула.

Но он же...

Она развела руками.

донести доктора до машины все будет в крови он привезет в больницу труп я его убил вот револьвер но ранение не пулевое выясним какое я убил его стрелял в него мысленно вот револьвер

Шахья позвонил Кристине. Она сказала: что ж, вызывай «скорую».

Фрау доктор вертела в руках револьвер, который Шахья бросил на постель. Пристрелить. Она не умеет. А он?

Она вложила ему в руку револьвер, указала на мужа.

Шахья поднял на нее глаза. Она закричала и бросилась из спальни.

Он вызвал «скорую». А сам сел в машину и отъехал за угол. Где револьвер? Остался на кровати. На нем его отпечатки. Но рана не пулевая. О, Кристина!

Винтообразный звук сирены. Вертушка с красными и синими лампочками на крыше, промчалась, остановилась. Откроет — не откроет? Не откроет — вызовут полицию.

Он не убивал. Не виновен. Но... подумал — и убил.

Шахья летел по извилистому шоссе домой, к Эрне. В горах пришлось сбавить скорость — туман. Первые льдинки бились о лобовое стекло.

27. Кристина добралась до больницы засветло

Она поднялась на второй этаж, прошла мимо ординаторской в реанимационное отделение.

Доктор был подключен к системе. Лоб его был перевязан и в отверстие вставлен дренаж.

Фрау доктор недвижно сидела на высоком стуле.

Делаем все, что в наших силах...

Кристина вздрогнула. Перед ней стоял герр Кнобль, уже полностью облысевший, но с теми же глазами-буравчиками под толстыми линзами тех же самых очков.

28. Кнобль подозревает Кристину

Он жестом пригласил ее пройти с ним в ординаторскую.

Криминальная история, — сказал он, — и ты в ней замешана. Иначе как объяснить твое появление в столь ранний час, а?

Кнобль пальцами — раструбами циркуля — ухватил Кристину за подбородок. Она отшвырнула его руку. Фрау доктор позвонила ей и попросила приехать, вот она и приехала. Она знакома с этой семьей по Кройцензее, доктор лечил покойную Лизелотту... Спасите его, он такой добрый, такой сердечный человек. Есть хоть какая-нибудь перспектива?

Какая-нибудь перспектива всегда есть. Мы с тобой это помним, а? Знай, дело передано в криминальную полицию.

Герр Кнобль, сейчас не время для сведения счетов. Но если вы посмеете угрожать, я подам на вас в суд. За все, что вы мне причинили!

Над доктором бежала синусоида кардиограммы. Сердце работает. Легкие в порядке. Что происходит в продырявленном черепе? Кристину приблизилась. Доктор приоткрыл глаза. Увидел он ее или нет? Что-то промелькнуло.

Фрау доктор так и сидела, неподвижно.

Вам надо отдохнуть. Я отвезу вас домой.

Данке. Фрау убрала руки в карманы пиджака, встала и двинулась к выходу.

29. Кристина находит револьвер

Фрау доктор не хотела впускать Кристину, но та настояла — лучше ей не оставаться одной. Дверь в спальню была открыта. Кристина увидела револьвер на одеяле, настольную лампу на полу, осколки плафона, кровь.

Фрау доктор села за овальный стол под люстрой. Как забрать револьвер? Фрау держит Кристину под прицелом. Кристина пошла на кухню, приготовила питье. Себе и ей. Урок Лизелотты. Снотворное сработало. Кристина втащила фрау доктор на кровать, укрыла ее и погасила свет. Она завернула револьвер в полотенце, засунула в сумку и пошла к машине.

Она мчала сквозь туман в Кройцензее, к дому сумасшедшего убийцы. Переведя дух у руины, она оглянулась. Никого. Она открыла сумку, достала револьвер из полотенца и бросила его в окно. Из окна выглянула Лизелотта. Лицо в белом креме, губы в жирной помаде. Кристина отшатнулась. И услышала хохоток. Кристина снова сунулась в оконный проем. Лизелотта в бордовом платье с белым кружевным фартуком стояла в глубине, у стены и смеялась. Забрать у нее револьвер, немедленно... :

30. Молочница Берта натывается на Кристину

Привидение! Берта перекрестилась и пошла на цыпочках в сторону лежащей фигуры. Голуба, что привело тебя к про-

клятому дому, — запрочитала Берта, узнав в лежащей Кристину, — скрючилась от холода на мерзлой траве! Небось, как увидела Лизелотту, так и жажнула оземь. Все кругом пошло в Кройцензее.

Кристина вздрогнула, вскочила и опрометью бросилась через поле, по кочкам. Кабы руки на себя не наложила, — подумала Берта. — Горе родиться красавицей, нет красивым счастья.

31. Под воздействием сеанса парапсихологии Агнес совершает ряд поступков

Ложки гнутся под взглядом, свечи самовозгораются, кольцо вылетает из спичечного коробка и повисает в воздухе. И это не в газете описано, а происходит на глазах. Теперь Агнес не страшно. Подумаешь, дом исчез из окна и наутро вернулся на место.

Парапсихолог, простоватый на вид, просит участников сеанса подписать чек на десять марок, перевернуть его и положить перед собой. Он называет каждому его номер счета в банке. Все совпадает.

Дайте мне вещь, которую вы получили в дар или по наследству, я расскажу о дарителе.

Агнес первая протянула магу семейное кольцо.

Старая дама, умерла в 44-м году, была связана с искусством, умерла вне дома, была полной, небольшого роста...

Благодарю вас, достаточно, — промолвила Агнес и, взяв у мага кольцо, покинула зал.

Дома она съела суп из пакета, вымыла за собой тарелку, позвонила в Рим. И услышала голос сеньоры Керубини. Да, у нее есть работы Амалии и письма, и она будет очень-очень рада познакомиться.

Затем она позвонила в Бухенвальд. Специалист по походам смерти вернулся!

Она позвонила Джону — сообщить, что специалист вернулся; оказывается, и Джон только что вернулся, из Лондона. Там он встретил парня, у которого от подобных исследований крыша поехала, так что лучше в это дело не углубляться, тем более с ее фобиями.

Джон, — хотелось крикнуть Агнес, — ты все забыл?! Наш Иерусалим, наш «Империял»!

Но она сдержалась. Чтобы не разрушить. Сохранить как было. Не уронить достоинства.

32. Диана ввела в борделе новшество

Девочки рассказали случай про семью с нездоровым психологическим климатом. Семья жила в Лос-Анджелесе. Отец, трое женатых сыновей и четвертый, самый богатый, неженатый. Женатые невоздержанные, взрываются на пустом месте, например за обедом. Все идет как по маслу, плиз, соус, плиз то, плиз се, вдруг отец семейства как схватится за скатерть, да как сдернет со стола. У другого другие примочки. У третьего третьи. Неженатый спокоен, невозмутим и процветает. В чем дело?

Три женатых сына вместе с женами собрались на отцовской вилле, чтобы излечиться от приступов гнева. Для этого туда прибыл всемирно известный психолог. Неженатый сын опаздывал, сеанс начали без него. Вдруг, в самый разгар беседы, дверь открылась, и вошел незнакомец. Психолог принял его за неженатого сына, усадил рядом с собой, тот спокойно сел, и сеанс продолжился. Семья отнеслась к появлению незнакомца как к трюку психолога, дескать он создал острую ситуацию, чтоб ввести в гнев необузданных братьев. Невозмутимостью незнакомец удивительно напоминал неженатого брата. Под мощным влиянием психолога братья стали относиться к незнакомцу как к брату родному, и он этому вовсе не противился.

Мало того, он завел шашни с женой новоиспеченного брата, и тот, не в силах бороться с ревностью, дал волю гневу. Он схватил бронзовую статую и выкинул из окна. Раздался истошный крик. Неженатый сын, который опаздывал на сеанс, был убит статуей наповал. Незнакомец удачно подменил погибшего и отбил жену у ревнивца.

Так вот два друга-афериста втерлись в богатую семейку, сделали гешефт и поделили пополам бабки, как и было договорено между ними до начала операции.

Возбужденная рассказом, Диана решила расшевелить своих девочек, а то киснут, работают без огня, как на фабрике. С этой целью она пригласила в бордель супружескую пару сексологов из фирмы «Двести лет вместе». Оплату семинара взяла на себя профсоюзная организация.

Пара явилась нехилая — высокий красавец с пышными кудрями до плеч и высокая красавица с пышным бюстом и короткой стрижкой. У него было женское лицо, у нее мужское. Девочки развалились на диванах, Диана уселась в кресле. Сначала красавец расписался в своей верности борделям. Там он стал мужчиной. Прелестная пожилая дама обучила его всем приемам, и он передал этот опыт той, кто с ним рядом вот уже двести лет. Да-да, — подтвердила красавица, — каждый трах со вкусом добавляет год жизни. Вот мы и подсчитали. Девочки, удовлетворение, которое я получаю, стоит всех денег, которые муж уплатил вышеуказанной пожилой даме.

После всех этих бла-бла-бла сексологи предложили участницам семинара разбиться на группы — проститутки и клиенты. Девочки сначала пофыркали, а потом как кинулись друг к дружке, как стали целоваться и стонать, и никак не могли кончить. Не лесбиянки ли они, подумала Диана, может, изменить профиль заведения?

Следующее задание называлось «Как себе — так тебе». Диана, доселе наблюдавшая тренинг со стороны, втянулась в это приятное, дающе-берущее упражнение.

В финале всех ждал сюрприз — прекрасная женщина оказалась мужчиной, а прекрасный мужчина — женщиной.

33. Письмо в Иерусалим

«Рахелька, что слышно от Швенка? Заглох? Тут девчонки рассказали мне историю про двух прохиндеев, которые

вставили пистон богатому семейству и слупили хорошие бабки. В общем, долго объяснять, настоящее кино. Если в главной роли будет Швенк, все уржутся.

Сегодня я на подъеме, после сексологов. Смотрю в зеркало на свою довольную рожу. Швенк с портрета лыбится. Да пусть они провалятся, на такой улыбке экономить!

Шалико прислал мне букет роз. Не знаю, что он хотел сказать его размером. За эти деньги можно шубу купить. Правда, искусственную. Посылаю тебе сотню на новый год. Опрокинь за нас по чарке. Нарисуйся у нас! Твоя Диана».

34. Агнес встречает Вирджинца, имя которому — Зекутаха

Одинокие уик-энды изматывают. Но и в этом есть свои плюсы. Во всем можно найти положительное, главное — быть настроенной на позитив. Сеньора Керубини приглашает в Рим. Специалист по походам смерти вернулся. Джон... Два плюса на один полуминус.

Агнес прошла мимо лавки, где торгуют турки, ничего не купила, поздоровалась, завернула в тот самый бар, где сидели светловолосые парни с кольцами в носах и черт-те где, заказала минеральной воды без газа. И, поскольку она была настроена на позитив, к ней сразу подсел мужчина вполне цивилизованного вида. Завязалась неспешная беседа, как и должно быть в тихом полутемном баре. Имя у него было странное — Зекутаха. Это, пояснил он, из адыгейской мифоло-

гии. Зекутаха — это человек, который все время куда-нибудь едет. Вот он и ездит без продыху. Но кто такие адыгейцы? Племя Причерноморья. В Причерноморье он еще не был. Он адыгеец, не знающий родства. Зекутаха громко рассмеялся. Агнес бросило в дрожь. Она не переносит внезапных громких звуков. Нет, он пошутил, он итальянец из Вирджинии, но зовут его, и верно, Зекутаха. Этимологически это имя восходит к адыгейцам, но он понятия не имеет, существует ли такой народ поныне.

В профиль он вполне милый, не хуже Джона, разве что кожа под подбородком висит, но анфас — фи! — египетская собака.

Вы бывали в Израиле?

Агнес подняла брови.

И Зекутаха поведал ей историю с привокзальным рестораном в Иерусалиме, ресторан есть, а вокзал пустует, и там скапливаются шлаки. С той поры он смеется, исхудал от спазмов. Агнес предложила ему свои услуги. Клиника, где она работает, успешно справляется с застарелыми неврозами.

А откуда вы знаете, что мой невроз застарелый? — спросил Зекутаха. Он достал из кейса электронную записную книжку, потыкал в клавиши.

Возможно, Иерусалим сыграл роль катализатора, но невроз возник прежде...

Завтра я улетаю в Занзибар и Гонолулу, — прервал ее Зекутаха. — Но если бы ты дала мне гарантию полного излечения от смеха, я бы плюнул на Занзибар с Гонолулой. У тебя такие глаза, птичка моя...

А Агнес всю жизнь страдала из-за глаз навывкате.

И такая чувственная шея...

А Агнес всю жизнь прятала ее под косынками.

И душа твоя в ауре небесного цвета, я вижу лазурь.
Я твой раб на века.

От рук Зекутахи исходил жар. Срабатывала биоэнергетика.

Расскажи мне, птичка, сюжет своей жизни. Или не своей.

Сюжет ее жизни прост и банален. Комплекс еврейки в Гамбурге, идея Израиля, страх перед переменами. В Гамбурге у нее есть работа, но нет близких людей. Единственный близкий человек, бабушка Амалия, умерла в 44-м году. Сегодня она наконец дозвонилась до Сеньоры Керубини в Рим, где хранятся письма и картины бабушки.

Зекутаха захлебнулся вином, смех пузырился красной пеной, он промокал рот салфеткой, на ней расплывались красные пятна.

Агнес встала за его спиной, ухватила руками за то место, где шея входит в плечи, надавила, что было сил, — Зекутаха обмяк, смех прекратился.

Сеньора Керубини, — произнес он после долгой паузы, — жена моего отца. Отец загулял от уважаемой сеньоры и состряпал меня. Я подрос и устроил ему веселенькую жизнь, он возьми и помре. Разом обе бабы овдовели. Но этот сюжет не продашь.

Кому?

Да никому. Женские груди со зрачками-сосками, животы со зрачками-пупками... Глаза такие, глаза сякие.

35. Шахья рассказывает про висячие сады

Снежная вершина горы служила Будде подушкой. А какие боги дремлют на нашей вершине? Как ты думаешь?

Логос внимательно изучал снежную вершину вдали.

Я-ы.

С пика горы Куньлунь свисают сады. Они так и называются — висячими. Хозяйка горы Куньлунь — китайская богиня. Она похожа на человека, но хвост у нее как у барса и клыки тигра. Она любит свистеть. Вот так она делает. Шахья вытянул губы и засвистел. Логос повторил за отцом, но звука не вышло, один воздух.

...Богиня эта порядочная растрепана, волосы в колтунах, и в них торчит заколка. При этом она ведает тайнами тайн. Небесными карами и пятью наказаниями. Живет в пещере. Еду ей приносят три синие птицы. Когда злится, рычит как тигр. И Шахья зарычал.

Открыв рот, Логос следил, как образуется рычание. Откуда оно выходит. Из горла? Логос вытянул шею, напрягся идохнул что есть силы. Выдохнул маленький рычок.

Китайская богиня властвует над жизнью простых людей. На них она может наслать болезни и бури. Но над мудрецами и святыми она не властна. В ее висячем саду растет волшебное персиковое дерево. Те, кому удастся вскарабкаться на недосыгаемую вершину, проникнуть в висячий сад и отведавать от персика, получают бессмертие. Это удастся немногим. К гостям китайская богиня является верхом на

птице с разноцветными перьями. Называется эта птица павлин. Эрна могла бы тебе ее нарисовать...

Логос уснул, не дослушав сказку до конца. Шахья погладил его по щеке. Персик с дерева бессмертия!

Он мыл посуду и смотрел на гору вдали, похожую на клоунский колпак с острием, обсыпанный сверкающими осколками. Кто из богов отважился бы почивать на такой подушке?

36. Берта нашла револьвер

Пожаловала Берта с бидоном свеженадоенного молока. Какие новости на сей раз принесла в клюве кройцензейская каркуша?

Шахья ушел в комнату Логоса.

Это павлин? — спросил Шахья, указывая на рисунок.

Яы.

Это дерево?

Яы.

А это персик. А это у него косточка, внутри.

Логос взял руку отца и приложил к своей щеке. Шахья угадал: черта с точкой посередине — это персик с косточкой.

Берта заняла собой полкухни и шепотом рассказывала Эрне, как нашла Кристину на рассвете у дома сумасшедшего убийцы. Лежала красавица наша на заиндевелой траве. Еле ее растормошила. Вид такой... И еще, не знаю, говорить

или нет... Пришло мне на ум осмотреть дом, мало ли что. Посветила в окно фонариком, и вижу, вот те крест, револьвер. Под столом, у левой задней ножки. Не было его там! Я ведь из-за привидений этих... настороже. На заре и на закате они сил дьявольских лишаются. Хоть голыми руками бери!

37. Матушка с батюшкой отплясывают буги-вуги

Ох и развезло, батюшка, еле по этим жижам дошкандыбала.

Зима грядет, матушка, жижи ледком затянет, и вся недолга. Грянет мороз, пообломает кости старые.

Да уж до твоих-то где ему добратся!

А что, батюшка, кабы человек на зиму со всей природой умерзал, а к весне оттаивал, все бы посвежей держался.

Экая инвенция, матушка! В горах гималайских нехристи по семьсот лет живут. Угадай, с чего? Замораживаются? Вот и нет, матушка. Самозакапываются!

Ну, батюшка, мертвяками жить дело не хитрое.

Еще какое хитрое, матушка, сквозь столетья в щелки подглядывать.

Много ли с клочка земли увидишь?

Буги-вуги, матушка, одни буги-вуги и подглядишь.

Ой, батюшка, не кружи!

Танцууй, старая! Отпляшем свое да и бухнемся под крышку. Шибче заколачивай, матушка!

38. Эрна с Бертой пришли к дому сумасшедшего убийцы.

Прозрачный воздух долго держит на весу легкие хлопья снега, первого в этом году. Темный лес, сбросивший листву, расступался навстречу, мелкие грибки вдоль тропы съежились от холода, сорвать? Но не до грибов тут, молочница в спину пыхтит, спешит к револьверу. Однообразие жизни порождает легенды. Не писатели, а такие вот берты, стерегущие привидения, создают эпос.

Миновали лес, вышли на опушку. Еще одна петля через мостик, и они на поле. Мраморный конь посередине. Проходя мимо, Эрна похлопала его по боку, отметилась. Теперь наискось, по мокрой траве, через поле тумана, к дому сумасшедшего убийцы. Может, это он в качестве привидения принес сюда револьвер?

Берта посветила фонарем в оконный проем. Револьвера у задней левой ножки стола не было. На столе приемник, очки. А ведь именно она, Берта, пустила слух о том, что из дома сумасшедшего убийцы исчез приемник.

Да я же его, как вас сейчас, видела. По-вашему, и Кристина не лежала здесь, вот на этом самом месте, в шесть часов по утру?

Берта, брось ты охотиться за привидениями, — сказала Эрна строго. — Не доведет это до добра.

39. Кристина требует Шахью к себе

По первому снегу Шахья ехал к Кристине. Гроздь рябины в белом пуху. Точно в такую же пору объявился он в этих краях. Первый снег. Первая любовь.

Рита. Упорядочивающая беспорядочное. Знающая истину... Способна ли она, там, освободиться от желаний? Если она приходит к нему во сне и ложится рядом. И шепчет ему жаркие слова, и ласкает...

40. Брит перестал различать цвета

Это случилось после беседы с Предвечным и посещения святилища Знаний, — объяснил Брит главному врачу. Это не по адресу, сказал тот, выписывая назначения. Сдайте анализы, сделайте рентген, а где вы были и с кем разговаривали — дело десятое. Брит пошел в лабораторию. Черную кровь спустили в белую пробирку. Просветили все что можно. Велели ждать результат.

Жизнь его стала бесцветной. Никто ему не звонил. Он отключил черный телефон и отнес его в серый магазин подержанных вещей. Чтобы не ждать звонков. Поснимал со стен все серые снимки, оставил одну черно-белую Амалию над кроватью.

Как проверить качество живописи? Переснять ее на черно-белую пленку. Если она не утратит своей художественной силы, все в порядке. Мир, который Предвечный, неведь чем руководствуясь, переснял для Брита на черно-бе-

лую пленку, поблек. Стало быть, прежний, цветной мир Брита не имел в себе достаточной силы. Он и тогда был тусклым и безрадостным, а потеряв цветность, стал попросту никаким. Так наказал его Предвечный. Мол, в поисках причины духовного поражения человечества заполз ты, дружище, в черную яму, а там цвета не нужны. Ты снят с довольствия. Не стану я расходовать на тебя бесценную красочную материю, за ней народ в очереди стоит.

41. Что искал Брит в узких ущельях?

Форма, проходя через разные пертурбации, шлифует или разрушает себя. Брит ощущал себя нагромождением серых деталей какого-то механизма, утратившего внутренний стержень и распавшегося на составные части.

Он налил черный чай в белую чашку, размешал серой ложкой белый сахар и посмотрел на улицу. Светло-серые и темно-серые машины неслись по черному асфальту, по дороге вдоль серой Темзы двигались навстречу друг другу серые люди, в момент встречи они слипались черным комком, после чего разлипались и снова становились серыми.

Что он искал, продираясь по узким ущельям к источникам болезни мира? Для чего расковыривал гнилые дупла в поисках ущемленных нервов? Прочный мост из будущего в прошлое и наоборот из трухи не построишь. Еще он думал определить местонахождение нравственного императива. Но у понятий нет прописки, скорее всего, они векторы,

направленные в вечность, то есть совсем далеко, еще дальше будущего.

Бравить вечность! С пустотой диалоги вести!

Брит выволок из-под стола папки, набитые черно-белой тьмой — сжечь все! — и отправился на кухню. Все ящики перерыл, ни спичек, ни зажигалки. Чайник у него был электрический, питался он в сухомятку, не на что газ расходовать. Сирота лондонская, — пожалел он себя, поскольку жалеть его на этом свете было некому.

Но и здесь он ошибся.

Выйдя на улицу, он увидел перед собой сеньору Керубини.

Брит не поверил своим глазам — и были на то серьезные основания, — но Сеньора Керубини отличалась полной бесцветностью и в ту пору, когда со зрением у него все было в порядке, так что ошибки быть не могло.

Надо же, вышел за спичками...

Сеньора Керубини открыла сумочку и достала из нее зажигалку. Она звонила ему в Лондон сто раз, почему он не снимает трубку? Она чувствовала, что-то неладно... приехала...

Брит с благодарностью принял зажигалку, извинился: не может он позвать ее к себе, он болен.

42. Кристина не просыпается

Белая пыль. Запорошенный дом. Красная крыша, красные наличники. Отпереть дверь своим ключом, войти, буд-

то бы к себе. Вот он, вернулся туда, откуда вышел. Путешествие завершено.

Дверь перед ним открылась. Младшая дочь, в смешном платьице, улыбалась ему исподлобья. Он и впрямь забыл, как она выглядит.

А где Марта? — Шахья встал на четвереньки, Луиза усе-
лась ему на шею.

Марта делает уроки, но вообще-то она тебя больше не любит.

Справедливо, — согласился Шахья. — Где мама?

Спит.

Шахья спустил Луизу на землю, приоткрыл дверь спаль-
ни, на цыпочках подошел к постели. Кристина и не шелох-
нулась.

Для этого она его звала?

Шахья вышел из спальни, Луиза царапала ноготком сте-
ну.

Он взял ее на руки и направился к Марте. Та сидела за
столом и грызла карандаш, глядя в окно. Прыщи вперемеш-
ку с веснушками.

Марта!

Она и головы не повернула. Бойкот.

Дайте я вам все объясню, — сказал Шахья.

Как тебя потоп унес, — подсказала Луиза.

Пусть расскажет, как влюбился в индианку и забыл про
нас. Идите отсюда, оба!

Луиза увела Шахью, познакомила со своими куклами
и зверюшками, Шахья всем пожал лапы. А это, — указала

она на Барби, — подарок доктора. На день рождения. Ты помнишь?

Доктора?!

Нет, про день рождения.

Конечно, — сказал Шахья, я просто еще не совсем...

А когда ты будешь совсем?

43. Шахья находит револьвер у Кристины под подушкой

Мела метель. На заднем сидении лежала Кристина. Шахья вез ее в Зальцбург. Выкинуть по пути револьвер, в конце концов, из него никто не стрелял. Нет, нельзя открывать окно, Кристину заметет снегом. Как у нее оказался револьвер? Чем она отравилась? Можно ли что-то сделать или поздно Кристина была в их доме раз револьвер под подушкой стрелять не умеет зато знает средства

Шахья сбавил скорость, съехал на обочину. Он включил свет и посмотрел на Кристину. Глаза ее были открыты и уставлены на лампочку.

Шахья переложил револьвер из кармана в багажник, под клеенку, выключил свет и домчал до ворот больницы. Позвонил в регистратуру, чтобы открыли ворота.

Принять все как есть. Вот фрау доктор, а вот и сам доктор, припиленный к каким-то проводам, вот Кристина на каталке, а это он, Шахья, вернулся.

44. Эрна учит Логоса говорить «шар» и «снег»

«Создать правдоподобный образ. Вымысел сильнее правды. И все ему служит — тени, рефлексy, фактура... Вымышленное становится реальностью. Так создается иллюзия. Воображение создает реальный образ ирреального».

Ерунда какая-то! Эрна отложила тетрадь в сторону, прищурилась. Отвечает ли данным критериям ею созданное панно? Фактура древесины не удалась, тени от стволов следует приглушить, рефлексy на листьях заострить. Но в целом неплохо.

Логос зачаровано смотрел из окна на снег. Первый снег в его жизни.

Они вышли в сад. Эрна слепила ком и подала ему.
Логос боязливо притронулся рукой к белому шару.
Это шар. Что это, Логос?

А.

Шар.

Ааа.

Ты научился произносить «а»!

Подшли к озеру. Кромка льда мерцала в сумерках. Снежная пелена занавесила горы. Логос трогал снег, повторял свое «а».

Это снег, снег!

Эээ.

Эрна смела снег с лавки у купальни, села, подобрав полы пальто. Длинноватое и тесное в груди, оно прекрасно сиде-

ло на Лизелотте. На Эрну подобрать трудно. Детская одежда подходит по росту, но не по размеру, взрослому надо укорачивать, кому этим заниматься?

Логос примостился рядом. На нем было пальто внука молочницы, деревенское тепло. Надо купить ему рукавицы. Мело вовсю. Шахья уехал к Кристине. Рано или поздно он заберет Логоса и уйдет в тот дом.

45. Ласка вызывает приступ истерического смеха

Зекутаха вынул из кейса газету черт знает из какой страны на черт знает каком языке, просмотрел заголовки. Взгляд его остановился на следующем:

«Редкостная восприимчивость к чужим прикосновениям напрочь лишила 23-летнего жителя подмосковного города Одинцова радостей любви. Любая ласка вызывает у него приступы смеха. В заключении районного психдиспансера, куда обратился за помощью вышеуказанный житель, говорится, что больной является здоровым, а нервный смех и судорожное размахивание руками в интимные минуты являются специфической реакцией организма на ласку».

В десятку, — хохотал Зекутаха, — в самую точку!

Хватит, сказала себе Агнес. Чуда не произошло, ей пора.

Она поблагодарила Зекутаха за компанию, он ее тоже. Никаких поползновений с его стороны не последовало, так что внутренний настрой на отпор в случае чего оказался зряшным. И это печально напомнило о щитовидке, глазах, возрасте и Джоне.

Дома Агнес наложила маску на лицо и шею, прилегла на кушетку. После того, как маска стянет кожу, она смоет ее молочком, сразу же, на влажное лицо, нанесет питательный крем и ляжет спать. Утром приведет себя в порядок и отправится на работу. А этот неврастеник пусть от смеха лопнет.

46. Брит размышляет о компрессии

Если соединить две точки, выйдет прямая, при этом неважно, двигался ли ты от точки «а» к «б» или от точки «б» к «а». Правда двухмерности. Но если ты начнешь выписывать траектории в пространстве...

Она помнит, как блестели глаза Брита, когда он излагал ей идею о фашизме как феномене культуры, и вот перед ней тот же человек, но с погасшим взором. Его надо как-то встряхнуть!

Брит молча глядел на посланницу спаленного до тла царства, столь же далекого от нас, как Ассирийское или Шумерское. Компрессия истории. То, что прежде слагалось веками, нынче не требует и десятилетия. Скоро культура приобретет вид суррогата — масспродакшн, шоапродакшн, рашнспиритпродакшн. Брит готов биться об заклад — он последний свободный исследователь мифа о триединстве. Лизелотта Сальери — сеньора Керубини — Амалия Секбах.

Айда за город, хандру разгонять, — сказала сеньора, уставшая стоять на костылях.

Загород. Дома в плюще и без, закоренелые консерваторы соседствуют с богемными либералами, отщепенцы — с партикулярными советниками. Как сюжеты из разных книг, стоящих в книжном шкафу, не смешиваются в один, так и жизни соседей связаны лишь единством места. Тоже своего рода книжный шкаф.

Старушки-концлагерницы, подружки сеньоры Керубини, выступали в лагерном кабаре. Швенк! О, Швенк! Куда ни сунься — везде Швенк. А помнишь, с ним пел такой-то, танцевал сякой-то, звали его так-то... Имена обрастают историями, истории просачиваются внутрь и вызывают коррозию. Незаметно оплетет тебя паутина прошлого, затянет в страну без возврата, где хлопают крыльями летучие мыши, ухают филины, и изо всех углов глядят на тебя из тьмы пустые глаза.

47. Подозрительный индус

Герр Кнобль пригласил Шахью в кабинет. Спросил, не кажется ли ему, Шахье, что это криминальная история. Утром Кристина навещала доктора, вечером отравилась.

Вы врач или полицейский?

Фрау доктор сказала, вы были в ее доме и угрожали револьвером.

Спасите Кристину, и она ответит на все вопросы.

Делаем все, что в наших силах, разумеется.

Шахья кивнул и вышел.

Он спустился к машине. Около нее стоял сержант криминальной полиции, Ватрехт, судя по предъявленному удостоверению. Сержант попросил Шахью открыть машину для досмотра. Шахья и это принял как должное. Достал револьвер из-под клеенки и протянул сержанту. Положите оружие на место, — строго сказал сержант, — мы должны снять с него отпечатки пальцев. Для начала побеседуем, прямо здесь, в вашей машине. Тет-а-тет. Шахья сказал, что волнуется за жену и не хотел бы задерживаться.

Он ответил на все вопросы. Да, доктор изнасиловал его жену, да, он имел намерение убить доктора, но когда он вошел в его дом, то увидел, что доктор ранен, и вызвал «скорую». Ночь он провел в Кройцензее, где временно живет. Туда позвонила Кристина и попросила его приехать домой. Что он и сделал. Он нашел жену без сознания и привез сюда, в центральную больницу. Потому что Кристина здесь работала, и это первая больница, которая, естественно, пришла ему на ум. Револьвером он не воспользовался, хотя фрау доктор просила его об этом.

Сержант поблагодарил Шахью за рассказ и взял револьвер. Они вышли из машины. У кабинета Кнобля они распрощались.

48. Шахья умоляет Кнобля перевести Кристину в другую палату

Никто не приходил в сознание, ни доктор, ни Кристина.

Два тела, подключенные к проводам и капельницам, лежали в реанимации, неплотно разделенные занавеской. Бегущие синусоиды на мониторах свидетельствовали о том, что сердца их бьются.

Временами появлялась молодая медсестра, проверяла капельницы, меняла мешки прозрачные мешки с лечебными растворами, затем входил герр Кнобль, смотрел сквозь очки на утеkanie жизни, все будет абгемахт, — и снова мертвая тишина, скрип вертящегося стула под фрау доктор, поправляющей одеяло на недвижимом теле.

Сколько таких мешков нужно для того, чтобы из нее вышел весь яд, растворенный в крови?! Фрау доктор обратилась взглядом к Шахье: если бы ты тогда послушал меня и выстрелил...

От ненависти умирают, — сказал Шахья.

Этого я и желаю Кристине от всей души, — ответила она.

Шахья направился в кабинет Кнобля, — сержант все еще был там, — потребовал перевести Кристину в палату. Она может умереть от проклятий фрау доктор. Это очень опасно.

Умереть она может только от отравления, — сказал Кнобль, — и мы делаем все возможное...

Шахья настаивал. Он знает, как влияют чувства, особенно дурные. Они ослабляют защиту.

Кнобль усмехнулся и продолжил беседу с сержантом.

Страшной потопы.

49. Батюшка загонял матушку с пиесой

Занавес, матушка!

В стирке, батюшка, замочен.

Простыню неси!

Ох, батюшка, загонял ты меня с этой пиесой...

Занавесь же меня, дура-баба, да и говори слова свои!

Дионисию достались лишь портретные изображения матушки.

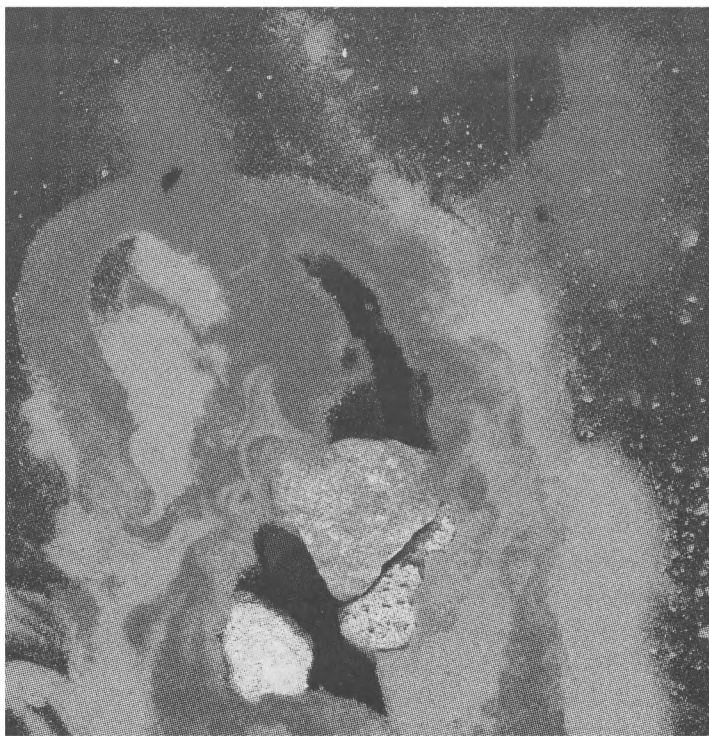
Каллирои, а не матушки! Убери с меня простыню!

Дак свет еще не дали!

И не дадут.

На кой же ляд занавешиваться?

Чтобы свет от тьмы отделить, матушка.

Часть третья

ЭРНА

1. Дважды убийца

Панорама Кройцензее. Озеро слито с небом, прошито густой листвой, в долине домишки точечные, резная тень от зубчатых листьев переходит в очертания склонов, они, в свою очередь, отражаются в небе, небо в озере, — и так, в ритме вальса, кружится Кройцензее между озером и небом, не будь рамы, бросились бы врассыпную деревья, расступились бы склоны.

Не случись того, что случилось, хозяин в честь открытия панно назвал бы полную таверну гостей, ели бы они и пили под гармонь и тирольскую дудочку. Но статья «Дважды убийца из Кройцензее» бросила тень и на Эрну. На кой тебе ее панно, говорили хозяину доброжелатели, старуха душу дьяволу продала. Похороны за похоронами! Лизелотта, Кристина, доктор... Кройцензейцы на ушах стоят: засадить индуса в дом сумасшедшего убийцы! Пусть там в очках убийцыных газеты про себя читает!

Хозяин меж тем накрыл стол в Лизелоттином закутке — отметить в узком кругу «Панораму Кройцензее». Эрна нарядная, в белой блузке с рюшечками и пышной юбке в складку, Шахья, напротив, выглядит скверно, небритый и во всем черном. Марта, старшая, слепок с Кристины. Исхудала, с лица исчезли веснушки, вытянулся и заострился нос, затуманился взгляд под длинными ресницами. Луиза принесла в таверну сосульки. Это мечи, они с Логосом

в войнушку играют. Хозяин велел оставить мечи на улице, растекутся они капля по капле и превратятся в лужу.

Эрна смотрит на Шахью, подперев кулаками розовые щеки.

У любви свои счета со временем.

2. Агнес боится кошек

Египетская остроухая кошка, глаза-щелочки, нос розовый, слышала звук скорой помощи, наострила ухо, открыла глаза, — звук стих, глаза закрылись, ухо стало на место, — нет, все-таки нарушен покой, — выгнула спину, забралась под картон, на котором записан номер телефона того самого ветеринара, который ее стерилизовал.

Колизейские кошки знай плодятся и множатся, прячут котят по помойкам, носят им в зубах мертвых голубей. Агнес чуть не вырвало. Пошла поглядеть на шедевр архитектуры, а увидела кошку с мертвым голубем.

Мотоцикл пронесся, Агнес отскочила в сторону.

Села в такси, до Пантеона. Пантеон закрыт на ремонт. У огромной колонны сидела умильная старушенция и ощипывала розы. Агнес купила букет, прижала его к пышной груди, пусть думают, что подарили. В Италии поверят, в Гамбурге — никогда. Не любит она Гамбург, не любит и все.

3. Внучка Амалии Секбах наносит визит сеньоре Керубини

Дверь ей открыл молодой человек приятной наружности. Агнес переобулась, поправила прическу перед зеркалом, вошла в комнату и замерла, взятая под прицел мириадами глаз. Из оцепенения ее вывело рукопожатие сеньоры Керубини. Крепкая, грубо отесанная рука, о такую можно занозиться.

Нельзя ли куда-нибудь уйти... от этих глаз, — спросила Агнес у молодого человека.

Это работы вашей бабушки Амалии.

Вот что в ее, Агнес, генах, отсюда и фобии, и исчезновение дома в окне.

А кем вы приходитесь сеньоре, если не секрет, — обратилась Агнес к молодому человеку.

Брит представился, объяснил, кто он и какова тема его исследования. Не встретить он сеньору Керубини на улице в тот момент, когда шел за спичками, чтобы сжечь диссертацию...

А что предшествовало желанию уничтожить диссертацию?

Брит не знал. Просто у каждого внутри смерть. Чья-то смерть. У меня их там целая страна без возврата. У вас одна Амалия, а вы вон как перепугались, попав под прицел. Представьте, каково бы вам было, если бы все эти глаза оказались у вас внутри! Сравнительно недавно во мне поселился Швенк, и теперь во мне одни руины, и он на них

смеется, во мне у него отекли ноги, во мне он умирает на соломе, всеми брошенный... Понимаете, внутри меня образовалась такая теснота, что, например, друг Швенка, высоченный критик лагерных фантазмагорий, не может во мне распрямиться. Сжался в комок и давит на все печенки. Имя его вам ничего не скажет и лучше не произносить его вслух, он захочет распрямиться, а это причиняет мне невероятную боль. И без того тяжело. Все обесцвечено, вот вы, например, совершенно серая, такая же серая, как розы.

Розы алые как кровь.

Эти серые, а моя кровь была черной, когда ее собирали в пробирку.

Мальчик сбрендил, — подумала Агнес, — какую же цену заплатит она, натура чрезмерно впечатлительная? Рехнется и потеряет способность видеть цвета? И Джон предупреждал ее. Он встретил в Лондоне парня, у которого от «подобных исследований крыша поехала, так что лучше в это дело не углубляться, тем более с ее фобиями». Вот что он сказал ей, слово в слово.

Вы случайно не знакомы с мистером Червенкой? — спросила Агнес.

Еще как знаком! Из-за него все это и началось. Только он ушел, как явился Предвечный... Мистер Червенка непроницаемый, кажется, он носит на себе плотный известковый панцирь.

Агнес обиделась за Джона, но промолчала. С сумасшедшими она не спорит.

А что, сеньора Керубини так и спит весь день напролет? — поинтересовалась Агнес.

Сейчас проверим, — сказал Брит и ушел.

Агнес подошла к окну и увидела Джона Червенку. Что он делает в Риме? — об этом она и подумать не успела, скорей, скорей, за то время, что она спустится по лестнице, минует двор и выйдет из арки, он может исчезнуть — перейти улицу, свернуть за угол, войти в кафе. Где ей его искать?

4. Вдова доктора встретила с Кноблем у входа на кладбище

В черной шляпке с алыми гвоздиками она выглядела очень и очень, скорбь придает женщине особую пикантность, не без удовольствия отметил Кнобль. Они прошли мимо заметенной снегом могилы Лизелотты. Замурованный в стену доктор находился в нескольких шагах от нее.

— Алое на фоне белого и черного — это очень и очень, — сказал Кнобль.

Постояли, помолчали.

После кладбища вдова пригласила Кнобля отобедать в таверне у поворота на Зальцбург. Вегетарианец и спортсмен, он с удовольствием ел цветную капусту, запеченную в сухарях. Поев, тщательно вытер рот розовой салфеткой и бросил ее на стол. Удивительно, как он напоминает Вальтера. Каждый его жест.

Ваш индус с самого начала показался мне подозрительным, — сказал Кнобль, выбирая десерт. — Лимонное желе, возьмем, одно на двоих? Кто будет защищать явного афериста? Сбежал в Индию, якобы попал в цунами, вернулся с чужим ребенком, живет у старухи, паразитирует...

Пока они ели лимонное желе ложечками из общей вазочки, Кнобль рассказывал о лыжных восхождениях вон на ту гору, которая пиком торчала в окне. Жаловался на отсутствие времени.

5. Сказка про И Инь

И Инь родился в маленькой стране Юсинь.

Повтори «иинь»! — велела Луиза Логосу.

Они лежали втроем на большой постели, Шахья посредине, Логос и Луиза по бокам.

Иииии-инь...

Точно, точно, вышло! — запрыгала Луиза. — Давай дальше, про иинья-из-юсиня.

Ююююю-инь...

Юссссинь.

Ююююю-инь...

Однажды ночью матери И Иня явилось во сне божество.

В комнату вошла Марта с газетой. На первой странице красовался он, Шахья. Как он не подумал об этом в таверне, нужно было убраться подшивку с глаз долой.

Божество, божество явилось матери И Иня!

Замолчи, — всхлипнула Марта, — наш отец замешан в деле об убийстве доктора. Он не хотел убивать, но готов понести за это наказание. Бедные мы, бедные!

6. Родиться в дупле тутового дерева

В кухне теперь был такой же порядок, как и при Кристине. Разноцветные керамические чашки рядом, вышитое полотенце над мойкой.

Шахья смотрит на Марту и видит Кристину. Когда они встретились, в ней была Марта, ее страсть и здравомыслие. А когда осталось одно здравомыслие, Шахья направился на поиски страсти и попал в водоворот.

Кама. Юноша, восседающий на попугае. В руках его лук из сахарного тростника с тетивой из пчел и пятью стрелами из цветов, они насылают любовную страсть.

Грань касания. Чувство и чувственность. Лучше не прикасаться к Марте. А она гладит Шахью по плечу, заглядывает ему в глаза и рассказывает самые невероятные истории.

Недавно она прочла про отца и дочь, которые оказались ни отцом, ни дочерью. Этот сюжет продали продюсеру за большие деньги. Почему бы и нам не поступить также? Мы и так на прицеле у прессы, почему бы не извлечь из этого пользу? Давай продадим наш сюжет за большие деньги.

Но я твой отец и ты моя дочь.

Да не этот, про доктора. Это же детектив! К нам в школу приезжал продюсер из Америки, он ищет такие истории —

во-первых, не банальные, во-вторых, незаконченные. Концы он придумывает сам. Давай продадим нашу, пусть придумает к ней хороший конец и вернет нам доброе имя.

А сказки он не покупает? — вмешалась Луиза.

Нет, в сказках есть конец, — объяснила Марта.

В папиных нет, он все время новые рассказывает!

Марта привела Логоса и ушла делать уроки, она терпеть не может сказки, зато любит тишину.

Божество сказало: как только приплывет деревянная ступка, женщина должна уйти из селения и не оборачиваться. Женщина вняла божеству и стала следить за рекой. Тяжело смотреть в поток не отрываясь, но иначе упустишь из виду маленькую деревяшку. При этом божество даже не потрудилося объяснить бедной женщине, что означает деревянная ступка и почему, завидев ее, надо бежать из селения не оборачиваясь. Но женщина поверила божеству и, как только на поверхности воды показалась деревянная ступка, ушла из селения не оборачиваясь. Пройдя десять ли, она не выдержала и обернулась. Позади нее все было залито водой, а сама она в то же миг превратилась в тутовое дерево, — ведь она нарушила обещание! Но, поскольку она все-таки послушалась божество и ушла из селения, ее жизнь продолжилась в ребенке, которого люди этой деревни обнаружили в дупле дерева. Ребенка назвали И Инь, что значит управляющий. Он вырос, прославился своей мудростью, и стал советником царя.

Наш Логос вырастет и тоже станет советником царя, — сказала Луиза.

Юююю-инь, — подтвердил Логос.

7. Шахья засыпает в доме сумасшедшего убийцы

В полнолуние одолеваемый бессонницей Шахья вышел из дома. Снег блистал, ни одной машины на дороге. У поворота на Кройцензее он оставил машину и по протоптанной в поле тропинке пошел к лесу. Крупные птицы, обрушиваясь с еловых лап шапки снега, перелетали с ветки на ветку. Дом сумасшедшего убийцы врос в сугроб по оконный проем. Чернела дыра. Шахья залез в нее, сел за стол, нацепил на нос очки и включил приемник. Отсюда можно было обозревать деревню, дымок над крышами, белый снег, черные ели. Кого убил этот сумасшедший? Может, он тоже никого не убивал, но намеревался. И за это наказал сам себя. Выстроил тюрьму с окном кривобоким, жил один, ни с кем словом не перемолвись. С рассветом вставал, с заходом ложился. Зачем ему были очки? Он читал? Что он читал? Слушал музыку, это ясно, ораторию «Гильгамеш» на чешском языке... «Поражу я Гильгамеша в его жилище, проложу я путь в глубину преисподней, подыму я мертвых, чтоб живых пожарили, — станет меньше тогда живых, чем мертвых!»

...Поражу я Гильгамеша в его жилище...

8. На месте совершения убийства

Кнобль и в постели был вылитый доктор. Слюняв, прилипчив, слаб. Он пришел к ней под предлогом осмотра места совершения убийства. Какой смысл разглядывать в лупу торшер, которым Шахья проломил доктору голову? В самый-самый момент доктор назвал Ванду Кристиной. Она не удержалась и спросила, что у него было с Кристиной?

Доктор рассмеялся. Он не некрофил. Но девушка была красивая, ни дать ни взять.

Утром они выпили чай с вареньем, из одной розетки. Привычки образуются быстро.

9. Ванда посещает адвоката

Дама в черной шляпке, проткнутой булавкой с перламутровым наконечником, с вуалью, прикрывающей глаза, и скорбно поджатыми губами, устроилась в кресле.

Рассказывайте! — велел адвокат.

И Ванда изложила дело так, как научил Кнобль. Шахья ворвался с револьвером, угрожал, она вырвала из его рук револьвер, тогда он схватил торшер и со всего маху ударил им доктора по голове.

Эта версия не выдерживает никакой критики, — вздохнул адвокат. На мраморной подставке от торшера обнаружены отпечатки ваших пальцев. Вот заключение эксперта криминальной полиции, сержанта Ватрехта. Он посетил вашу квартиру в тот момент, когда доктор Зонтаг был дос-

тавлен в больницу с черепно-мозговой травмой. Затем он допросил индуса и записал его показания. После беседы с доктором Кноблем в театре сержант Ватрехт был уволен из полиции за превышение полномочий, совершаемое вопреки задачам деятельности, при условии, что действия сопряжены с применением насилия или угрозой его применения.

Прекрасно! Значит он нам с вами помеха.

Послушайте, фрау Зонтаг... — Ванда вздрогнула при упоминании ее фамилии. Фрау доктор, это звучит, но фрау Воскресенье! — Зовите меня Вандой!

Так вот, Ванда, Ватрехт на этом не остановился. Он передал дело в Верховный суд. Я не имел чести ознакомиться с материалом, но, зная сержанта лично, я уверен, что суд восстановит его в правах, и все обвинения, сфабрикованные при участии начальника полиции и его лучшего друга доктора Кнобля, будут сняты. Это касается и Шахьи. Попробуйте встретиться с сержантом до того, как материал просочится в прессу.

10. Брит привозит сеньору Керубини на Виллу Боргезе

Темный мрамор галерей, скульптуры, освещенные светом из окон. Остановка у «Похищения Персефоны».

О, мадонна, как ее любил мой покойный супруг!

Все тот же круг тем.

Богиня царства мертвых, жена Аида. Аид-насильник тащит Персефону в царство мертвых. Она отталкивает его,

ищет взглядом избавителя, вознесена рука с нежными пальчиками, другая краем ладони упирается в висок Аида. Что ему брыкания прелестной, если на это дал добро сам папаша Зевс. Он держит Персефону, как драгоценный кубок, который ему предстоит испить там, за Стиксом. У подножья, под нежными пятками жертвы, собака-страж о трех головах, у центральной пасть открыта, и все в ней есть, и зубы, и язык, и даже костлявое нёбо. Это уже не эллинизм, но еще не барокко.

Устроиться на Виллу Боргезе зрителем, дремать на стуле, время от времени открывать глаза и видеть, как Аид похищает Персефону, похищает, да никак не похитит.

11. Берта принимает Шахью за убийцу

Утром по своему обычаю она отправилась проверять дом убийцы. Все же права она была тогда, когда сказала Эрне про Кристину, сердцем чуяла беду. Всякий раз с приближением к дому дух заходится. Так и сердечную болезнь не ровен час схлопочешь...

Убивец вернулся! Сидит за столом, как есть убивец. Но, отдышавшись, она вгляделась в сидящего и узнала в нем Шахью. Позвала, не откликается. Попыталась Берта влезть в проем, да куда там, с ее телесами!

Шахья примерз к скамье. Куртка стояла на нем колом. Берта отломала здоровущую сосульку, достала до Шахьиной щеки. Дрогнули веки. Живой. Перекрестившись трижды, она пошла за своим мужиком. Тот, правда, тоже в дыру

не влезет, но может пособить, — вот ведь горе и напасть на все Кройцензее.

Когда она вернулась с мужиком и санями, Шахья был уже по эту сторону, сидел в снегу. Мужик взвалил на себя отморозка и скинул в сани.

Господи, причитала Берта, куда теперь с ним, послушай она Эрнушку вовремя, перестань охотиться за привидениями... Зачем только она его заприметила, помер бы, и настал бы покой в Кройцензее.

Заткнись, ёкала-мокала, — выругался мужик. — В больницу свезем его, пусть разбираются.

12. Шахья в шоке

Мешок горя... лук из сахарного тростника... Из-за этого человека, свернувшегося в клубок на койке, она отказала Кристине от дома, — отворотное зелье — несмертельный яд в бокале с вином... И Марта будет ходить за ней, а когда придет черед, Эрна продиктует ей свою исповедь...

Будет жить, — успокоил Эрну медбрат. — Пей чай, индус, разгорячай кровь!

Но индус его не услышал.

Тяжелое обморожение, как и ожог первой степени, — шок для всего организма, — объяснил врач и попросил Эрну оставить больного в покое.

13. Эрна отправилась в мамино кафе

Несколько быстрых набросков — бармен за стойкой, старуха в каракулевой шубе, поедающая бисквит. Поначалу коричневая сангина подрагивала в руке, но вскоре рука окрепла, к Эрне вернулось ощущение уверенности. Старуха все съела и теперь сидит спокойно, не меняя позы, так что можно проработать фактуру морщинистой черепашьей шеи, торчащей из потертого каракулевого воротника. Стыл кофе, Эрна сделала пару глоточков, посмотрела на рисунок, — хорош, хватит.

Нежный звоночек на двери кафе возвестил приход новых посетителей.

Фрау доктор в траурной шляпке с молодым человеком.

Эрна! Какими судьбами?!

Она сказала, Шахья заболел.

Что с ним?! — воскликнула фрау доктор и поспешила представить ей молодого человека. — Это наш милый друг, Ватрехт. А это наша любимая Эрна... Ах, все мы связаны в горестный узел... И вот этот прелестный юноша берется его распутать....

Портрет молодого Бернини — мягкие усы над полнокровным ртом, целеустремленный взгляд.

Передайте Шахье большой привет от сержанта Ватрехта. Скажите ему, что у меня на руках все доказательства его невиновности. И пусть поскорей выздоравливает.

14. Смейтесь вместе с нами!

Чествование героя. Симфонический оркестр на сцене и обилие публики в зале. О герое ходят слухи: он — победитель велосипедных гонок, автор испанского гимна, водитель первого локомотива, изобретатель аппарата по отделению пешеходов от велосипедистов, погиб молодым, поскольку устал и не мог идти дальше.

Но зачем обтянули зрительный зал и сцену колючей проволокой, зачем вышки с вооруженной охраной? Да так, дизайн.

Скетч. Двое просыпаются и слышат объявление по радио: рейх принимает подарки от еврейского населения. Зачитать перечень! Под монотонную читку собираются вещи: одежда, лыжи, граммофон, пластинки, птица в клетке, отпариваются звезды с одной одежды и нашиваются на другую, постепенно эти двое начинают путаться в вещах, что оставить, что сдать, при этом следуют поправки и коррективы, и в конце концов они решают сдать все. Довольные принятым решением, они садятся на чемодан и слышат по радио новое сообщение. Сдать радио. Но как они будут жить, откуда получать дальнейшие указания?!

Они снимают с радио корпус, убирают содержимое под кровать, набивают корпус подарками и идут сдавать рейху. Очередь доходит до проверки радио, они имитируют голос фюрера, что приводит в восторг представителя власти.

Довольные, они возвращаются домой, включают радио и слышат новый указ: сдать голову, предварительно освобо-

див челюсти от золотых зубов и коронок, а также волос, которые после стрижки надо высушить и уложить по часовой стрелке.

Как хорошо без головы! Зачем только носили они на плечах такую тяжесть!

Швенк из любой ситуации вывернется. Вот поставили его, живого, камень, — за побег памятника объявлен расстрел, а он не только смог окаменеть и сбежать, но еще и медаль получил за охрану самого себя, сбежавшего.

Смешно. И все смеются, забыв, что с вышки наставлен автомат.

Шалико возмущен, как так, он деньги на устойчивый памятник давал! Нехорошо. Надо выяснить с режиссером. Но как отсюда выйти? Почему не убрали колючую проволоку? Может, это еще не конец? Все сели на свои места, ждут. Сцена закрыта, ничего не показывают. Опять включили свет на вышках.

Требуяют спороть с одежды желтые звезды. Но ни у кого их нет.

Требуяют сдать канареек в клетках. Откуда им здесь взяться?

Требуяют сдать спички. У всех зажигалки.

Народ в недоумении. Это театр или пункт сдачи?!

А теперь все, кто еще способен смеяться, смейтесь вместе с нами.

15. Переименовать «У Швейка» в «У Швенка»

Актер, игравший Швенка, содержит известный на всю Европу ресторан «У Швейка». Он и произнес речь на банкете, который сам же устроил в своем ресторане.

Сегодня большой день. Он отыгрался за деда. Дед его выступал в лагере со Швенком. Дед вернулся после войны в Прагу, но актером не стал. В 48-м году ресторан, принадлежавший семье, экспроприировали коммунисты. Теперь он снова наш.

Он благодарит автора пьесы, израильтянку Рахель Пап, которая, увы, по финансовым соображениям не смогла прилететь на премьеру. Он благодарит режиссера, который сумел отказаться от сомнительной задумки сделать из Швенка Орфея-марионетку. После долгих споров они вернулись к пьесе Рахель Пап, основанной на исторических фактах. История — это тоже миф своего рода. В честь Швенка я переименовываю ресторан. Заменить одну букву в имени ничего не стоит!

Диана плакала, Шалико утирал ее слезы салфеткой.

А все же есть у меня один вопрос, — сказал Шалико, подвыпив. — На памятник Швенку я лично ассигновал целый процент с продажи оружия, а он сбежал. Куда ушли мои деньги?

Диана захлопала в ладоши и запечатала рот Шалико долгим поцелуем. Таким долгим, что Шалико чуть не лишился рассудка. Во всяком случае, про продажу оружия он больше не говорил. Банкет завершился песней Швенка «Возьмемся

за руки и пойдем в разные стороны», которую исполнили на бис девочки из Дианиного заведения.

16. Метаморфозы в Вольфгангзее

Эрна не узнает собор. Куда исчезла резная решетка с ангелами и ажурными цветочками? Мария стоит у алтаря на коленях, а раньше она сидела с новорожденным Христом на руках, исчез трубчатый ореол...

Этого быть не может! Эрна пошла в магазин, нашла в брошюре о Вольфгангзее снимок интерьера купольной части — все совпадает с тем, что она только что видела. Где же были они с Лизелоттой?!

Эрна вернулась, села на скамью с красной подставкой для молитвенника, это она помнит, это было, но алтарь не тот. На левой боковой створке бронзового горельефа, что в центральной части трехстворчатого алтаря, изображен маленький Христос в ногах Марии. На этом месте была скульптура — Мария сидела с Христом на руках, а тот от нее отворачивался.

Пошатываясь, Эрна вышла из Собора, прислонилась к решетке фонтана. Может, и она — не совсем она, что-то от нее, что-то от Лизелотты, пальто, например.

17. Испытание веры

Не тесни, матушка, я уж и так одной ногой в бездне.

Тропа уж больно узкая, батюшка, экое испытание на веру!

Кто первый в бездну рухнет, у того и вера крепче.
Тогда я, батюшка, вторая!

18. Эрна въехала в подземелье

Красная букашка еле протиснулась между серебряными «опелями», стоянку удалось найти лишь на последнем, самом нижнем этаже гаража. Зато рядом с лифтом. На лифте Эрна поднялась в город, где родился Моцарт. Снег с дождем, серость, пальто Лизелотты жмет под мышками. Еле дошкандыбала до клиники. Нажала на кнопку, произнесла в решетку свое имя, толкнула дверь. Снова лифт, только теперь с зеркалом. Она посмотрела на себя, старую, подобрала седые пряди, вылезшие из косы. Передать Шахье слова Ватрехта. Позвонить Кристине, пусть вернется, нет у нее здоровья за тремя детьми ухаживать.

Шахья лежал, отвернувшись к стене и бормотал на каком-то непонятном языке, врач сказал, посттравматический бред. Спать, спать и спать, вот что ему нужно. Эрна объяснила врачу, что Шахья никогда не принимал транквилизаторы, обычная доза может вызвать у него особую реакцию. Мы это учитываем, сказал врач, мы понимаем ситуацию.

Они понимают, Эрна — нет. Тому, кто понимает, видней, как поступать. Она не понимает. И ей нужно добраться до Кройцензее и выкинуть пальто на помойку. Нет, снести его в дом сумасшедшего убийцы. Для Лизелотты. А то шастает в платье не по погоде.

19. Эрнa видит оркестр на лобовом стекле

Дворники смывают со стекла мокрый снег, звучат скрипка и альт, шуршит целлофановая обертка, — смычок взвивается и протыкает целлофан, альт обрушивается водопадом, размывает оркестровую яму, два голоса, жизнь и смерть, всухую допевают свои партии, оркестр звенит, звук вспорот смычком, альт сгребает осколки.

На лобовом стекле отражаются скрипка и альт, в целлофановой упаковке гладиолус и ирис.

Она поставила чайник, переобулась, причесалась тщательно. Снова подумала о Вольфгангзее. Витая решетка, декоративные цветы, Мария с Христом, от нее отвернувшись, — интерьер Зальцбургского собора воображение наложило на трехстворчатый алтарь Пахера. Если она, слушая Моцарта, видит оркестр на лобовом стекле...

В зеркале пальто Лизелотты и ботинки Эрны.

Всего не понять.

20. Шабес-гой не перестает удивляться энтузиазму отдельных личностей

Все еще находятся такие, кто хочет опубликоваться, высказаться, привлечь внимание, снять фильм из жизни олимов-ученых*. Что-то бодренькое, в духе Чиир-ап.

* Олимы (искаж. иврит) — репатрианты.

Шабес-гоеву кошку от такого предложения вырвало на телефон. Теперь в нем западают клавиши. Но звонки доходят сквозь блевоту.

Тугодумы с бородами маркс-энгельсовскими создали неприбыльную организацию с неприметным названием «Объединение олимпов-ученых». Ученые-олимы, объединяйтесь! Вливайтесь в неприбыльную организацию бородатых тугодумов, чувствуйте себя как дома. Уже три часа ночи, а они все еще морочат Шабес-гоеву голову пропозлом про неприбыльные идеи. Их можно и нужно запатентовать, но нельзя внедрять в науку и производство. Иначе они принесут прибыль, а это запрещено по протоколу. Но кому нужны научные идеи, которые нельзя внедрять? — в какой раз спрашивает Шабес-гой. Нам — отвечают хором ученые-олимы. Чтобы разрабатывать проекты, нужно кушать. Ням-ням, понимаешь? А чтобы получать спонсорские бабки, нужен пиар, за этим мы к тебе и пришли. И не бесплатно. Десять процентов с общей суммы твои. Хороший процент, на пропозлы столько не отстегивают. Шабес-гой, хоть и поиздержался изрядно, но на этих психов лохматых, бородатых и напористых, работать не будет. Им нужно не общественно-хаотическое метание, а мужик, свой в доску, тихий и неприметный, как название организации. Тот нароет для них фонды, и они наконец побреются, приоденутся и превратятся в главную неприбыльную организацию Израиля, от которой за версту будет нести одеколоном «Москва».

21. Шалико отлупил Зекутаху

Диана и девочки из ее заведения торжественно восходят на трап самолета. Шалико замыкающий. Прага, бай-бай!

Путешествие освежает лучше, чем «Двести лет вместе», — говорит Диана Шалико.

Но и стоит дороже, — встречает сосед справа.

Зекутах, Вирждинец, Гринвич-Вилидж!

Шалико поднял голову. Вот на кого у него давно руки чесались!

— Выходи, — повелел он Зекутахе и расстегнул ремень на животе.

Окошко открыть? — захохотал Зекутах, указывая в небо.

Шалико молча выволок его в проход и отлупил по первое число. Девочки визжали и жались к Диане. Остальные пассажиры даже не обернулись. По телевизору шел фильм, где стреляли и убивали напропалую, драка без применения огнестрельного оружия никого не занимала.

Побитый Зекутах перестал смеяться и приставать, стал тихим и замкнутым.

Отомстив за Диану, пусть и с большим опозданием, Шалико сделал ей предложение. Так что, девочки, выбирайте себе новую начальницу путем демократического голосования, а Диана станет женой Шалико Гогоберидзе и, бог даст, матерью его ребенка.

Чокнулись вином в пластиковых стаканах.

Обработанный зеленкой Зекутах бредил о каком-то племени адыгейцев, откуда он якобы родом.

Шалико прислушался. Человек с Кавказа. Земляк! И пострадал от земляка. Нехорошо. Почему не сказал сразу?

Проснись, земляк, — велел ему Шалико, — покушай и выпей за нас.

Зекутаха приоткрыл заплывший глаз, прошмякал что-то опухшими губами и провалился в сон.

А я б ему дала, — сказала Рыжая. — Восемь часов лететь, это ж затрахаться! Кино, темно, в самый раз!

Попробуй, сказала Чернушка и пропустила Рыжую к Зекутахе.

Но тот отпихивался, рычанием отвечал на ласки.

Какой он адыгеец, сказал Шалико Диане, знаешь, что творится с адыгейцем при одном только виде женщины?! Это — фальшивый адыгеец, нет у него зова крови, не помнит он своего родства!

22. Ванда просматривает записные книжки Вальтера

«Шехина — идея присутствия бога в мире. Неопалимая купина, огненный столп, веяние тихого ветра.

Куплен умывальник. Польский еврей. Один жид просит за брачный контракт (кетуба) 3000 марок. Если сторгуем-ся за 2000, будет мой. Или отдать предпочтение свитку Эстер? Но это не менее 5000».

Нездоровый интерес к предметам еврейского культа. Уродливый умывальник, медные тарелки с еврейскими узорами... Приклеить ему антисемитизм. Сравнить с Эйхманом. Тот тоже хотел евреев уничтожить, а культуру их со-

хранить. Доктор — нацист, насильник, хотел задушить ее, Ванду, — и она ранила его в целях самообороны.

Ватрехт записал все, что говорила ему Ванда. Она расписалась под показаниями, не посоветовавшись с Кноблем. У того явно какой-то интерес, связанный с Кристиной. А что, если он... Но зачем бы ему было... Ох, ну и дела, всем миром одного индуса засадить не можем!

Ванда собирается с мыслями в хвойной пене. Ватрехт спросил, хотела бы она искупить свою вину. Вину? А в чем она виновата? В чем виноват ее отец, убитый под Сталинградом, или ее мать, вынужденная растить в войну троих детей? Красавица-мать за пять лет превратилась в сморчок. Ванда вышла за доктора по расчету. Чтобы жить хорошо. Вот и все. Нет, не все. Надо поразузнать у Ватрехта про Кнобля.

23. Шахья просит оставить его на соломе

Земля оттаивала, Шахья замерзал. Лед хрустел в суставах, сугробами покрылись сердце и легкие. Его перевезли куда-то, где ему внушали, что он здоров, кровь поступает ко всем его сосудам, — лед давно растаял и снег сошел. Весна.

Детям он и приблизиться к себе не позволил — замерзнут. Они стояли втроем у двери, такие красивые, такие родные, они должны забыть его. Все должны забыть его, оставить на соломе.

На какой соломе? — крикнула Марта.

Шахья не ответил. Заполз в ледяную нору и свернулся там калачиком. Толстая корка льда. Дети сражаются на сосульках. Вода капает, образуя проталины. Его уносит поток, скорость нарастает, вот-вот он слетит с траектории, но тут вдруг все останавливается, вода превращается в лед, и он лежит неподвижно на ее поверхности, как рыбное филе в морозильнике. Без головы и хвоста, без чешуи и плавников. Кто узнает в замороженном куске живую рыбу.

24. Светосильные глаза Амалии сканируют тьму

Сетчатка глаза. Палочки и колбочки. Прежде лучи от источника света попадали в колбочки и отражение выходило цветным. Колбочки лопнули, не выдержав внутреннего давления тьмы на хрусталик. Если световой луч угодит внутрь черного шара, ему конец. Отталкиваясь от черной поверхности, будет он метаться по траекториям отражения до тех пор, пока не утратит светосилу.

Смерть света во тьме.

Кошачьи поверхности линз вбирают в себя одеревеневшее тело сеньоры Керубини и отражают его далеко за пределами, там, где Амалия.

Отчаянье немоты. Сколько всего могла бы рассказать Амалия, но воздухообразные мысли не пробивают плотный слой земной оболочки. На земле бури, много пыли и взвеси — лучи разбиваются о слои разных плотностей. Если бы не оставленные там проводники-глаза, связь была бы утрачена полностью.

Пепел мертвых душ недавно предложили высыпать на земную оболочку, — но это же полностью перекроет возможность засылки импульсов. Духарям наплевать, пусть там хоть все лопнет. Но если там все лопнет, то и наша оболочка разорвется! А, говорят, места и на луне полно, земля — крупинка в мироздании, чем скорей там все лопнет, тем скорей мы от нее оторвемся и переселимся на свободные уголья. Кто вам мешает сейчас переселиться, вы же свободны! Нет, нас держат корни.

Как же ты меня не заметила, Хельга, пронеслась мимо на каком-то чудище?!

25. Снова крылатый лев

Радужные круги расходятся от хрусталика и заполняют все вокруг цветом. Брит дотянулся до выключателя, нажал на кнопку и увидел голубое одеяло с мелкими желтыми цветочками, красные тюльпаны в голубой вазе. Он перевел взгляд на стену, но вместо глаз увидел темные прямоугольники в рамах. Брит зажмурился и потрянул головой. Глаза на месте. Но опять все черно-белое. Значит, это правда, виновато не зрение, а сознание.

Сеньора Керубини в белой ночной рубашке плавно опускается на его постель, чтобы рассказать сон.

Снова крылатый лев. Номера гостиниц с размытыми стенами и дверями. Лев низко над полом, стены клубятся. В номерах пусто, то спинка кровати видна отчетливо, то угол шкафа, — это помещение все оставили, и лев наращи-

вает скорость, густой туман прилепляется как маска и не дает дышать... Я пытаюсь удержаться, но он меня сбрасывает...

Брит укладывает сеньору Керубини рядом с собой, укутывает одеялом. И она засыпает, как маленькая девочка в родительской постели. Что он знает про чувства маленькой девочки, испугавшейся сна, а уж тем более о родительской постели? Где-то прочел.

Если опустить кирпич в воду, от него пойдут квадратные круги.

26. Агнес и Джон в свете рассеянья

Садится солнце, цветет миндаль в Эйн-Кереме. Сквозь нежно-фиолетовый дым проглядывает зеленая гористая долина, располосанные холмы. В камнях цветы как бабочки, стеблей не видно, из стены, отделяющей монастырскую часть от свалки металлолома, торчит железная арматура.

Рассеянный свет.

Свет рассеянья.

Агнес и Джон смотрят сквозь солнцезащитные очки на Иерусалим, на белокаменные строения, раскиданные по зеленым холмам. На дереве цветы вперемешку с черным прошлогодним миндалем, пустым, если стукнуть по нему камнем. Агнес полыхает в лучах заходящего солнца, Джон в тени.

Она полна решимости — не писать книгу про влияние катастрофы на третье поколение.

Он полон решимости — не искать место гибели отца и не ставить памятник на вершине горы.

Нахлаот, Шабат. Никого. Ветер гонит по узким улицам шуршащие разноцветные мешки, прибывает пластиковые бутылки из-под кока-колы, миц тапузим и миц тапухим к бортикам асфальта.

Агнес заглядывает в окна. Шабатнее застолье. Евреи в черных шляпах, свечи, цветы. Из переулка доносится пение. Они сворачивают и останавливаются перед окном. Большая семья за большим столом, в центре столетний дед с седой бородой, в черной широкополой шляпе, белой рубашке и черном пиджаке. Он поет и все ему вторят, глядя в молитвенники. Нарядные девочки, солидные матроны и много цветов. Знакомый запах пищи.

Джон уводит Агнес. Неудобно, заметят.

27. Зекутаха с Шабес-гоем в месте скопления шлаков

Мечта Шабес-гоя посетить Америку так и осталась мечтой — сотрудникам консульства показались подозрительными и профессия, и разведенность, и внешний вид, и вероисповедание просителя.

Деньги на билет и визу Шабес-гой пропивал где придется и с кем придется. Подвернулся Зекутаха, гражданин той страны, куда Шабес-гоя не впустили, ну и давай с ним шашлык есть да водку пить. Если там все такие, утешал себя Шабес-гой, нечего туда и соваться. Но ведь он и не собирался на людей смотреть. После клаустрофобического Иерусалима тянет на просторные авеню, к небоскрегам, к чувству, забытому в России, про человека-муху против высо-

ток псевдогогических. Зимы захотелось. Но не в Москве. Чтобы холод не на проспекте Калинина, а на Бродвее. Чтобы одиночество в Сохо, а не на ВДНХ, среди колхозниц со снопами.

Не вышло и ладно. Останемся здесь — среди ковров аляповатых, сладостей приторных, чеканки безвкусной, шашлыка с кровью, соуса желтого и кетчупа красного. Хорошо хоть водка прозрачная, напьешься до смешения всех и всяческих цветов, и в состоянии расфокусированном, когда не то чтобы все вверх ногами, но явно не в исходной позиции, вспоминаются уроки английского, училка сексапильная, которой весь класс должен был смотреть прямо в рот — кончик языка зажат между зубами — повторяем за мной «тзззззэ», «тзззззэ». Нет, не твой это язык, не к тебе прилеплен, он где-то там, в Вирджинии, прилеплен, а здесь он вроде ковров арабских с орнаментом, явно что-то означающим, но не для тебя, а для араба, который носит с медными блюдами, где тот же орнамент, и сакральный его смысл доступен арабу в той же мере, как Шабес-гою «ХВ» на пасхальном яйце. Но кое-что Шабес-гой понимает, вроде как у Зекутахи есть особняк в Вирджинии, где под его покровительством и водительством международные творческие силы создают проекты на темы, которые тот предлагает: о приступах спазматического смеха, о бабах, к коим вкус потерян как-то вдруг. Зачем он ему это рассказывает? А в принципе что, сидит человек из той страны, которая ему, Шабес-гою, отказала, кормит его и поит, и несет свою лабуду. Но что в его душе вирджинской делается, что там

плачет, смеется, тоскует, что? Классики, они понимали. Сводили людей в саду или в купе, и заводилась история в подробностях, порой мельчайших, о том, как произошла встреча, как появилась она, как прошуршали ее юбки, как взглянула или не взглянула, как сделала вид, что не заметила...

Роман у фонтана, например. Она ждет жениха, а по другую сторону... другой, иностранец. Она назначает иностранцу свидание в кафе «Сецессион». Они сидят за столиком на двоих, перед окном. Как в вагоне-ресторане. И боятся смотреть друг на друга. Поэтому обсуждают прохожих. Любовь. Потом он уезжает, где-то там у него семья, она выходит замуж за жениха. Проходит несколько лет, и они случайно встречаются у того фонтана. Оказывается, она родила сына. Не от родного мужа, от него, иностранца. Вот как... Они сходятся снова, но все уже не то. Любовь вроде старого миндаля на ветке: стукнешь по нему камнем — а там сморщенная оболочка, попробуешь — горчит.

Мрачный молчун из России. Смотрит в стол, ворошит рукой густую короткую бороду, пьет и молчит. Ничего, Зекутаха его пообтешит. Не просто так пригласил он его в место скопления шлаков.

28. Шабес-гой бродит по Нахлаоту

Остановился у русской доски объявлений, прочел в графе «Услуги»: «В Пассаже (ул. Гилель, 23), работает Соломон Кит. Он укоротит и заузит брюки, вставит молнию и встро-

чит заплатку так, что никто не заметит. Телефона у него, к сожалению, нет, но с 9.00 до 15.00 он в своей будке».

К Соломону поздно. А к Рафику на Агриппас, 62? У Рафика «можно купить батарейки, браслеты, ремешки, наушники, калькуляторы, различные игры. К нему вы можете заглянуть, делая покупки на рынке. Рафик знает русский и сочувствует новым репатриантам. С ним можно и за жизнь поговорить».

И он направился к Рафику. Разумеется, не за покупками.

Маленький самодовольный грузин в черной кепке-аэродроме полон сочувствия.

Тяжело, да? Трудно, да? Пройдет. Через тридцать лет придешь сюда, спросишь Рафика. Я уже буду пи-пи и а-а в штаны делать, а ты войдешь, солидный такой, вспомнишь, что тебе Рафик говорил, все пройдет, адони, думай только о здоровье. Бери наушники. Даю на два уха, платишь как за одно.

После Рафика Шабес-гой купил на базаре бутылку для подкрепления здоровья. Выпив рюмку — выпив две, и не ощутив никакого головокружения, он прочел в газете, что «человек — водоплавающее животное, которое сбежало из воды на сушу». То есть человек — эмигрант по природе. И зачем же оно сбежало? «Чтоб избавиться от среды, в которой стало невозможно конкурировать с более сильными представителями». И как же выглядели эти представители? Не написано. Ладно, читаем дальше. «Это бегство привело к значительному понижению его интеллектуальной и духовной силы. Рождаясь на суше, ребенок испытывает неве-

роятную перегрузку. Гравитация сминает, сдавливает ткани его тела, в том числе и мозга».

Да, двумя рюмками тут не обойтись. И кто ж такое состряпал? Итальянец! Да еще с ангельской фамилией Керубини. Если уж ему гравитация мозги смяла, то о нас, простых земноводных, и говорить нечего. Лучше сразу выпить.

Выпив, он закусил сухой коркой, другой закуси дома не было, почистил зубы мятной пастой — Лейка на дух не переносит запаха спиртного, — и двинулся к двери, но на пороге его что-то застопорило. Сдавленность тела? Сдавленность мозга? Видимо, то и другое. Не стоит соваться к ней поддатым, во-первых, из-за ребенка, во-вторых, из-за хандры. Лейка родилась в Израиле, где сумерки больше десяти минут не длятся, и ищет близости с человеком, который полжизни провел в сумерках... Рыжая, смешная, с головы до ног в конопушках.

Представив себе Лейку, Шабес-гой сделал решительный шаг — и переступил порог.

На сей раз Лейка не сказала «почему ты грустный», вообще ничего не сказала, поднесла палец к губам, тсс, поставила на стол большую тарелку супа с еврейскими клецками под названием кнейдлах и пошла в детскую проверять Ноаха, крепко ли он спит.

Шабес-гой ел суп и думал: раз у него нет своего места на свете, а он живет — стало быть, постоянно занимает чье-то. Сейчас он занимал место мужа и отца, не будучи ни тем, ни другим.

29. Набожный еврей впустил под зонт базарную проститутку

Ливень обрушился на Нахлаот. Самое яркое, самое людное место, рынок превратился в огромную темную лужу. По улице Агриппас шел молодой еврей под зонтом. Довольный пустотой и дождем, он насвистывал «Тореадор, смелее в бой». На свист из-за угла выбежала промокшая до нитки девушка. Когда она поравнялась с ним, он узнал в ней базарную проститутку. И все же он пустил ее под зонт и сопровождал до Нахлаотской лачуги. Он помнил ее, помнил, как тащила она за собой по базару толстого набожного клиента, тащила его за собой, как мешок с молоком, протекший от переполнения. Он прикрыл своим зонтом падшую тварь, это страшный грех, все равно что ввести ее под крышу своего дома! А, подумал он, Всевышнему сейчас не до людей. Ему наконец удалось наслать обильные дожди на пересохшую землю, на что ему я с базарной проституткой под зонтом?

В комнату натекла огромная лужа. Молодой человек вытер пол, положил тряпку под дверь и взялся за молитву. В дверь постучали. Тут он совсем растерялся, не проститутка ли к нему пожаловала. К счастью, это был Шабес-гой, сосед из дома напротив.

Выпили чаю, согрелись, молодой человек рассказал Шабес-гою о недавнем приключении под зонтом. Копеечное, с точки зрения Шабес-гоя, приключение. Но набожный его друг, размахивая руками и вонзаясь длинными пальцами

в редкую бороду, с такой страстью описывал дождь на рынке, что дело выходило нешуточным.

Ты чувствовал, что я нуждаюсь в духовной поддержке, и потому пришел, верно?

Шабес-гою не хотелось лукавить, но и правду говорить не хотелось. Он просто ушел, чтобы не занимать чужого места, но здесь, у друга, он снова занимает чье-то место, скорее всего, место какого-нибудь ешиботника, который разобрал бы случай с проституткой с помощью Галахи*. Что он может сказать? Что постриг ногти на руках одной замужней женщины как-то раз среди ночи...

Шабес-гой поднялся, чтобы уходить.

Возьми зонт, без зонта я тебя не выпущу, — настаивал сосед, и Шабес-гой согласился. Под зонтом он занимал место набожного молодого человека, который пожалел проститутку.

30. Кошки-Феллини провожают Маэстро в последний путь

Траурная процедура движется от Колизея к Пантеону. Изыщные кокетки с черными бантиками на шеях, разлапистые простушки, жирные шлюхи, поджарые бизнесменки, вальяжные дамочки, дрянные девчонки, старые греховодницы, сплетницы всех мастей, аристократки духа, нахалки, скромницы, идейно выдержанные, фарисейки, подлизы,

* Галаха (*иврит*) — свод еврейских религиозных законов.

жалобщицы, многодетные мамы с выводком, помоечницы, дикарки, прирученные, инвалидки, поэтессы, косоглазые, душки и прочие кошки мячуют, мурлычут, фырчат, урчат, — он любил нас всяких, он нам все прощал, ах, какая это утрата, что станет с феллиниевским нашим миром, какое непоправимое мур-мур-мяу, как фыр-фыр-фыр мы не ценили, как мяу-мяу не оберегали... Я знала его лично, мур-мур, видела, как он переходил дорогу, и сделал мне кис-кис-кис, и погладил, мур-мур-мяу... На кого ты нас покинул, Маэстро? Кто теперь полюбит нас, разношерстных?

Мяаяаяаяаяаяаяаяаяаяаяаяая!

31. Брит вновь видит все цветным

Он распахнул ставни, взору предстала нескончаемая процессия угрюмых кошек. Угрюмых, но — цветных!

Истошный их вой не пробудил сеньору. Успокоенная Бритом, она уснула навеки.

Брит слонялся по квартире, не способный совместить в себе счастье и несчастье, что радости в том, что он видит мертвую сеньору цветной? Сердце от этого ноет.

Швенк заворочался в нем, тесно ему стало. Скоро у него в душе ни одного пустого угла не останется, все комнаты заняты, в душевую не попасть — там моются по очереди не вернувшиеся с похода смерти. Но не хоронить же их в себе! Нет в нем места для кладбища. Разве что распороться и повиснуть сутинским зайцем с вывороченными внутренностями.

Брит сел на краешек постели и стал читать над мертвой сеньорой подчеркнутые ею и, стало быть, самые важные места из книги о родах без боли.

«Роды в воде предохраняют мозга младенца от изначального гравитационного шока, который человек получает при рождении. Этот гравитационный шок имеет эффект контузии, и именно она ответственна за то, что мы можем активно использовать только 3—5% нашего мозга. Остальное теряем на входе. Возможно, именно это и подразумевается под библейским понятием “первородного греха”. Как сухопутные существа мы обречены на жизнь с тяжелой контузией мозга и на потерю осознанной связи с тонкими мирами».

Улыбка не сходила с лица сеньоры Керубини даже тогда, когда Брит умолк.

И чего уж так бояться смерти? Оказывается, когда сталкиваешься с ней лицом к лицу, она не производит никакого впечатления.

В кухне на разделочной доске лежали крупные листья шпината, сеньора не успела его отварить. Лучше не убивать витамины и все что можно есть сырым. Он вымыл бордовую редиску с зелеными огурцами и зеленым луком в темно-синем тазике, отдельно вымыл зеленые листья шпината, все это мелко нарезал, перемешал с белой сметаной и съел. Выпил оранжевый апельсиновый сок, съел черный хлеб с маслом и желтым сыром, и пришла ему на сытый желудок совершенно дикая мысль — он накормил и напоил тех, кто живет в нем. Беременные следят за рационом.

32. Шахью ударили током

Он рычал и бросался на всех. Его ломало изнутри, обломки остриями впивались в мякоть. Лицо сковало так, что рта не разжать, не крикнуть. Кровь переполняла вены, жар от ее давления достигал такой силы, что глаза, казалось, вот-вот вылетят вон и впелятся в стену.

Врач объяснил Эрне — агрессивная реакция на электрошок. Ничего другого, увы, делать не оставалось. Он придет в себя.

В себя? А если в кого-нибудь другого?

Нет, здесь он в себя не придет, надо увезти его отсюда, немедленно.

Санитары перенесли громоздкую куклу с обвислыми руками в «фольксваген». Шахья сипел, хрипел, сжимался в комок. Судороги от электрошока. Неужели этот тот, кого она так любила?

Эрна ехала медленно, у Моцартеума она попала в пробку. Уличные зеваки запрудили площадь, какая-то девушка водила марионетку с безумным лицом. Вытаращенные глаза, широко раскрытый рот с выпирающими челюстями.

Эрна посигналила. Ей дали проехать.

33. Шахья искусал Кнобля

Эрна попросила Марту принести раскладушку с озера и поставить у крыльца. Вдвоем они вынесли Шахью из машины. Ему будет лучше здесь, на свежем воздухе.

Свет фар. Машина въезжает в сад, из нее выходит осанистый мужчина.

Разрешите представиться, герр Кнобль, ужинал неподалеку, в таверне, потрясен сногшибательным панно. Спросил хозяина, чья это работа. Тот дал телефон и адрес. Он звонил, но никто не брал трубку. Боюсь, я не вовремя со своими комплиментами.

Эрна подняла глаза на непрошенного гостя.

Я бы с огромной радостью приобрел у вас какой-нибудь вид, если вы продаете...

Шахья вскочил и набросился на Кнобля.

Бешеный пес! На цепь его!

Кнобль на земле, окровавленный.

Шахья рядом, ни кровинки.

Кнобль грязно ругается. Встает. Идет к машине, садится и уезжает.

Шахья еле дышит. Он убивал его все время. Но промахивался. Теперь попал.

34. Батюшка увидел кое-что непотребное

Намедни, матушка, приснилось мне, будто я в глазок кой за кем подглядываю.

За кем же, если не секрет?

Хоть ты тресни, не помню.

Не портретное ли изображение Каллирой?

И, матушка, что за интерес...
Баба нагишом?
Провалиться тебе с таковыми экскавациями!
Вот шарада-то, за кем козел старый в глазок подглядывает!
Правда твоя, матушка, видел я кое-что непотребное.
В деталях, батюшка?
Ох, матушка, да еще в каких деталях-то!
ТЬфу на тебя, батюшка!
А теперь в глаз, а то он вроде как засорился...
И в этот. Чтоб уж поровну ничего не видеть! О, ни зги не видеть!
Зато мелочи не докучают, батюшка!

35. Не спать!

Смерть притаилась за мраморной драпировкой. Туда Бернини не заглядывает. Он денно и ночью трудится, мало спит, его не посещают сновиденья. Жизнь сама сновиденье, ее иллюзорность осязаема, ее призрачность очевидна.

Ангел со скрижалю на площади Ангелов. Смежены веки, приоткрыт плаксивый рот. Ангел устал стоять. Тяжелы массивные курчавые крылья, ветер сдувает с классического тела легкие барочные одежды. Крылья опущены. Никакому ветру их не поднять. Ибо назначение этого ангела — вечно охранять площадь, названную его именем. Так и Лоренцо. Не суждено ему воспарить над городом, окинуть с высоты птичьего полета свои творения. Смотрит на них снизу

вверх, как любой зевака на площади, и, как любой зевака на площади, он когда-то провалится в небытие, об этом и плачет ангел бесслезный, самим же Лоренцо прикованный к постаменту.

36. Заметки сеньоры Керубини

«Доктор Вальтер Зонтаг — сын Фридриха Зонтага, профессора Брюннского университета с кафедры биологии. Там же, в Брюнне, работал мой отец, Франц Роттен, селекционер. В 34-м, после правого путча в Вене многие коммунисты и евреи перебрались в Брюнн. Мой отец устраивал их на работу. Но безуспешно. У нас дома постоянно жили эмигранты. Я никогда не была у Зонтагов. Вальтера встречала по дороге в гимназию. Это был пылкий юноша с блестящими глазами, в последнем классе у него был роман, оба ходили топиться, но дело кончилось легким бронхитом. В 39-м Зонтаги вернулись в Берлин, откуда и были родом. Вскоре туда перебрались и мы, отец же остался в Брюнне. Он был вовлечен в подпольную деятельность и боялся за нас. Я часто его там навещала. Он отдавал мне «излишки» — крупы, которые он использовал, проводя опыты по селекции. Я обменивала крупы на разные продукты и посылала их в лагерь.

Отца Вальтера я встретила в Берлине, на улице. Он поприветствовал меня взмахом вытянутой руки. Его распирала гордость за нацию: кто-то должен чистить этот зловонный нужник, мы великие ассенизаторы, мир скажет нам

спасибо. Я перебила его вопросом о Вальтере. Зонтаг просиял. Вальтер воюет, фюрер оказал ему великую честь — очистить мир от пархатых.

Я поклонилась и прошла мимо. У Фридриха Зонтага появилось по крайней мере две причины донести на меня. Первая: не ответила должным образом на приветствие. Вторая: не поделила с ним радости по поводу величия нации и уничтожения пархатых. Но все обошлось».

37. Зекутаха перекати-поле, но не ротозей

Спроси Зекутаху, чем отличается собор Святого Витта от Миланского собора, ответит без запинки: один в Праге, другой в Милане. А уж уличные представления на площадях Европы все на одно лицо. Везде таиландцы, ярко и жарко одетые, везде играют на стаканах или рюмках, везде поющие группы молодежи и везде одинокий гитарист или гармонист. И все же изредка попадает что-то оригинальное.

Например, вот эта девушка с марионеткой в толпе у Моцартеума. Ох и крутит она ею, ох и вертит! И на тебе — упустила! Марионетка вышла из-под управления, поперла на толпу. Зекутаха пробрался к девушке, сунул ей десять марок в карман, прилип к ее теплomu мягкому бедру, — но девушка высвободилась и балетной пробежкой — корпус вперед, лебединая шея, — погналась за своей страхолюдиной.

Вот бы ее! Но сколько еще ждать до конца представления? Стало быть, наврал он Шабес-гою, что угас интерес. На самом деле еще какой!

38. Оскорбительная сцена

Фрау доктор верхом, фрау доктор задом, малюсенькие прыщички, жемчужинки внутри красных пятнышек, фрау доктор бочком, позиция не самая.

И как-то отпустило. А то от этих мыслей...

Давай еще.

Нет, хватит пока.

Он отстранился и посмотрел на Ванду. Прозрачная голова, насквозь видны мозги, круглые глазные яблоки в кровяных сосудах, носовая кость, переходящая в хрящ, лицевые мышцы, нитками перевязанные, как сосиски, — когда-то у Зекутахи были такие часы прозрачные, с маховичками и колесиками, производящими время, видно было, как оно делается, как эта фикция создается, — опротивели ему эти часы, он их выкинул.

Пальцы — раструбы циркуля, потянулись к Ванде — э, нет, эту голову так просто с плеч не скинешь. Сосуд, набитый червями мыслей, крепко привязан к шее ремнями сухожилий.

Ванда нащупала настольную лампу, размахнулась. Зекутаха отпрянул. Лампа упала на ковер.

Продолжая видеть все, что происходит в ее голове — налились кровью височные артерии, побурели подкожные сосуды, — он нашарил на спинке кровати одежду, и так, в полубморочном состоянии, доплелся до ванной, постоял под душем, оделся и ушел, не глядя.

39. Зекутаха видит насквозь

Вернулся к Моцартеуму. Девушка собирала деньги с ротозеев, марионетка следовала за ней по пятам — какие, должно быть, сильные ротовые мышцы, держать часами неподвижную улыбку.

После представления Зекутаха пригласил девушку в кафе на углу. Заказал пиво и чипсы. Спросил, как она управляет своим лицом, как тренирует мышцы. Ему бы хотелось нарастить лицевые мышцы. Раньше он был толстым, потом исхудал от спазмов смеха, и кожа обвисла, как у бульдога. Это неэстетично. Насквозь видны жировые прослойки с комками желтого жира, не то что тугие, натянутые мышцы, эластичные сухожилия...

Вы, случаем, не патологоанатом? — спросила девушка.

Нет, но вижу насквозь. На вас, например, приятно смотреть — даже малопривлекательные мозги красиво уложены в вашем черепе, равномерно распределены по полушариям, — нет уродливых перекосов мысли...

В кафе ввалилась шумная компания, сдвигались столы, гремели стулья.

Зекутаха заплатил и ушел. Это не для него.

В поезде по дороге в Вену он разглядывал содержимое черепа своего визави, пожилого пассажира, увлеченно читавшего страницу про секс втроем. Видно было, как шевелится и розовеет от возбуждения серое вещество. Видеть насквозь куда страшней, чем задыхаться от спазматического смеха. Где

он подхватил эту заразу? Где? В том же ресторане, привокзальном, где скапливаются шлаки... Чертов Шабес-гой!

40. Шабес-гой пишет с натуры Льва Толстого

Граф бежит из Ясной Поляны и волею судеб оказывается на железнодорожном вокзале в Турине. Сердечные итальянцы выдают старику карту города и направление в близлежащую гостиницу. Он прибывает туда, отрекомендовывается: Лев Толстой.

Ему предлагают осмотреть номер, если придется по вкусу, то здесь же, внизу, можно будет заполнить анкету. Лев Толстой подымается на лифте на третий этаж, дверь направо, входит — батюшки светы, большими буквами надпись «БОНАПАРТ». Ну и что, Бонапарт — это прежде всего имя, типа Адольфа или Виссариона. Спать, во всяком случае, можно.

Он спускается вниз и подходит к стойке. А там — сам Наполеон! Он приветствует старца снятием знаменитой треуголки, припрыгивает и бьет антраша.

Паспорт, вуаля, граф Лев Толстой Ясная Поляна, Россия, год рождения, брависсимо, писатель, тре бьен. Граф во вражеском кольце — кругом наполеоны, большие и маленькие, в бронзе и мраморе, в полный рост, по пояс, по грудь. Пронто, беллиσιμο! Не дав старику и очнуться, наполеон подает ему ключ со своим профилем на тяжелом брелоке и ведет за собой по коридору, увешанному гравюрами с его изображением.

Он молча открывает перед старцем дверь, указывает, где сортир и как открывается балкон, — писатели народ рассеянный, могут и перепутать. Жил тут у нас один, лицом желт, нос крючком, лбина выпукла, открыл кран, а закрыть забыл. И не стар был вовсе.

Гению все позволительно, — защитил Гоголя Лев Толстой.

Комната мало чем отличалась от прихожей — те же лица кругом, даже на наволочке. С врагом в обнимку спать! Лев Толстой скинул подушку на пол, сел к столу, опустил перо в наполеонову голову, представлявшую из себя чернильницу, написал размашисто «В когтях у злодея». Точка. Ни слова больше.

Сжевав коржик, припасенный в дорогу, он подумал — сколько не просвещай человечество, оно так и остается беспросветным. Да и сам хорош — стоило ли переться за тридевять земель за столь неутешительным выводом.

Он долго стоял у окна, глядел сверху на фонтан с львиными головами, вода била из их отверстых пастей, а вокруг плавали глупые утки.

Хорошо сейчас в деревне, дождичек кропит, пахнет пряно, а то набегут тучи и хлынет как из ведра... косяя завеса дождя над жнивьем, а там и радуга...

Собрался граф в обратный путь. Но сделался с ним на станции сердечный приступ — и был таков. И все же, если глыба-человечище до последней секунды задавался вопросами, на которых нет ответа, что же нам, хилым умишкам, делать?

41. Ватрехт подозревает Кнобля

Ватрехт перечитал показания фрау доктор. Все врет, но ее все равно оправдают по статье «защита при нападении». Его, Ватрехта, скорее всего, восстановят и, вполне возможно, даже повысят.

А вот с Кристиной дело странное. Она умерла в той больнице, где раньше работала. А работала она в отделении интенсивной терапии. Семь лет тому назад она уволилась по собственному желанию. Где в то время был Кнобль?

Ватрехт навел справки в отделе кадров. Кнобль тогда заведовал тем же отделением. Почему она уволилась? Prestижное для медсестры место, хороший оклад. Стоит прощупать Кнобля.

42. Шахья смотрит с раскладушки на золотую космическую черепаху

Цветут предгорья Альп. Нижние склоны покрыты ковром из тюльпанов, маков, ромашек, колокольчиков, нарциссов, выше цветы еще ярче, сочней, — Луиза с Логосом каждый день приносят с прогулки охапки, вместе с Мартой составляют букеты и разносят по комнатам.

Марта нанялась Берте в помощницы. Встает до рассвета, чистит коровник, приносит парное молоко домой, подымает Луизу, и вместе они едут в школу на автобусе. Из Кройцензее в Хиршензее.

В солнечные дни Шахья лежит на раскладушке у озера, смотрит сквозь соломенную Лизелоттину панаму в небо. Там — золотая космическая черепаха. Ее дети, с телом змеи и головами черепах, лягушек и скорпионов, плавают рядом, в озере, иногда они вылезают из воды погреться. Это те, что прижились в Кройцензее. Те же, что вылупились из золотых яиц, любимые дети космической черепахи, стали спутниками богов. Распоряжаются, насылают сюда то проливные дожди, то трескучие морозы. Этих не видно. Говорят, они разные — белые лошадиномордые, желтые гусиноголовые, красные мышеголовые, голубые с головой ящериц, черные быкоголовые. А тот, кому повезло вылупиться из черного космического яйца, меняет ездовых животных по сезону. Зимой он на черном быке, весной на скорпионе, летом на черной змее, а вот осенью он поселяется на альпийских лугах и никуда не ездит. С ним бы встретиться. Но как узнать его? До осени далеко... Золотая космическая черепаха рассказывает Шахье небылицы. Будто бы по цвету и форме облаков можно определить, какие совершать обряды для предотвращения засухи, мора или гололеда. Какие должны быть облака, чтобы предотвратить тропический ливень? Золотая космическая черепаха в ответ поводит головой и сыплет золотые искры.

43. Эрнэ сравнивает Бернини с Микеланджело

«Работа мускулистого титана, человекобога, коим ощущал себя и сам Микеланджело, произвела на свет “Страш-

ный суд”. В этих фресках ощутима неистовая воля, сотворившая мир, расчленившая аморфную среду на свет и тьму, воду и твердь. Так думал Бернини о Микеланджело.

Тяжелое предгрозовое небо Сикстинской капеллы заполнено тучами аллегорий. Более чем триста фигур свода капеллы нависают над человеком, скорей, скорей, принимай решение, сейчас хлынет потоп. Кружится запрокинутая голова, как не пошатнуться человеку под платоновским небом идеальных сущностей, препарированных и деформированных кистью Микеланджело?

Он любил читать нотации. Внутреннее напряжение не должно ослабевать ни на минуту, апатия приводит к грехопадению. Бернини, раскручивающий свои эллиптические фантазии вверх по спирали, кажется, не понимал, о чем идет речь. Отметая теогонию Микеланджело, он вырывается из замкнутого пространства, размывает контуры вписанных в круг фигур, он легко ломает ритм, кажется, этому баловню природы неведомы борьба и преодоление, — к чему такая серьезность, если все — лишь иллюзия, игра воображения? Иронически скривив губки, взирает Ангел на мучения святой Терезы.

Микеланджело. Одиночество и гордыня. В его стремлении к дидактике — опустошающая завершенность исполненного труда».

44. Логос бьет в бубен

Черно-белая галька. Гладкие камешки, вылизанные допотопными водами. Отточенная игра. Волны переходят на ба-

сы, бьются о белые валуны, отступают дробненько к берегу, шаловливо подпрыгивают пузырчатые гребешки...

Логос к воде не подходит. Смотрит на Шахью издалека. Ждет, пока Эрна его накормит, и тогда они с ней пойдут рисовать. Или рассматривать картинки в альбоме.

Комиксы Дюрера. Танцующий и музицирующий путти. Логос тычет пальчиком в самого себя на рисунке. Щекастый пузан с маленьким члеником дудит в трубу, играет кастаньетами, бьет в бубен, раздувает меха древнего инструмента.

Рирна, ри, Эрна, посмотри! Я! Логос показывает Эрне на трубу, прикладывает, воображаемую, ко рту, надувает щеки.

Эрна нашла в ящике стола губную гармошку, дунула в нее и дала Логосу. Логос тотчас превратился в путти, выставил ногу, повернул голову набок, застучал по гармошке, как по бубну. Скопировав семь поз путти, он перевернул страницу и развалился в позе актера Буше. В допотопном лесу, среди елей и валунов.

45. Брит встречает Рахель в Праге

Все, кто встречался у фонтана в шесть, уже встретились. Осталась девушка, маленькая, светленькая, в зеленом пальтишке. Брит наблюдал за ней сквозь струи бьющей воды.

Неужели это и есть мисс Пап, автор пьесы про Швенка? Брит набрался духу и подошел к ней.

Да, это она. На зеленом пальто большие пуговицы, пришиты черными нитками. Одна пуговица болтается. Брит снял ее с нитки и положил себе в карман. Надо пришить.

Они идут к театру, Рахель говорит:

Знаете, кто деньги на спектакль пожертвовал? Диана, нью-йоркская проститутка. Она была на премьере со своими девочками, говорит, отпад, и билет мне выслала в Прагу. Вот бы Швенк посмеялся!

Они сидят где-то и пьют кофе.

Брит от растерянности насыпал сахару в пустую чашку и ложкой салфетку размешивает.

А пуговицу вы мне к носу пришьете, да?!

Пуговица!

46. Машинка для продевания нитки в иголку

На прилавке кружева, шитье, линейка для измерения. Старик-англичанин в очереди перед ними. Он купил здесь маленькую красненькую машинку для вставления нитки в иголку, пришел домой — не вставляется. Теперь он снова здесь, просит продавщицу, по-английски, показать, как эта машинка работает. А она ему — по-немецки. Старик дрожит, вытирает слезы под очками. Брит взял из рук старика машинку. Что нужно сделать, чтобы нитка сама попала в ушко?

Оказывается, все просто: вставляешь иголку в узкий цилиндр, нажимаешь на маленькую педальку в основании, иголка проскакивает вниз, и в это время нитка влезает ей

в ушко. Самое главное — сперва протянуть нитку, а уже потом вынуть иголку из цилиндра. Но старик спешит вынуть иголку, и из-за этого у него ничего не получается. Брит объяснил старику, в чем дело. Тот понял, кивнул, нажал на педальку, вынул иглу, а нитки в ушке нет. Брит снова показал, старик снова поспешил. Но на десятый раз вышло, и на одиннадцатый, контрольный, вышло.

Вита Нова!

Глаза Рахели в дыму кружев и вышивок.

Брит достает пуговицу из кармана, продевает нитку в иголку, встает перед Рахелью на колени, пришивает. Рахель смеется: так он свою память к ее пальто пришьет!

Пришил.

47. Заменяющий — профессионал широкого спектра

У представителя данной профессии нет места работы, он заменяет всех: мужа, ушедшего в кругосветное плавание, сломанный светофор на перекрестке, диктора радио, потерявшего голос, и т. д.

Он должен знать: имя заменяемого, причину замены.

Пример: преподаватель по теории стихосложения сломал руку. Посему вместо теории стихосложения будет читаться курс «Сопrotивление материалов». Но какое отношение имеет теория стихосложения к сопротивлению материалов? Прямое. Стих — форма. Он формирует материал. Материал сопротивляется. Преодоление сопротивления делает стих упругим.

Чем проще работа, тем незаметней заменяющий. На самом деле, какая разница, кто подметает, моет, чистит — заменяемый или заменяющий?

Заменяющий не может заменить себя. В этом и состоит его незаменимость.

48. От идеи — к пропозлу,
от пропозла — к синопсису

Мультфильм «Замена». Герой, человек средних лет, служит в фирме «Замена». Заменяет всех и вся и в какой-то момент восстает. Он хочет быть самим собой, хочет иметь свое место работы и жизни, свою жену, свою любовницу, своих детей, свое лицо, в конце концов. Но никто его не понимает. Работники фирмы им довольны. Кому нужно свое лицо? Для каких целей? Есть свободное от замены время, вот в нем и будь сам собой. Но кем? Если от каждого, кого он заменял, взять по черточке, выйдет черт-те что и с боку бантик. Придумать что-то оригинальное под силу одному господу Богу. А, вот кем он никогда не был! Господом Богом. И только подумал, Бог призвал его к себе и попросил заменить Его на время отдыха. Велел следить за тем, чтобы не нарушилась регуляция, — вовремя сеять, вовремя пожинать плоды, вовремя любить и вовремя ненавидеть, вовремя мир, вовремя война, — и ни во что не вмешиваться. Ни в коем случае. Если где-то произойдет сбой, Он тотчас вернется и примет надлежащие меры.

Бог ушел. Заменяющему стало не по себе — вдруг после ночи не наступит утро или время пойдет вспять?! Но в этом цикле сбоев не наблюдалось.

Но войны, ураганы, наводнения, взрывы!

Какое, оказывается, мучение наблюдать, когда нельзя вмешаться и предотвратить. Заменяющий от души посочувствовал Заменяемому. Издавший столько умных законов потерял над ними власть. Устал!

Минули все сроки, а Бог не возвращался. Мир раскалился, до земного шара стало невозможно дотронуться. Заменяющий плюнул на запрет Бога, бросился искать жаропожижающие, но не нашел. Вот-вот все расплавится. Что он будет делать один, среди осколков мироздания?

В этот момент вернулся Бог. Отключил все пульта управления. Наслал Потоп для охлаждения земной поверхности. Что ты творишь?! — возопил Заменяющий. Начнем сначала, таково Мое решение. Побродил я по миру — он неисправим. Детей жалко. Кого-то Ему все-таки жалко.

А куда мне теперь? Кого заменять? — спросил заменяющий.

Я тебя назад отправлю, вместе с моим Духом, там зачнешь и родишь богочеловека, — на сей раз учредим одну на всех религию. Одну культуру, один язык на всех.

Ты думаешь, там ничего уже не осталось, совсем ничего? Совсем ничего.

Так зачем же меня в совсем ничего?

Отправляйся, — сказал Бог, — Я создам новые законы. Получишь их вместе с Духом для зачатия.

Так родилась новая жизнь, от Заменяющего и Святого Духа. Человек Без Свойств воцарился на земле.

Перечитал Шабес-гой синопсис и задумался: нести в «Шерутей-сратим»* или предложить им пропозл на местную тему пострижения ногтей в шабат?

49. Опять стричь ногти, но теперь уже на ногах красавицы

Было далеко за полночь, когда ввалился к нему тот самый жирдяй и повелел стричь ногти на ногах красавицы. В их спальне. Не касаясь кровати. То есть стричь без опоры.

Она лежит, по брови укрытая, не велено ей смотреть на Шабес-гоя, — ох уж эти ночные капризы, поди снова в коробочку собирать.

Спальня вся в розовом, занавесочки, розочки, свечи горят, очень романтическая спальня, — только как стричь в полутьме без опоры?

Она все-таки не удержалась, приспустила простыню с глаз. Вот она, подноготная любви! Но на сей раз Шабес-гой на чары не поддался, состриг кое-как ногти, собрал ошметки в коробочку и ушел.

* «Шерутей а-сратим» (*иврит*) — «Киноуслуги» — продюсерское бюро в Израиле.

В темном подъезде он натолкнулся на махонькую старушечку. Уселась на ступеньке, прямо посередине.

Кто ты, бабушка?

Не знаю, у брата моего спроси.

Где родилась, бабушка?

В Румынии.

Дети у тебя есть?

Нету.

Муж?

Нету.

Где ты живешь, бабушка?

Здесь.

Здесь ты случайно оказалась. А где ты живешь?

Не знаю, у брата моего спроси.

Я — это я. Так сказано в паспорте. А если это чужой паспорт? Или чужой я?

50. Золотая космическая черепаха в сумерках подплыла к берегу

Шахья заметил сверкающий островок в озере — солнце свалилось в воду и плывет к нему. Сверкание приближается к берегу, все ближе и ближе. Это не солнце, это она, золотая черепаха! Золотые витые ноги, золотая витая шея в черную крапинку, золотые глаза с черными зрачками, золотой панцирь с черными трещинами. За черепахой следовала вереница хамелеонов с телами змей. Они медленно располза-

лись вокруг раскладушки, на черной гальке черные, на белой — белые, и сливались с камнями, заметить их можно было только по бриллиантовым глазам, сверкающим в полутьме. Один маленький хамелеончик заполз на ладонь, — Шахья поднес ее к глазам, но кроме сверкающих точек ничего не увидел. Золотая космическая черепаха меж тем приблизилась к раскладушке, и Шахья заслонила глаза ладонью. Хамелеончик переполз на лоб.

Из-под прикрытия он смотрел на золотую зыбь озера. Вот бы переправиться на черепахе туда, где взбираются в небо горы, где сторожка егеря, — и там остаться.

Шахья положил руку на мокрый золотой панцирь, черепаха вытянула шею, золотой витой шнур, прислонилась щекой к его груди. Теплая золотая тяжесть. Шахья подумал: может, и ей одиноко в необъятном заоблачном мире, но, скорей всего, ей неведомы земные чувства, и пустота ощущается ею иначе, чем Бернини, о котором писала Эрнэ. В ее странствиях нет отправной точки, она является ниоткуда и уходит в никуда.

51. Зекутаха хочет купить историю Шахьи

Кто здесь? — громко спросил Шахья.

К нам приехал тот человек, который купил историю про отца-не-отца и дочь-не-дочь.

А что он хочет у нас купить?!

Марта погладила Шахью по плечу, поставила перед ним тарелку с супом. Он превратился в маленького ребенка и та-

ким останется навсегда, говорит Эрн. Хорошо хоть ест сам, не надо кормить его из ложечки, как Логоса.

Он хочет купить нашу историю. За огромные деньги.

Космическая черепаха, спаси нас! Продать золотое сияние?

Нет, сияние мы оставим себе, а продадим историю.

Шахья разразился смехом.

Давно пора. Остаться без истории. То, о чем он мечтал. Без истории, налегке он наконец доберется до сторожки егеря.

52. Вернуться туда, где был потоп

Шахье преградил дорогу гигантский скорпион с головой человека. Верно, из черного яйца. Меняет ездовых животных по сезону. Зимой он на черном быке, весной на скорпионе, летом на черной змее... Осенью он поселяется на альпийских лугах и никуда не ездит.

Неужели уже осень?

Весна, — сказал скорпион, — Зекутаха. Из Вирджинии.

Шахья задумался. Он должен был объявиться здесь осенью...

Вы меняете ездовых по сезону?

Зекутаха навел свои сканеры на череп индуса. Лучи прошли сквозь лобные кости, уперлись во что-то твердое. Глаза Зекутахи заволокли слезы. Сквозь линзы, наполненные соленой водой, он едва различил силуэт черепахи.

Вы думаете о черепахе?

Космической, — прибавил Шахья.

Они шагали в ногу по мокрой траве к озеру.

Присядем, — предложил Зекутаха и чуть не сел на Лизелотту.

Нельзя! — закричал Шахья. — Это место занято на ночь!

А не прогуляться ли нам, господин Шахья, до того дома? Погода чудесная... обсудить кое-что по дороге... Я хотел бы купить у вас ваш сюжет, за хорошие деньги, за очень хорошие деньги.

Шахья взглянул на спутника. Перед ним был редкий вид прямоходящего скорпиона. Вылупился пресмыкающимся и не пластается по земле. Скорее всего, не водоплавающий. Слишком тяжелая у него голова.

Тихо плещется рыба в воде, край луны над вечно белой вершиной, белое притягивает белое.

Мы вернемся на место потопа, в Индию. Вы укажете, где был ваш дом...

Рита — Ниррити*. Мы здесь ни во что не можем превратиться. Потому нам суждено погибнуть. После не узнать себя ни в чем. Но и это неизвестно. Огромная, беспредельная неизвестность. И видимость. Озеро. Раскладушка. Старуха. Впрочем, ее видит только он. Она жила здесь раньше. Чтобы прийти сюда, ей пришлось умереть. Он знает, что она это она. Она этого не знает.

* Рита — Ниррити (*др.-инд.*). Рита — упорядоченность; Ниррити — разрушение, распад, смерть.

53. Ватрехт поддавливает Кнобля на оперетте Оффенбаха

Канкан. Алый занавес театра. Вздернутые юбки, закаблученные ножки, тонкие щиколотки в контражуре.

Оперетта Оффенбаха, любимое произведение Кнобля.

Орфей спускается в Царство Мертвых за своей Эвридикой. Но она не желает следовать за ним, у нее шашни со слугой Плутона, плутоватым Аристо. Герр Кнобль подпеваает жиденьким тенором.

Ватрехт в антракте. Добрый вечер, герр Кнобль. Я бы хотел потолковать с вами.

Герр Кнобль не был взят врасплох. Кристина уволилась, поскольку не справлялась с нагрузкой.

Совершенно справедливо, — заметил Ватрехт, — и все же есть факты.

Не хотите ли вы сказать, что это я отравил ее и убил?!

Всего доброго, герр Кнобль.

54. «Кто ест человечину, тот станет очень богатым»

«Ассирийскую книгу снов» относят к седьмому веку до нашей эры. В ней я и вычитал про странное царство. Там женщины выковыривали серу из ушей маленькими ложечками, а бритоголовые мужчины с бородами лопатой пили пиво через соломинку. На кружку натягивали сетку, чтобы пена не подымалась. В этом царстве писали на глиняных табличках

стихи и указы и очень боялись одиночества и смерти. Поэтому знатная княгиня Пуаби из Ура велела похоронить себя вместе со всеми своими украшениями и мебелью. И еще она забрала с собой на тот свет двенадцать лучших музыкантов и шесть стражей с топориками из сплава серебра и золота.

Ты жил тогда? — Луиза скребет ногтями по жесткому Шахьиному подбородку. Он лежит рядом с ней, иначе она не засыпает. Логое засыпает сам. Те сказки, что он рассказывал прежде, не возвращаются, порой пронесется по поверхности реки ступка, но к чему эта ступка, что с ней связано? Про шумеров он вычитал только что, в «Шпигеле». Кто ест человечину, тот станет богатым.

Это хорошо, что ты читаешь «Шпигель», значит, входишь в ум.

Шахья вышел из детской и заглянул в комнату Марты. Пусто. Раз так, она наверху, у Эрны. Ключ от сторожки уже лежал у него в кармане, вместе с фонариком и перочинным ножом. Хлеб и вода в сумке в сенях. Без машины долгий путь.

55. Зекутаха наводит справки у хозяина таверны

Они пили пиво, Зекутаха расспрашивал о том о сем, слово за слово, дошло до дома сумасшедшего убийцы. Там якобы начало и конец, причина и следствие, — от этой печки и надо плясать. Распугать нечисть софитами. Шахья, не к ночи будь помянут, убил доктора и отравил собственную

жену. Остались две девочки-сиротки. Полоумный Логос — скорей всего, Шахын же сын из Индии, всем этим сказкам про спасение ребенка во время потопа у них в Кройцензее не верят. Эрна — добрая душа, он бы ей памятник при жизни поставил. Содержать такую ораву! С другой стороны, от Лизелотты осталась недвижимость в Мюнхене и Вене, так что на Эрнины деньги можно взвод кормить. Нам бы ее богатство!

Вон и убийца идет! — указал хозяин в окно.

Зекутаха обернулся от стойки и узнал в мужской фигуре Шахью.

56. Зекутаха обещает оплатить Шахье свободу

Вас проводить? — Зекутаха положил руку на плечо Шахье, тот вздрогнул и остановился. — Ну что, прогуляемся вместе к тому дому.

Это не по пути, — сказал Шахья.

Небольшой крюк ради больших денег?

Шахья проверил перочинный нож в кармане, вынул из заплечной сумки бутылку и сделал несколько глотков. Там пустыня, темная и душная, там не ждут ни высший суд, ни воздаяние за грехи, а бесконечная мучительная жажда. Главное, чтобы было что пить. Он никого не возьмет с собой. Все уже там. Но, чтобы разыскать их, придется идти долго-долго, нужен запас воды. Он просчитался, приготовив одну бутылку.

Мне нужно много воды, — объяснил он Зекутахе, направляясь в таверну.

Хозяин не понял его. Просто бутылку с водой из-под крана? Он этим не торгует. Есть бутылка минеральной, но за нее надо платить. А просто бутылка?

Шахье не понравился взгляд хозяина.

Пустая бутыль нашлась.

Шахья поблагодарил хозяина и вышел. Скорпион с огромной башкой следовал за ним. Но он его с собой не возьмет. Шахья спустился к озеру, снял ботинки, засучил брючины. Вошел по колено в ледяную воду. От ступней к вискам пробилась режущая мысль вроде как ни о чем. Вода вбулькивалась в отверстие, как он понесет бутыль без пробки? Скорпион наблюдал за ним с берега. Спрятаться в воде. Шахья сделал несколько шагов. Вода укрывает. Лучше пустыни. Нет жары. И лучше переждать здесь.

Вдруг выкатилась луна — мелкие гребешки засверкали, остролистая осока встала серебряными мечами. Шахья еще отпил из озера и обернулся. Никого не было.

Он сел на песок, растер ноги, опять та же режущая мысль, от ступней к вискам, о чем?

И далеко это вы собрались?

Рука нащупала в кармане перочинный ножичек. Вот эта режущая мысль. Нехорошая.

Послушайте, Шахья, мне необходимо с вами поговорить. Не зря же я тащился сюда из Вирджинии!

Откуда?

Из Америки.

Вдоль горы к вершине вилась дорога. Поначалу широкая, по ней он ехал на машине за Эрной, затем, где-то далеко, площадка для разворота, и оттуда — узкая тропинка над пропастью. Он его столкнет.

Шахья, продайте мне историю вашей жизни!

А с чем я останусь?

Пролетела птица, ухая и хлопая огромными крыльями. Шахья присел на валун и отпил еще несколько глотков. Зекутаха примостился рядом, на другом камне.

Поймите, для вас это будет истинным освобождением. Оплаченная свобода. Вот из этого кармана.

И Зекутаха вывернул нагрудный карман.

Вы сможете дать Марте хорошее образование.

А что я должен для этого сделать?

Ровным счетом ничего. Ну что, по рукам?

И Зекутаха выставил руку.

По рукам, — согласился Шахья. Интересная работа, скупать истории жизни, подумал он. Хотя что в них интересно? Довелось ли ему найти хоть одну новую историю, которой никогда не было?

Зекутаха не ожидал от чокнутого индуса вопроса по существу. Пожалуй, этому двуногому имеет смысл довериться.

57. За плечами Зекутахи лежала долгая дорога странствий

Дурная голова ногам покоя не дает, скажете мне вы, индус Шахья. У вашего брата иная ментальность. Перед тем как отправиться в путь, подумай, не там ли ты уже. Правильно я рассуждаю?

Шахья молчал. Гора высоко, а он в низине. Он не там, где должен быть. Шахья поднялся с камня, но Зекутаха властным движением усадил его на место.

Здесьняя природа располагает к размышлениям, а коробочка забита, — Зекутаха постучал кулаком по вспотевшему от переполнения мыслей лбу. — Стену плача, и ту вымывают из брандспойта, знаете, евреи пишут записки Всевышнему, запикивают их в щели между камней, а наутро приезжает маленькая машина с большим шлангом... Мысли перегорают, превращаются в шлаки, в отходы производства сознания. И этой заразы в мире, я вам скажу... — Зекутаха протер лицо салфеткой. — Но самое ужасное не в этом! Самое ужасное, что головы работают как мясорубки, все яркое, все оригинальное они перемалывают в фарш одной консистенции... В говно, простите за выражение. Отсюда и отношения между двуногими. Их можно просчитать без логарифмической линейки. Все сводится к трем пунктам... — Здесь Зекутаха сделал паузу. Подождал, спросит ли его индус про три пункта. Но тот молчал. Кто знает, что у индусов на уме? В башке — мозги, что видно, но с трудом. Темные мозги, под цвет кожи. — Так вот, навидавшись и наслушавшись под завязоч-

ку одного и того же, я решил заключить сам с собой пари на неповторимую историю. Такую, что, проверни ее через мясорубку, просей через самое мелкое сито, выжми ее, как лимон, до последней капли, — она все равно останется единственной и неповторимой. Какой не было, но какая есть, и какой больше никогда не будет на свете. С той минуты, как заключил пари, и по сей день я нахожусь в беспрестанных разъездах по миру. Бесплодных пока.

Это как выжать озеро в бутылку...

Давно не встречал я столь пронизательного собеседника! Вы случаем не видите меня насквозь? — Зекутаха рассмеялся, но тут же умолк под испытующим взглядом индуса. — Выжать озеро в бутылку... Вот пролог к истории!

Шахья нашупал нож в кармане. Пригрозить. Чтоб отстал.

Еще пару слов! — взмолился Зекутаха, пытаясь усадить Шахью на место. Но тот не поддался. — Лишь ваш сюжет даст мне возможность выиграть пари, умоляю! Прежние истории про сеанс психотерапии с неженатым сыном, про отца-не-отца и дочь-не-дочь, про покупку Голгофы — подметки вашей не стоят. На безрыбье, как говорится, и рак рыба.

А скорпион?

И скорпион! На безрыбье все рыба, — закивал Зекутаха, обнял Шахью и заплакал. Неотвратимая скука в пространстве и времени.

Шахье вдруг стало жаль это никчемное существо, которое и ездových-то не умеет менять по сезону. Во рту пересо-

хло. Он расстегнул куртку и верхние пуговицы на рубашке, попил воды из бутылки, стало легче дышать.

В ваших странствиях вы не забредали в Ирак?

Множократно.

Там погибает пять миллионов глиняных табличек. В глубине земли. Раздавленные грузом времени. Купите их! Купите зазоры, щели, трещины, скважины, проломы, пустоты.

Шахья перевел дух. Он еле держался на ногах. Как он дойдет до сторожки егеря?

Человек-руина! Вот что он вспомнил. Он кого-то там убил. Шахья крошился изнутри как глиняная табличка. Из-за этого скорпиона он выпил почти всю воду. Осталось озеро. Но он и озеро выпьет. Жажда, которую он испытывает, не сравнима и с жаждой в пустыне.

Часть четвертая

ЗЕКУТАХА

1. К Шабес-гою приехали родители

По эпилептоидным улицам Иерусалима бродят Шабес-гой с матушкой и батюшкой. Те только диву даются — эва, куда сын залетел, куда парня судьба забросила! Вроде бы параллельная улица, а завела в чужой район — одни черношляпники с кудрями от висков до подбородка, как они их завивают?!

Ты, сынок, что в космосе живешь, — сокрушается матушка. Но когда накупит всего на базаре да поест хорошенько, успокаивается. Не хлебом единым, — талдычит батюшка. Но, приняв изрядно, добреет и смиряется с неухоженным бытом, с подружкой Шабес-гоевой, рыжей разлапистой Лейкой с нижнего этажа, и ее сыном Ноахом, невредным мальцом.

На трезвую голову снова здорово — чужбина, как ни крути, чужбина!

Шабес-гой не спорит. Там бы он на своем месте не выжил, а здесь законно занимает чужое.

2. Невовлеченность

Шопенгауэра купил. Съездил на автобусе в дешевый русский магазин за пельменями, двадцать шекелей кило. Район в мавританском стиле облицован светлым охристым иерусалимским камнем, темны внутренние галереи. У входа в магазин разложил некий старичок книги и альбомы — Мадонна, Диетическое Питание, Камю, Шопенгауэр.

Камю кусается. «Афоризмы житейской мудрости» за бесценок.

«Наше истинное “я” гораздо более обуславливает наше счастье, чем то, что мы имеем и что мы собой представляем. Нашему счастью более способствует веселый нрав. Кто весел, тот всегда имеет причину быть таковым», — прочел по дороге. Посмотрел на пельмени, что-то вспомнил, развеселился.

Родители смотрят Россию по кабелю. Боятся проворонить, мало ли что случится, пока они здесь гостят, там у них посадки, картофель, морковь, огурцы, прошлый год вот такущие кабачки народились... Мы с батюшкой думали, вот бы тебе послать!

Избегать какой бы то ни было аффектации, — предупреждает Шопенгауэр. Аффектация Шабес-гою не присуща. Зарабатывает, живет в центре Иерусалима. Базар в окне. Подруга этажом ниже. Взял со стола журнал «22»*. Сто семьдесят пятая версия о слепоте Ицхака. Герменевтическая дыра. Недостаток информации о важнейших аспектах события. Библейский текст напоминает картины Рембрандта. Это еще куда.

В городе суровых пророков все на полном серьезе. В Тель Авиве, даже если один идешь, улыбаешься. Чувствуешь, что улыбаешься. Музыка на берегу, компании полуголые, шорты, майки — беспечность. Здесь другое. Напластования.

* «22» — иерусалимский литературно-публицистический журнал на русском языке.

Водовороты. Словно бы ты сам себя привлек к ответственности. Ответственные не улыбаются.

Где-то совсем поблизости бурлит жизнь. Еще один шаг — и она распахнется навстречу, но куда шагнуть, в каком направлении?

3. Шабес-гой навещает Лейку

Он спустился на один лестничный пролет. У Лейки сидела Рахель, подруга с армейских времен. Ноах возился с деревянными кубиками, Рахель из Праги привезла. Поехала на спектакль Швенка, а влюбилась в англичанина, гоя. Это становится нахлаотской традицией, заметила Лейка. Ма ие, Лейка, ма ие! Что будет, Лейка, что будет!

Иврит — язык прямых вопросов и прямых ответов. Даже если речь идет о чувствах. Зе мамаш, мамаш! Это что-то, что-то! Можно вообразить, как Рахель с Лейкой обсуждают загадочную Шабес-гоеву душу. Иш зар. Чужой. Аваль ани охевет ото. Но я его люблю.

4. Книга странствий литературного персонажа

Брита доконала итальянская бюрократия. Завещание в силе, но нужно удостовериться в отсутствии наличия прямых родственников.

Глаза переедут в Иерусалим. Скорей бы! В честь сеньоры Керубини в Яд Вашем посадят дерево. Спасала евреев.

Одиночество в Риме не легче одиночества в Лондоне. И все же переносится иначе. Есть о ком думать постоянно. Снова и снова перебирать обстоятельства и моменты. Рахель. Машинка для продевания нитки в иголку.

Все, что до Рахели, невнятно, — это был не он, или это был он, но не здесь, или не он и не здесь... Осколки воспоминаний вонзаются в спрессованный туман, как игла в книгу жизни — здесь главный герой встречается с Лизелоттой, чтобы постичь феномен фашизма через отдельно взятую личность, здесь изучает Амалию, — Брит посмотрел в ее глаза и отвернулся. — Здесь слышит глас Предвечного и на полном серьезе обещает ему выстроить мост для перехода из бытия в небытие — и обратно.

Телефон! Брит схватил трубку, но эта была не Рахель. Мужчина с весьма странным именем назвался «в некоем смысле родственником покойной сеньоры Керубини».

5. Берта видит в небе Спасителя, а ее мужик — Богородицу

Надвигалась гроза, а у Бертиного мужика как раз случился прострел. Как ни стращала Берта коров, как кнутом ни размахивала, а они стоят, где стояли, не мычат, не телятся. Пришлось вызывать на подмогу мужика, тот таким скособоченным тореадором скакал перед коровами: домой, домой!

Грянул гром, блеснула молния. Берта бросилась к дому сумасшедшего убийцы, спряталась в развалины. Дождь отве-

сил первую оплеуху, и полило как из ведра. Сквозь плотную завесу и не разглядеть было, то ли справился мужик с перепуганной скотиной, то ли гоняет ее под дождем. Всех привидений к лешему смочет, — утешала себя Берта, — от всего должна быть польза, иначе что ж! Снова громыхнуло. Пилой полоснуло небо — и, вот те крест, промелькнуло в небе... Себе не сознаться. И никто не поверит. Но она увидела. Господи, Твоя сила, дай мне Знамение, это же ты, Господи, кто туда еще может взобраться... В ответ громыхнуло, разломило тучи, и Он появился из расщелины в белом одеянии. И тут снова бабахнуло, разверзлась вокруг Него тьма, и в кольце света, как в венке, объявились головки ангельские. Кого бы призвать в свидетели... Берта привстала и видит, разрази ее на месте вот этой молнией, — мужик ее сидит на поле, вокруг него коровы присмирившие, и все ввысь глядят, в одну точку. Значит, не одна она увидела... Берта быстренько усеялась на место, вперилась в небо — а там ничего!

Стихал дождь, расчистилось небо на горизонте, желтая полоса света дугой опоясала поле. Кино кончилось, и Берта поплелась к мужику, может, объяснит он ей, глупой бабе, смысл сего Знамения. А тот так и сидит, онемевший, не угодило ли ему молнией в темечко?! Что с тобой, Карл? Карлуша!

Поставила Берта мужика на ноги и повела домой. Коровы послушно двинулись к хлеву.

Вот тебе и Знамение, мужик онемел!

Одела она его во все сухое, усадила за стол, налила шнапсу, ему и себе, пей, Карл, протрезвляйся.

После незнамо какой уж рюмки развязался у него язык, и такое понес! Будто то не Спаситель был, а Богородица. Лучше бы помалкивал. А то что же получается, смотрели на одно, а видели — разное. Кто нам поверит?! Окстись, Карлуша!

б. Все мы дураки у Бога

Нарушаешь, матушка!

Да только разок единственный.

Лжешь, бесстыдная ворожея, уж мне-то известно доподлинно. У цыган набралась, у поганцев блудящих!

Нет, батюшка, я на картах ни-ни, только на кофии.

На кофии?!

Допей, я тебе и укажу.

Ах, бестия, и меня втянуть хочешь?

Нисколько даже, просто интересно, что там у тебя на дне.

И правда, что бы там могло быть?

Ой, батюшка, ты только погляди, какая жуть. Один ты, как столб верстовой.

А ведь это правда, матушка. Как же быть?

Тут-то и закавыка. На советы строгий запрет наложен.

Нет, ты уж скажи, матушка, не оставляй меня.

Я тебе так скажу, не по гуще. Тьму только весельем одолеешь.

Да с чего тут веселиться, матушка?!

Веселье, батюшка ты мой, беспричинно.

Да ведь смех без причины — признак дурачины!
Зачем тебе умным прикидываться, батюшка, мы все дураки у Бога.

Ну и насмешила, матушка! Ха-ха-ха да хи-хи-хи!

7. В поздний час по направлению к Кройцензее шел путник

В редких домах светились окна, и пожилой человек в тирольской шляпе с пером решил постучаться в первую попавшуюся дверь. Откроют — хорошо, не откроют — он дальше пойдет.

Открыли. Бесстрашная бабуля даже не поинтересовалась, кто и по какому делу беспокоит, но спросила путника, уверен ли он в том, что попал по правильному адресу.

Это Кройцензее?

Да, это Кройцензее.

Откуда ей знакомо это лицо с неестественно гладкой, как на барабан натянутой, кожей?

Путник присел на краешек стула, снял фетровую шляпу с пером, прикрыл ею дыру на брючине. Лысая гладкая голова, гладкое, словно бы обтянутое тонким чулком, лицо и рыхлые мешковатые глаза с желтыми склерами и светлыми зрачками. Станный человек, и одет как капуста. На коричневой рубаше серый свитер, на свитере зеленый жилет с единственной пуговицей, болтающейся на нитке, на жилете потертый пиджак в полоску, поверх всего куртка шофер-

ская на заклепках и с косыми молниями. Костюмчик с кройцензейских помоек. Ни один бродяга не пройдет мимо контейнера со старыми шмотками. Перед тем как выкинуть, их аккуратно складывают и кладут стопкой в специальный ящик — сэконд хэнд. Сейчас расскажет бродяга, — все же кого он ей так напоминает? — про свои перипетии, попросит денег на дорогу. Такие здесь часто ходят.

Можно у вас курить? — Не дожидаясь ответа, путник вынул из кармана табак, папиросную бумагу. — Я не просто так сюда пришел, — сказал он и лизнул острым кончиком языка по краю бумаги, — водится за мной нехорошее дело. Мокрое.

Эрна налила ему чай, поставила сахарницу.

Где-то в ваших краях жил мой брат, Йоханнес Брех. Дошли до меня слухи, будто он концы отдал...

Вот кого он ей напоминает! Сумасшедшего убийцу.

Где же вы были все это время?! — крикнула Эрна.

В том-то и дело, я и сам себя спрашиваю, где же я был все это время? К слову сказать, мой брат Йоганнес не убийца.

Кто же тогда убийца?

Убийца — это я, и зовут меня Вильгельм Брех, разрешите представиться. — С этими словами убийца Вильгельм Брех крепко сжал Эрнину руку в своей. — Мне нужен кто-то из местных, кто за меня походатайствует и заручится. Что-то ведь осталось в Кройцензее после брата... Строительство и все такое осилю сам, есть сбережения. Место хорошее, чего ему пропадать.

Так кого же вы убили, если не секрет?

От вас у меня секретов нет. Видно, что вы порядочная женщина. — Он разжал кулак и выпустил Эрнину руку. — Убил я старую рухлядь. Жила за стенкой. Портила климат. Ну я и тяпнул ее ножом кухонным. Брат услышал крик, бросился старушке на помощь, но той была хана. Тут я, надо сказать, трухнул и вызвал полицию. Нет бы сперва от ножа с перчаткой избавиться! Прибыла полиция и арестовала Йоханнеса. А поскольку он был не совсем того, пострадал при родах, срок ему вlepили небольшой. Таким макаром я разом и от старой рухляди, и от брата-придурка освободился. Дай мне волю, я бы весь мусор человеческий с планеты повымел, чище бы стало.

Убийца Вильгельм Брoх загасил сигарету в блюдце, встал, застегнулся на все молнии и пуговицы, поблагодарил Эрну за душевную поддержку. И ушел.

Выждав несколько секунд, Эрнa позвонила в полицию. Ей сказали: спасибо, будут держать в курсе дела.

8. Жена нашла мужа на Голгофе

Сегодня лучше туда не ходить.

Почему?

Закидают камнями.

Неужто и впрямь святые места опасны, — разрыдалась бедная женщина.

Целый год копила она деньги на поиски пропавшего мужа, приехала в Иерусалим. Как добраться до Яффских ворот, ей объяснили сразу, а вот про гостиницу «Империял»

не слышал никто. Шла она и думала: а что, если никакого «Империаля» нет. Зря она волновалась. Стоило войти в Яффские ворота, и она тотчас узнала «Империаля» по открытке, и продавца апельсинового сока узнала. Как будто она здесь жила!

Снимков из «Империаля» Иво ей не присылал. Теперь она понимает, почему. Внутри все было запущено, толстый небритый хозяин дремал за обшарпанной стойкой. Она спросила его, помнит ли он группу поборников мира, что останавливалась здесь год тому назад. С этой группой приезжал ее муж, Иво Ивотич.

Хозяин наслонявил указательный палец с массивным золотым перстнем и принялся листать страницы амбарной книги.

Да, числился. Помнит он его. Дебошир. Все они deboширы, пьянствовали без просыпу. Тараканы, и те разбежались.

Жена Иво опустила голову.

Как дойти до Голгофы? — спросила она, собравшись с духом, и хозяин пометил место на карте крестиком.

Но и по карте она еле нашла Храм Гроба Господня. На пути ее по обе стороны лестницы были железные двери с засовами, перед ними на табуретках сидели мужчины и, перебирая пальцами костяшки четок, пялились на нее из-под сведенных бровей. Может, они видели ее мужа? Но она боялась спросить.

Подкупольную часть Храма держали леса, шел ремонт. В вышине по перекрытиям ходили люди, — что, если и Иво там? Она вернулась ко входу, поднялась по высоким

ступенькам к огромному сверкающему иконостасу. Но где же Голгофа? — спросила она вслух, и монахиня, стоящая на коленях у каких-то камней, сказала — да вот же она! Храм поставлен на месте Голгофы, а это — выступ живой горы. Жена Иво поблагодарила монахиню, и, осмелев, обратилась к ней с вопросом, не знает ли она рабочих, там, под куполом.

Монахиня пожала плечами и посоветовала узнать про рабочих в армянской части.

А как пройти в армянскую часть?

Я вас доведу до лестницы.

Жена Иво не знала, как и благодарить монахиню.

Лестница, ведущая вглубь Храма, была долгой и темной, жена Иво спускалась, нащупывая ступеньки ногами. Наконец тьма расступилась, и она увидела мозаичный пол и крупные, как бы увеличенные фотоспособом иконы.

Около одной из них стоял армянский монах. Жена Иво обратилась к нему с тем же вопросом, о рабочих. Тот, ничего не говоря, пошел вперед, включил свет на лестнице, так что подыматься было совсем не страшно, и вывел женщину из Храма. Рядом была дверь, он постучался в нее, и ему открыл человек в черной сутане. Они поговорили по-армянски, переспросили имя того, кого она ищет. Она назвала. Тот, второй, не понимал по-английски, и первый монах перевел. С чужими непонятно, или они знают что-то, или просто так расспрашивают. Тот, что привел ее, сказал, надо подождать. Пусть она посидит тут, а он пойдет и узнает.

Жена Иво села на ступеньки у Храма. К ней подошел араб с низкими цветных бус. Десять шекелей, десять шекелей! Она боялась достать кошелек из сумки. Никого нет. Схватит, и поминай как звали. Пойти в Храм? Но монах велел ждать здесь. Араб не отстает. Десять шекелей, десять шекелей! И болтает бусами перед самым носом. А, будь что будет! Она достала кошелек, араб с завидной ловкостью выхватил его у нее из рук и был таков.

Обидно, но ничего не поделаешь. Надо ждать. Почему ей велено ждать именно здесь, под палящим солнцем, а не в Храме, где прохладно и безопасно. А что, если на лесах, под куполом, действительно был Иво, и монах испугался, что она хочет отобрать у них работника? Но кто ей сказал, что Иво здесь?

Будь что будет, решила она и ушла в Храм. После солнца глаза с трудом привыкали к полумраку. Она посмотрела вверх, под куполом никого не было. Может, ей показалось, и это были не люди, а рельефы? Нет, это были люди, они двигались. Но с чего она взяла, что одна из движущихся в вышине фигур — Иво? Поднявшись по ступенькам к иконостасу с выступом живой горы, она поставила свечку. Где-то здесь все это случилось с Иво...

Она помолилась, поплакала от души. Говорили ей подружки — куда едешь, зачем? Как она теперь вернется домой — без мужа, без денег, неужто милостыню на паперти просить... Куда она подается без гроша в кармане? Тяжелые мысли одолевали жену Иво.

Ваш муж здесь, — услышала она бархатистый голос монаха из армянской части. — Он сейчас придет.

Жена Иво бросилась монаху в ноги. Никогда никому она в ноги не бросалась. Монах отработанным жестом провел рукой по ее голове.

Она поднялась с колен и увидела перед собой Иво. Он был молодым, таким она встретила его двадцать лет тому назад.

9. Родственник-не-родственник

Битый час Зекутаха растолковывал Бриту историю его родственных отношений с покойной сеньорой Керубини.

Боже сохрани, ему ничего не нужно! И хотя завещание не заверено, он, Зекутаха, ни на секунду не сомневается в его достоверности.

Мой отец был женат на бесплодной сеньоре Керубини. Пришлось ему завести наследника на стороне. И этот наследник — я.

И все-таки она не приходится вам бабушкой.

Правильно. Но она на двадцать лет старше моей матери.

Почему вы не называете ее тетушкой?

По этому кругу они уже прошлись раз десять.

Брит сварил крепкий кофе, для стимула. Зекутаха время от времени тяжело вздыхал. Его утомляли глаза на стенах. Как можно жить под прицелом?!

Это работы Амалии Секбах.

Сексбах! Оно и видно! Потому и все эти глаза выглядят, как... Я бы на твоём месте их снял.

Одна израильянка...

Ни слова про Израиль! — резко перебил его Зекутаха. — Это — герменевтическая дыра. И я в нее угодил. В привокзальном ресторане. Потерял двадцать кило из-за приступов смеха. Ты мне нравишься, — Зекутаха хлопнул Брита по плечу. — А не ударить ли нам по фетуччини? Или равиоли... с пармезаном! — Зекутаха поцеловал пальцы. — Нет страны лучше Италии, поверь мне. Уж я наклонялся, уж я насмотрелся! Так и тянет дернуть тебя за косичку, по-родственному. Только не сердись. Возьмем болонского, пармезану, отметим... зарождение новых родственных связей...

10. Зекутаха предлагает Бриту быть поставщиком катастрофических историй

Брит на каждом шагу отмечал цвета, замирал у каждой вывески, как ребенок, только что научившийся читать. А поскольку в Италии, кроме беломраморных ангелов и фонтанов Бернини, все цветное, то дорога до ресторанчика показалась Зекутахе долгой, как сама жизнь.

Первый бокал выпили не чокаясь. За сеньору Керубини. Плохо без нее. Хоть и прослыл я адыгейцем, не помнящим родства...

Брит накручивал зеленые макароны на вилку, закусывал болонское красными помидорами с зеленым базиликом, —

в состоянии сытости и приятного опьянения следить за ходом мысли новоявленного родственника не удавалось. Хотелось думать о Рахели, представлять ее у фонтана в зеленом пальтишке с большими пуговицами. Воспользовавшись расслабленным состоянием Брита, Зекутаха толкал бизнес. Открыть в квартире продюсерское бюро «Сеньора Керубини и К.», с офисами в Лондоне и Израиле. Ему, Бриту, он даст ставку поставщика катастрофических историй, его израильская подруга может войти с ним в пай. Именно здесь, в доме бабушки Керубини, мы создадим кинопамятник жертвам... Ты сделаешь фильм про Амалию...

А не открыть ли вам свое бюро в другом месте?

Во-первых, это наше бюро, во-вторых, мы так не договаривались.

А как мы договаривались?

Мы делим наследство бабушки поровну.

Она вам не бабушка!

Она жена моего отца! А тебе она никто. Подселился к старушке, поухаживал, получил то, что мне, сыну ее мужа, и не снилось!

Брит вышел из себя и отвесил Зекутахе звонкую оплеуху.

Без рук! — взвизгнул Зекутаха и резко смолк. Набывшись, он вонзил взгляд в лоб липового родственника, но тот был непробиваем. Безмозглая голова, — подумал Зекутаха, — черепушка, покрытая русыми волосами. Но дело, как вскоре выяснилось, было не в этом — Зекутаха утратил способность видеть насквозь.

Он расстроился до слез. Брит вытер зареванное лицо Зекутахи бумажной салфеткой.

Ох, Брит... оставь меня, дай ты мне... поплакать... сначала смех, теперь... слезы. Смех сквозь слезы. Сколько времени? — Зекутаха очнулся и посмотрел на часы. — Официант, счет!

Куда вы?

В Израиль. В эту герменевтическую дыру, ах, как мне хочется плакать...

12. Израильское секьюрити подвергает Брита жесточайшему допросу

Всю дорогу до аэропорта Зекутаха стонал. Он устал летать. Устал сдавать и получать багаж. Устал, устал, устал... Если бы он, Брит, смог выполнить его поручение в Израиле... За деньги, разумеется.

Какое поручение?!

Голгофа, жена поборника мира и Шабес-гой. Соединить в один сюжет. Отдай мне ключ от бабушкиной квартиры — и лети за меня.

Сначала билет, потом ключ. И аванс за работу, — присовокупил Брит.

Чеком?

Наличными, если можно.

Зекутаха достал из кармана пачку зелененьких, поделил ее пополам на глаз.

Получив билет и деньги, Брит отдал Зекутахе ключ.

Чао, Зекутаха!

Чао, Брит!

Израильское секьюрити подвергло его жесточайшему допросу. Везет ли он огнестрельное оружие, брал ли у кого-нибудь подарки, передавал ли кто-нибудь что-нибудь ему в аэропорте, нет ли у него при себе наркотиков, сам ли он паковал свои вещи, где они находились до отъезда в аэропорт, был ли кто-то ни будь в момент, когда он паковал вещи? Но ведь у него нет ни багажа, ни ручной клади! Вот это-то и подозрительно! Брита завели в отдельную комнату, попросили снять одежду и положить ее в синюю пластмассовую лоханку. Брит разделся, его осмотрели со всех сторон, но ни багажа, ни ручной клади на нем не обнаружили. Он, в принципе, готов лететь голым, а в качестве ручной клади он с удовольствием возьмет одежду в пластмассовой лоханке. Так он по крайней мере будет похож на нормального пассажира, который обязательно должен что-то нести. Работники секьюрити на шутку не отреагировали. Они ищут не юмористов, а террористов.

12. Капризы беременной Дианы

Босанова! Шалико пляшет. У него будет сын! Диана, как мы его назовем?

Швенк.

Нет, Диана, мы назовем его Важа.

Швенк!

Капризы беременных. Страсть к картофельным очисткам. Диана, что мы получим на выходе? Мальчик из комбикорма?!

Врач сказал: Шалико, оставьте жену в покое, токсикоз у беременных проходит на четвертом месяце. Уже пятый миновал, но Диана не отступает. Картошку выбрасывает, очистки ест. Утром, днем и вечером. Шалико говорит ей: Диана, твой Швенк ел в лагере картошку вместе с кожурой. А Диана ему: не трогай Швенка! Картошка — это крахмал, от него белье стоит колом и шуршит, ты хочешь такого ребенка? А кожура мягкая, и в ней содержатся все необходимые витамины.

Если не касаться имени и картофельной кожуры — все прекрасно.

Диана прогуливает себя и будущего сына по Брайтон-Бич, не жалуется на то, что Шалико постоянно занят, — миру нужно все больше и больше оружия, а Шалико нужно все больше и больше денег.

Над кроватью в спальне портрет веселого Швенка. Таким должен стать их сын. Как он может стать таким, если у него совершенно другие отец и мать?! Почему, возражает Диана, у вас похожи носы, а у меня с ним похожа улыбка. Посмотри! Диана встает рядом с фотографией и улыбается. Но, Диана, нельзя хотеть того, кто уже был. Это против природы. То, что с ним сделали, это против природы. Теперь мы восстановим справедливость. И начинается: он будет знаменитым актером кабаре, и то, что случилось, больше не повторится. Если ты не прекратишь продавать ору-

жие! Обязательно вставит шпильку. Он бы мог на это ответить — каждый торгует чем может. Кто телом, кто оружием. Нечего из себя строить.

Любо-дорого смотреть на Диану. Портной из мехового магазина в восторге, — видишь, что случается, дорогая моя внученька, когда женщина встает на правильный путь. Из бен-зона — бен-адам! Из проститутки — человек!

13. Эрне не хватает магического «чуть-чуть»

«То, что мы видим, это всего лишь ослепительная игра отражений. Искусству нужны контрасты. Отсюда возглас Тьеполо: “Я видел чудо, черную материю, которая выглядит белой”. У Бассано черный шелк на платье святой Луциллы искрится благодаря множеству рефлексов, источник которых не что иное как фактура самой ткани. Места касаний складок. Свет-иллюзионист. Мастера Возрождения добились гармонии — единства света, цвета и формы. Художники барокко довели это единство до экстатической высоты. Цветность скульптур Бернини, скульптурность живописи Эль-Греко, ослепительный свет его тьмы... Куда после этого?! Вниз по спирали, ближе к правде, дальше от иллюзий. Все, что искали на небесах, найдем на земле. Огромные полотна, современные лица, к ним, то бишь к нам, обращается Христос, списанный с натурщика».

Эрна задумалась о себе. Пожалуй, ей не хватает магического чуть-чуть. Ее разум спешит взять под контроль вдохновение. Целеустремленность мысли и прямолинейность

зрения создают трезвое искусство, а искусство должно пьянить.

14. Марта упрекает Эрну

Пестрая брейгелевская картина — низкорослые люди в цветных одеждах обрабатывают землю, рядом копошатся маленькие дети, подростки носят носилки с рассадой.

Прошлой весной Кристина привезла в Кройцензее рассаду, высадила у веранды флоксы и ирисы, а вокруг старого вяза разбила по заказу Лизелотты клумбу с анютиными глазками. Скоро и они расцветут...

На пороге стояла Марта в коричневом Кристинином платье. Сослепу можно и перепутать.

Почему ты не в школе?

Марта распрямилась и посмотрела на Эрну.

Так почему все-таки?

Я не успеваю.

Учиться?

Да, я не успеваю учиться. Я работаю вместо мамы. Вы держите нас здесь, хотя дома нам было бы в сто раз лучше. Вы это нарочно делаете. Из-за Шахьи. Якобы мы сами с ним не справимся. А на самом деле — вы жить без него не можете! Я-то что, а вот Луиза еще маленькая, и ей приходится целыми днями нянчить Логоса. Скоро и она начнет заикаться. Вы ничего вокруг себя не видите, ничего!

15. Шахья кричит на птиц

Где-то была другая дорога, тогда он шел напрямик, не вокруг горы, не над пропастью. Гладкие белые валуны... Между камней адели, розовели, голубели цветы. Некоторые, заметил он, прорастают из расщелин. Расщелины, трещины... Шахья искал глазами главную трещину, место раскола, то место, где раздвинется земля. Но все поросло яркой травой, — и в этом тоже таилась опасность.

Чем выше, тем круче. А если кончатся валуны и не за что будет ухватиться?

Черная туча. Воронье! Значит, там что-то мертвое.

Шахья остановился и отпил воды из фляжки. Ноги у него дрожали. Столько птиц, и ни одна не взлетает. Шахья набрал полные легкие воздухом и дунул в сторону птиц. Сделал несколько шагов и закричал. Он шел и кричал, но голос его возвращался обратно, не долетал до птиц. Тогда он поднял камень и бросил в птиц. Птицы отпрыгнули, но не поднялись в воздух. Он зачерпнул полную горсть камней и стал кидать куда попало.

Шахья приблизился к птицам. Это были огромные вороны. Еще шаг — и черный шатер с карканьем поднялся в воздух. Вороны взлетели. На земле лежало исклеванное человеческое тело, месиво из крови, мяса и тряпья. Черный шатер снижался прямо над головой Шахьи. Скоро и он станет падалью... Но пока надо спасти этого. Спуститься с горы за помощью. Скажут, Шахья снова убил. Оставить все как есть и уйти в сторожку? Так нельзя,

здесь клюют человека. Но он мертв. Тогда его надо похоронить. Шахья снова бросил горсть камней в птиц, они взмыли, как по команде, и застыли в воздухе. И тут он увидел другую птицу, с огромным крючковатым клювом, больше самой большой вороны. Она летела на пададь, рассекая воздух острыми крыльями.

16. Два конфликта за один вечер

Герр Кнобль и фрау доктор (не смей меня так называть, я — Ванда!) гуляют по гамбургским паркам, любят акkuratную зеленью и бронзовыми героями на высоких поста-ментах. Запланирован ужин в рыбном ресторане с омарами на вертеле, вином и видом на реку. Все хорошо, но Ванду раздражает скульптура человека, стоящего посреди реки. Кнобль предложил поменяться местами. Нет, она хочет сидеть лицом к воде, это умиротворяет. Тогда не обращай внимания на скульптуру. Но я же не могу закрыть глаза. Тогда пересядь. Но я хочу видеть реку.

Первый конфликт за вечер.

С прошлым доктором она тоже конфликтовала по мело-чам.

Принесли омара.

Ну теперь-то ты удовлетворена?

Ванда поводит плечом. Типично польский жест. Она вгрызается мелкими зубками в клешню, всасывает нежный сок, смакует розовое мясо и жеманится. Все-таки ему очень нравятся польские женщины.

Что ты сказала Ватрехту обо мне, — спросил Кнобль, подцепляя на вилку волокнистый кусочек мяса.

Я давно с ним не встречалась.

Врешь!

Кнобль переменился в лице. Как он похож на Вальтера! Резкая смена настроений... На какое-то мгновение оба доктора слились воедино, и Ванда решила больше не пить.

Что произошло? — спросила Ванда, вытирая подбородок салфеткой.

И Кнобль, возможно зря, поведал Ванде о коварных замыслах Ватрехта. Тот под него копает. Сто лет тому назад он, Кнобль, якобы пытался изнасиловать Кристину. А потом, когда началась история с индусом... и она отравилась, он, Кнобль, умышленно не делал того, что требовалось.

А что требовалось? — спросила Ванда и положила руку на плечо доктора.

Замнем для ясности.

Но ты уже сказал «а»...

Медицинская экспертиза возложила на меня вину за смерть Кристины. Оказывается, я намеренно усиливал проникновение яда в уже отравленный организм. И ты, дорогая, тоже виновата. По словам индуса, ты испепеляла бедную жертву ненавистным взглядом.

Я?!

Да, ты. Индус просил меня перевести Кристину в другую палату, подальше от тебя, но я отказался. Идти на поводу психопата-индуса? И это тоже теперь вменяется мне в вину.

Что ж, выпьем за медицину, — расхохоталась Ванда и потянулась за бутылкой, — за Кристину, за вечную женственность! Так что, трахнул ты ее или нет?

Это тебе Ватрехт расскажет. Ты же с ним вась-вась — даже перечень мужниных злодеяний по его просьбе составила. Служил в лагере, измывался над жидами, скупал ихние приметы культа... Как его переклинило от какой-то Ханы Нойманновой...

Казачок-казачок! — раздалось за спиной громкое пение, заиграли гармонь с балалайкой. Русские. Расползлись по миру, как саранча. Ванда их слышать не может. Не слушай, сказал Кнобль.

Не слушай русских, не смотри на скульптуру в реке. Не слишком ли?!

Второй конфликт за вечер.

17. Шабес-гой пишет словами вместо нот

Полька Штрауса. Тим-тирим-тататата — тим-тата-тиримпампампампам. Вальсы Венского леса. Тата-та-тататата, тататата. Ляляляля, ляляляля, ляляля, ля-ля-ля. Тириририям, тириририям, тириририям, татататта, ляляляля... Ой-ойойойойой, ойойойойойой! Ляляляляля ля ляля. Ятататта, ятататтата, атататата, титиририри, тириририи, татмтатмтатмтам татата, ойойойой, ляляляляля! Прямммммммам. То же самое медленно! И снова, с подъемом! Тарампам, тарарампам пам, тарампам, тарарарарам пам пам. Кружимся,

кружимся, не прекращаем кружиться, ни в коем случае не сбавляем темпа. Тарарам-пам, аттарарам-пам! Теперь медленно, лирично, на месте, и снова, тарарам-тарарарам-тарарам-тарарам-пам-пам!

Валторны и щебет птиц, ята-та-та, бум-бум, бум-бум-бум, бум-бум-бум-бум! Родственник-не-родственник, убийца-не-убийца, отец-не-отец и дочь-не-дочь, — всех нас ведет жизнь танцевальным шагом.

18. Любовь в надтреснутом мире

Шехина — божественное присутствие. Сказано в мидраше: «Не мужчина без женщины, и не женщина без мужчины, и не двое без Шехины».

Рахель ждет Брита. А его ждет сюрприз. Сорок работ Амалии, которые он никогда не видел. Статьи о ее выставках — в парижском «Салоне Независимых» и в берлинском Музее Востока. Оказывается, у Амалии была огромная коллекция древнекитайских гравюр. Откуда ей это известно? Это тайна. Вот приедет Брит, тогда и расскажет.

Лейка сомневается — он не пишет и не звонит, с чего бы взял и приехал. Как возразить Лейке? Словами мидраша?

А если выйдет агунот, покинутая жена? — рассуждает вслух Лейка. — Любовь за границей где начинается, там и кончается.

Мир был создан прекрасным, — стоит на своем Рахель, — и при этом хрупким, вот он и треснул под напором Божественного света. В каждом из нас есть трещина. Заграница —

это большая трещина. В нее вполне могла провалиться любовь.

Они сидят в издательстве литературы по иудаизму, обе в беретах и длинных юбках, вычитывают сборник популярных мидрашей. «Некая матрона спрашивала рабби Яакова бен Халафата: “За сколько дней Святой, благословен Он, сотворил мир?” Отвечал он: за шесть, как сказано: “За шесть дней сотворил Господь небо и землю”. Она сказала: “А чем же он занимался с тех пор?” Отвечал он: “С тех пор Святой, благословен Он, сидит и сочetaет пары: дочь такого-то то человека — с этим мужчиной...”»

Дочь такого-то человека с этим мужчиной... — бормочет про себя Рахель и подымает глаза от рукописи. Сквозь зарешеченное окно издательской комнаты она видит Брита.

Лейка, по-моему, у меня глюки, взгляни в окно, там кто-то есть?

19. Зекутаха выслушивает объяснение психоаналитика

Выброшенные деньги, англичанин гадит, вот и сбил спонтальку, как можно было доверить горящий сюжет мыльному пузырю? Это ж мог выйти целый сериал про страсти-мордасти в эпицентре духовности! Не получив от Брита ни слова о развитии истории, Зекутаха вылетел в Израиль. История — это непропеченное тесто, — думал Зекутаха, поедая бисквит в самолете, — но и в сыром тесте нет-нет да и наткнешься на изюминку.

Пока жена копит деньги на поиски мужа, принесшего себя в жертву во имя любви и человечества, сей муж принимает постриг и уходит в монахи. И все это — на Святой Земле! Христиане Голландии вывернут карманы. Хор в сотню человек исполнит псалом «Святой Иерусалим». Детки на первом плане, беленькие, хорошенькие, — зал на тысячу мест, каждый билет 100 долларов.

В «Империале» Зекутаха навел справки про жену Иво и двинулся по направлению к Голгофе. В Храме Гроба Господня он по наводке монахини спустился в армянскую часть, где чернобородый священник бархатным голосом поведал ему о том, что Иво Ивотич жив, к нему приехала супруга, оба расположились в Армянском подворье, там, где находится музей армянского геноцида. Музей в плачевном состоянии, нет денег на реставрацию. Зекутаха намек понял и не поскупился. В награду за полученную информацию он отстегнул на музей приличную сумму.

Зекутаха аж прослезился от радости. Хорошо-то как все складывается!

Продолжая плакать счастливыми слезами, он позвонил психоаналитику в Вирджинию и сказал, что у него все хорошо. И приступы смеха прошли, и насквозь вот уже четыре дня как не видит. Психоаналитик похвалил за успехи и велел на всякий пожарный сдать анализ на слезы радости. Зачем? Чтобы знать, какого они характера — аллергического или инфекционного. Чтобы не запустить болезнь, как это случилось тогда, с приступами смеха. Но где мог он за-

разиться слезами радости? Где угодно, успокоил он Зекутаху. Перезвоните, как получите результат анализа. Чао!

Но где можно сдать такой анализ? И тут Зекутаху осенило — Стена Плача! Это же и есть центральная лаборатория! Радости его не было границ. А уж когда увидел Зекутаху знакомую сердцу картину — мужчин, бьющихся головами о Стену Плача, слезы полились ручьем. Он подставил салфетку, и она тотчас набухла от влаги. Зекутаху отжал ее и вложил в узкую щель между камнями. «Анализ сдан, не забыть прийти за ответом», — записал он в ежедневник.

Эсер шекель, эсер шекель! — раздалось над самым его ухом. Он поднял голову и увидел арапчонка с низкими бус.

Пошел отсюда! — рассердился Зекутаху. Но тот не отступал ни на шаг. Ведь не отвяжется, пока не дашь, — подумал Зекутаху и полез в карман за бумажником. Карман был пуст.

20. Иво дает жене развод

Меж тем Иво поведал жене свою историю. Он принял постриг, живет при монастыре и исполняет все, что велит ему духовный отец. Сначала он устроился при монастыре Иоанна Предтечи неподалеку от Иерусалима, а когда потребовались люди на реконструкцию подкупольной части, он перебрался в Старый город. Чтобы не ходить туда-сюда пятнадцать километров.

А как же я? — вопрошала жена.

Я дам тебе развод. Прости и прощай!

21. Зекутаха-искуситель

Увидев искусителя, Иво остолбенел. Духовный отец наложил запрет на общение с этой дьявольской тварью.

Искуситель меж тем плакал.

Люди добрые, христиане правоверные, помогите! Обокрали меня мусульмане. Обчистили до копейки.

И меня, — сказала теперь уже жена-не-жена.

Иво молча ввел обокраденных в Храм. Если и Зекутахин кошелек не найдется, надо будет скинуться всем приходом. Помощь запретом не облагается. Общаться нельзя, но Иво и не общается, идет впереди, на почтительном расстоянии.

Жена-не-жена тоже молчит. О чем тут говорить? Как вернется она одна в страну, какой загс разведет ее с мужем вне его присутствия, за что ей такое унижение?

22. Эрна уснула в таверне

Люблю я наше Кройцензее, честное слово, люблю! Если телевизор не смотреть и газеты не читать, так подумаешь, повсюду мир и покой. На земле таких мест, как наше, по пальцам перечесть. Но в тишине и покое иной раз такие мысли заводятся... Особо, не про вас будь сказано, у дамского пола. Моя как наслушается Берту, так на ночь во все углы заглянет. Кого она там ищет?

Эрна думала о Марте, о том, что она права, пора смириться с одиночеством.

Хозяин думал об Эрне. Укатало ее семейство, вот и к рюмочке стала прикладываться.

Он посмотрел в окно: кто-то идет сюда, но далеко, не пора еще к дверям выходить.

Эрна уснула. Приснился ей седой опустившийся человек и собака колли с грустными глазами. На одной лапе, на самой подушечке, черная щетина. Ей же наступать больно! Хозяин собаки обреченно кивает. Посмотрите, — раздвигает он собачью шерсть, а там омертвевшее, бурое мясо.

Ну хватит, хватит, — сказала она себе и открыла глаза. Перед ней стоял Шахья, на лице и рубашке кровь.

Хорошо, я его заметил, — сказал хозяин.

Сядь, Шахья, скажи, кто тебя...

Там, надо туда... пока все не склюют, — бормотал возбужденно Шахья.

Хозяин принес кувшин минеральной воды со льдом, Шахья пил стакан за стаканом, достал со дна лед и приложил его ко лбу. Эрна гладила его по руке, выпачканной кровью, гладила по плечу и курчавым седым волосам. Поцеловала его ладонь. Шахья, родной мой, скажи, что случилось! Она смочила носовой платок водой из графина, протерла около губ, но кровь впиталась в щетину.

Там, по дороге в сторожку, мертвый... Его клюют черные птицы. И еще одна, очень большая.

Как он выглядит, можешь его описать?

Шахья покачал головой. Она не понимает. Думает — лежит целый человек.

Эрна вызвала полицию. При виде полицейских Шахья забился в угол, заслонился вышитой подушкой.

Разве можно ему верить, — вздохнул хозяин, — он и лося за человека примет.

23. Шахья стреляет из револьвера Ватрехта

Ты помнишь место? — спросила Эрна.

Шахья опустил голову. Будто бы у него украли его историю. Не купили, по соглашению, а украли. Он думал похоронить человека как человека. Без полиции. С этим и шел к Эрне.

А теперь тут Ватрехт. И еще двое ментов.

Шахья, ты ведь помнишь Ватрехта? Шахья сжался. Только что она целовала ему руку. Она, которая знает, как заполнять пустоту.

Машина домчалась до площадки, где разворачиваются, чтобы ехать обратно. Двое полицейских остались в машине. Теперь дело за Шахьей — указать место.

Здесь он искал главную трещину. Вот цветы в расщелине. Здесь он остановился, представляя себе потоп. Здесь он подумал, что же будет, если кончатся валуны и не обо что будет опереться. Здесь пил воду. Здесь он испугался, что не дойдет... Они! — крикнул Шахья, — там!

Ватрехт выстрелил в воздух. Эхо вернуло выстрел. Точно как тогда, — Шахья крикнул и его крик к нему же и вернулся.

Птицы разлетелись. Выстрел сильнее крика.

Это он, — сказала Эрна.

Кто? — спросил Шахья.

Это его куртка, шоферская, на заклепках с косыми молниями.

Ватрехт сказал что-то себе в руку. Рука ответила чужим голосом. Почему они его не хоронят? Скорей, пока не прилетела та птица!

Все отступили от растерзанного тела. Шахья с места не сдвинулся. Он должен сторожить мертвеца от птиц, — если они прилетят, он, Шахья, выстрелит в воздух.

Ватрехт что-то писал. Почему он пишет, когда надо хоронить? Черные птицы уже совсем близко.

Шахья выхватил из кармана полицейского револьвер и выстрелил. Он и сам не понял, как это случилось. Эрна побелела и упала. Никакой крови. И птицы исчезли. Что он сделал?

Она на него не смотрит. Полицейский с чем-то вонючим в руке, Эрна открывает глаза. Она видит его, узнает его. Это я, Эрна, я выстрелил. Оттуда летели птицы...

Подожли полицейские с носилками. Шахья видел, как они перекладывали части человека с земли на простыню. Поле после битвы. Курганы мертвецов, все камни мертвецы... Большое кладбище и много цветов. Они растут на камнях, как волосы на мертвецах. Чтобы не смотреть на это, Шахья спустился вниз, сел на белый высокий валун. Когда-то он хотел кого-то убить, у него был револьвер... И вот он взял и выстрелил. Чтобы распугать птиц. Эта мысль не давала ему покоя.

Все друг друга знают и вмешиваются. Ты никому не нужен, живи хоть сдохлым козлом.

А что, если зимой жить в Израиле, а летом в Германии?

С этой мысли ее сбил телефонный звонок какого-то герр Кнобля.

Чем могу быть полезна, герр Кнобль? Разумеется, вам лучше было бы обратиться в клинику. Но раз острый случай, я, конечно, приму вас у себя.

Герр Кнобль не способен справиться с острым приступом истерии, который впервые случился у его дамы, и именно в Гамбурге. Вот мерзкий город.

25. Кнобль привозит Ванду на консультацию

Агнес едва успела смыть с себя маску и положить увлажняющий крем на чистую кожу — и они прибыли. Дама в черных шелках ринулась в ванную. Агнес даже не успела предупредить, каким полотенцем пользоваться.

Она пьяна, — сказала Агнес. — Я не смотрю людей в состоянии алкогольного опьянения.

Они точно где-то встречались, она помнит его подбородок, раздвоенный как копыто. Физиогномические особенности не проходят мимо ее цепкого, натренированного профессией взгляда. Сильный мужчина.

У Ванды тяжелый анамнез. Ее муж скончался в моем отделении. Он был нацистом. Она ударила его... в целях самообороны. Я вывез ее, чтобы как-то отвлечь... Выраженный суицид.

Так что же нас беспокоит? — спросила Агнес Ванду.

Нас беспокоит несколько моментов, — сказала Ванда. — Кто кого изнасиловал, кто кого отравил, кто кого убил. Пожалуй, все эти три момента нас и беспокоят.

Агнес объяснила, что она не криминальная полиция и не суд, если ее, Ванду, беспокоит что-то из той области, в которой она, Агнес, специалист...

И в какой же области вы специалист?

Агнес объяснила.

Нет, у меня нет тревог и дурных сновидений. Разве что этот убийца, которого немедленно надо засадить за решетку.

Кнобль подмигнул Агнес. Навязчивая идея в навязчивой форме.

Если даже все, что вы сказали, правда, хотя я знаю герр Кнобля только с хорошей стороны...

Это с какой же?

Ванда!

...то я бы не советовала каждому встречному говорить то, что вы только что сказали мне. Вас могут осудить за клевету.

А если правда?

Побудьте тут, — велела Агнес Ванде и попросила Кнобля проследовать за ней в кабинет.

Это агрессивный бред, она нуждается в госпитализации, — сказала Агнес Кноблю.

Вы совершенно правы, только напишите это на бланке и поставьте печать. — Кнобль вынул из портфеля чековую книжку. За все надо расплачиваться.

26. Кто из нас не дрянь?

В машине Ванда положила голову ему на плечо. Кнобль, давай мириться.

А, испугалась! Забыла, что выделявала в ресторане?

Но я тебя все равно люблю.

Ты дрянь, Ванда.

Кто из нас не дрянь? Мы просто попали в зону, где скапливаются шлаки. Так мне сказал один тип, который путешествует по миру и скупает разные истории.

Твою купил?

Нет пока.

Так чего же он ждет?

Прояснения сюжета.

Что же за сюжет такой?

Шахья спасся из потопа и попал в преисподнюю. А там вся наша компания, с тобой во главе. То — предводитель преисподней.

И сколько такая дрянь стоит?

Хочешь подзаработать?

Не прочь. Но делиться на всех не согласен.

Это уж ты с ним сам договаривайся.

27. Логос наведет порядок в здешнем царстве

Логос спрятался от Луизы в домике на краю поля. Настоящий домик. На столе приемник. Но в нем нет музыки. Зато настоящие очки. Логос посмотрел в стекла. Все малень-

кое и кривое. Лег на кровать. Сел за стол. Здесь его никто не найдет. Это будет его дом. Его поле и его лес. Его стада. Все будет его. Он будет царь здесь. Он будет издавать указы и читать их вот в этих очках. Народ он нарисует. Нарисованный народ будет ему подчиняться. Кто не подчинится — будет изорван в клочья и брошен на поругание коровам. Он наведет порядок в здешнем царстве. Верховным судьей назначит Шахью. Здешние люди считают Шахью дураком. Они еще пожалеют об этом. Когда он станет верховным судьей.

28. Зекутаха допытывается про оптические нарушения

Анализ выявил инфекционный микроб СР. Слезы Радости в момент «оптических нарушений». Психолог попросил Зекутаху вспомнить, при каких обстоятельствах, в чьем присутствии произошла первая атака СР. Зекутаха забыл напрочь, к тому же приступы уже прекратились. Но микроб-то в вас сидит! Кажется, это случилось в итальянском ресторане. Снова в ресторане? Надо же ему, холостяку, где-то питаться! С кем вы были? С Бритом. Замечательно! Попробуйте связаться с ним, не откладывая в долгий ящик. Узнайте про «оптические нарушения». Но при чем тут СР?! Психолог убедительно попросил Зекутаху не влезать в область подсознательного, ни своего, ни чужого, и принять на веру постулат о примате косвенных причин над прямыми.

29. Встреча в кафе на улице Бен-Йегуда

Стоило Зекутахе увидеть Брита, за маленьким круглым столиком под большим желтым зонтом, и слезы радости застели глаза. Притом, что он был зол на Брита. Постулат о примате косвенных причин над прямыми.

Англичанин был надежно счастлив и непроницаем для Зекутахиных слез.

Будет рыдать из-за какого-то Иво, который развелся с женой и ушел в монахи. Тщетны все наши усилия — склеить треснутый сосуд под силу одному Всевышнему.

Я пришел не за этим. Ответь мне прямо на вопрос: были у тебя нарушения оптического порядка или нет?

Были! Видел все черно-белым.

А сейчас?

Сейчас — нет. Могу описать тебе все цвета.

Нет, лучше опиши мне, как это случилось, что ты видел все черно-белым.

Мистер Зекутаха, вы когда-нибудь были влюблены?

Зекутаха погрузился в воспоминания. Он сосал из трубочки апельсиновый сок, слезы падали в стакан. То, о чем, спросил его Брит, было так давно, что Зекутахе пришлось допить весь сок и наплакать полстакана слез.

А я влюблен, господин Зекутаха, и спешу. Рахель уже повязала желтый передник, моет красные помидоры...

Мне нужен тот, который написал пропозл про Заменяющего.

Это Шабес-гой, приятель Рахель!

Договорись о встрече. Сегодня же! Учти, ты мне дорого обходишься! Из-за тебя я потерял бумажник!

30. Родители умоляют Шабес-гоя уехать из Израиля

«Музей Катастрофы в Хиросиме построен рядом с мемориальным центром жертв ядерной бомбардировки... Председатель Кнессета Шевах Вайс, посетивший недавно японский музей Катастрофы, высказался против такого соседства. Профессор Вайс подчеркнул, что недопустимо сажать на одну и ту же скамью подсудимых Соединенные Штаты, освободившие мир от рабства, и Германию, ответственную за преступления против человечества. По мнению Вайса, музей Катастрофы должен быть основан в Токио».

В израильских автобусах громко говорит радио. Хорошо тем, кто не понимает. Но Шабес-гой понимает. Только что террорист убил десять пассажиров в автобусе номер 18, меж тем Израиль держит курс на мирные переговоры, а Шевах Вайс диктует японцам, где строить музей. А не построить ли музей Хиросимы в Хевроне? А что, если все музеи Катастрофы слить в один? Или, наоборот, в каждом городе построить свой? В таком случае, Хиросима, считай, уже отстрелялась. А как обстоит дела на бывшей родине? Где найти спонсора на миллионы погибших? С какого города начинать? Строить по зонам?

Шабес-гой сошел у базара. Народ, полиция, следы крови на асфальте, осколки. Ну да, это только что случилось. Спросил у продавца, поймали террориста или нет. Вроде

нет. Поймают, — сказал Шабес-гой и купил картошку. Аппетит от таких дел не пропадает.

Ехал бы ты отсюда, сынок, евреи с арабами вечно драться будут, что тебе, русскому... Ой, тебе по-иностранному звонили!

Кто?

Да разве их поймешь!

Я бы понял. На то я и иностранец.

Да какой из тебя иностранец!

Самый что ни на есть. У иностранца нет ничего своего.

Корни его не там, где он сам.

И где ж они, по-твоему?! Ноах — и тот не твой.

31. Шабес-гой дарит свой рассказ Соломону Киту

Только не стать своим. Ни в коем случае не абсорбироваться. Быть инородным телом, соринкой в глазу, шилом в мешке. Друг его уехал в Германию, захотел жить как все немцы, — застрелился. Русские, евреи по крови, здесь из окон выпрыгивают. Или возвращаются, сводят счеты с жизнью на Родине. Расплата за безумные поиски. Поиски собственного места. Недавно в русскоязычной прессе он наткнулся на статью под названием «Поисковая активность». Поиск как главный стимул. Энергия этого увлекательного дела. Сверхзадача, суперидея, стрелы в солнце, человек на луне. Если крысу лишить поисковой активности, то есть поднести ей харч на блюдечке с голубой каемочкой, она разленится и рано сдохнет. Но если чинить препятствия к получению

харча, крыса будет находиться в постоянном творческом поиске, долго будет сохранять бойцовские качества.

Что скажешь на это, Соломон Кит!

Ничего. Его дело маленькое — поставить заплатку так, чтоб никто не заметил, чтоб пришел бедняк с дыркой на штанине, а ушел без.

В тесной мастерской на улице Гилель сидит старичок из украинского местечка, ницолей шоа, жертва катастрофы, — вокруг него чужая одежда, в основном обноски, которые, чтоб я так жил, будут выглядеть как новые. Соломон Кит строчит на ножной машине, смотрит из-под спущенных на нос очков то на клиента, то на шовчик. Ну, что я вам сказал? Эта дырка останется между нами.

Шабес-гой подарил Соломону Киту свой рассказ. Про еврея из сапожной мастерской. Как к нему приходит клиентка, женщина, в которую он был влюблен много лет тому назад и на которой хотел жениться. Ей нужно срочно отремонтировать ботинки мужа.

Рассказ Соломон Кит так и не прочел. Некогда. Гоголь поступил хитрей — усадил двух старушек и прочел им вслух «Вечера на хуторе близ Диканьки». Но он — не Гоголь, и две старушки — не Соломон Кит.

Хамсин*. Огромный пылесос выдувает из себя всю пыль, что всосал, пылесосая пустыню. Та взвывает к небу горячий

* Хамсин — горячий ветер со взвесью мелкого песка, периодически дующий из пустыни.

песок, ветер дробит его в серую пыль. Так, наверное, и замело Шумерское царство.

32. Магнитофонная запись рассказа внучатого племянника Амалии

«Началась война в Испании. Граждане Германии имели право вернуться на родину. Так мы оказались во Франкфурте, в доме у Амалии, сестры моего отца. Там мы прожили два года. Это был большой дом с огромной гостиной и множеством картин на стенах. Не помню, где была кухня, обедали мы в гостиной. Мне тогда было пятнадцать, а сейчас семьдесят два, многие детали успели выветриться из памяти. Амалия постоянно мяла в руках глину. Она лепила маленькие портреты и сдавала их на отливку. Амалия была эгоцентрична. Как все художники, она искала признания. Когда она его получала, была на седьмом небе, повторяла, что сказал такой-то, а что такой-то. Она была самоучкой. Рисовать и лепить начала после смерти мужа, в 20-х годах. Муж был преуспевающим архитектором. Здесь я бы сделал одно замечание. Амалия не хотела знать с перспективой. Я же в Испании учился рисовать, и, как надлежит самоуверенному юнцу, указал Амалии на этот недостаток. Амалия скривила губы. Зачем ей знать законы линейной перспективы?! Безвременье не имеет перспективы.

Пришел сороковой год. Нас с отцом выгнали с фабрики. Среди друзей Амалии был консул Колумбии, еврей. Она об-

ратилась к нему с просьбой о предоставлении всей нашей семье визы в Колумбию. Для себя она визы не просила. Почему? Не понимала, что происходит. Мы, в Испании, были куда лучше информированы о том, что делается в Германии. Мы уговаривали всех бежать, но нам мало кто верил. В том числе и Амалия. Ни ее жизнь, ни ее искусство не имели перспективы. Можно сказать, она была человеком чрезвычайно цельным.

Амалия рисовала на бумаге, не прошедшей окончательную обработку, ей нужны были шероховатые листы, по которым перо не скользит, а со скрипом перебирается по уступам. Это было священнодействие, в котором бумага являлась активным преобразующим началом. Амалия, как мне кажется, не была мистиком в философском смысле, ее не занимали эзотерические экскурсии, но восприятие ею искусства и жизни в то время, когда то и другое лишилось всяческой перспективы, — можно назвать мистическим».

Магнитофон затрещал, послышался визг ребенка.

Это малышка свалилась.

Где?

В гостинице, где мы разговаривали с Арнальдо.

Он приезжал?

А ты думаешь, я летала в Колумбию? Он был в Иерусалиме и пригласил меня на ужин. У него недавно умерла жена, и он так тоскует! Поставил ее фотографию на столике перед свечой. Заказал еду, которую она любила, вино, которое она любила...

Брит закрыл глаза и притянул Рахель к себе. Такого жара он никогда не испытывал. Хамсин. Пунктиры света пробиваются сквозь опущенные шторы.

Любовь в стране без возврата.

33. Речь Шабес-гоя на вручении ему Нобелевской премии по литературе

Господа, мне выпала огромная честь стать лауреатом Нобелевской премии в области не только не изданной, но и не написанной литературы.

Я всегда сочинял в уме. Мои родители обращались за советом к знаменитым писателям. А те говорили: литература беспощадна, чтобы написать — надо писать. Так что же ты не пишешь, сынок! — переживали они. — Тома сочинений, и ни одного на бумаге!

Но, как дети не являются доказательством любви родителей, так и книги не являются доказательством любви к литературе. Я продолжал сочинять. Не скрою, порой меня охватывало отчаянье. Мои сочинения обречены на смерть вместе со мной, их не оценят ни современники, ни потомки.

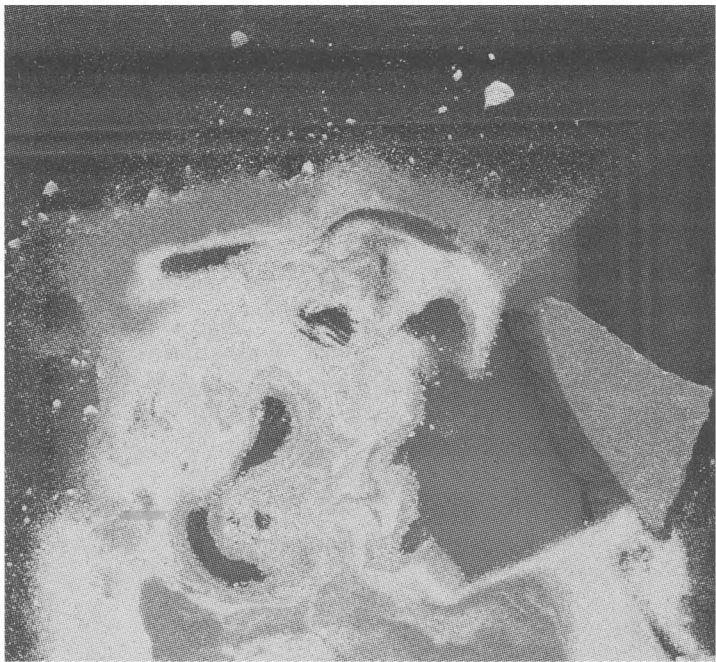
Признание моих заслуг — это, в первую очередь, признание творчества, не закованного в кандалы материи. Жизнь и есть литература не-сущая, то есть не оформленная знаками при письме.

Классики занимались тем, что перерабатывали шумы жизни в романы. Стоило им обратить взгляд на пешехода

в конусообразном пальто и сравнить его со слоном на шахматной доске, как последний тотчас превращался в литературного героя, скажем, в главу дублинской лиги по борьбе с курением. Войдя в присутствие, он первым делом отворял окна настежь, чтобы впустить в помещение свежий воздух; мечтая о невесте, поводил носом, завидев симпатичную девушку, обнюхивал ее, вызывая в последней недоумение и страх. Наигравшись вдоволь, писатель уходил в сторону, предоставляя вымышленным героям свободу действия.

Но все приедается со временем. Писатель устал писать, а читатель читать. Перед нами встает вопрос — действительно ли сочинительство нуждается в запечатлении и тиражировании?

Моя новая ненаписанная книга — об испытании славой. Я напишу ее вилами по воде и посвящу своим дорогим родителям.

Часть пятая

ШАБЕС-ГОЙ

1. Шабес-гой поселяется в гоголевском «Риме».

Рассвет. Кровавит небо. В темных выемках арок, внутри самодовольной каменной кастрюли с отбитым краем шныряют по беломраморным цилиндрам разноцветные кошки. Оплот былого могущества — Колизей!

Шабес-гой постелил куртку на булыжники, уселся и раскрыл книгу.

Он открывал Гоголя, подобно тому, как Гоголь открывал для себя Рим. «...самой ветхостью и разрушением своим он грозно владычествует ныне в мире: эти величавые архитектурные чуда остались как призраки, чтобы покинуть Европу в ее китайской мелочной роскоши, в игрушечном раздроблении мысли.

«...в самих развалинах и великолепной бедности Рима не было того томительного, проникающего чувства, которым объемлется невольно человек, созерцающий памятники заживо умирающей нации. Тут противоположное чувство: тут ясное, торжественное спокойство. И всякий раз, соображая все это, князь предавался невольно размышлениям и стал подозревать какое-то таинственное значение в слове “вечный Рим”».

Шабес-гой — Князь. Разве что он прибыл сюда не из Парижа, а из Иерусалима. А вышло так. Заикнулся он ночью Лейке о своей мечте — с томиком Гоголя пройтись по Риму; утром является к ним Брит с ключом от римской квартиры. Второй ключ, пояснил Брит, находится у дальнего родственника. С обстановкой там негусто... Да на что ему, Ша-

бес-гою, обстановка! Он привык жить где попало, временно занимать чье-то место. Занимать чье-то место в Риме — это ему и не снилось. Сел Шабес-гой в самолет — и вот он здесь, в книге под названием «Рим».

...Он останавливался буквально на каждом шагу. Ему нравились эти беспрерывные внезапности и неожиданности, «когда вдруг среди ничтожного переулка возносился перед ним дворец, дышавший строгим, сумрачным величием. Или как вдруг неожиданно вместе с небольшой площадью выглядывал картинный фонтан, обрызгивающий себя самого и свои обезображенные мхом гранитные ступени. Или как темная грязная улица оканчивалась неожиданно играющей архитектурной декорацией Бернини, или летящим кверху обелиском, или церковью и монастырской стеною...

Чем более он всматривался, тем более поражала его сия необыкновенная плодотворность века, и он невольно восклицал: “Когда и как успели они это наделать!” Эта великолепная сторона Рима как будто бы росла перед ним ежедневно. Галереи и галереи, и конца им нет... И там, и в той церкви, хранится какое-нибудь чудо кисти. И там, на дряхлеющей стене, еще дивит готовый исчезнуть фреск. И там, на вознесенных мраморах и столпах, набранных из древних языческих храмов, блещет неувядаемой кистью плафон. Как полно было у него всякий раз на душе, когда он возвращался домой...»

Тоголь так точно описал то, что видел и чувствовал Шабес-гой, что ради перепроверки текста и лететь в Рим не

стоило. С другой стороны, как не использовать шанс, бесплатно предоставленный ему судьбой!

Квартира, в которой поселился Шабес-гой, не подходила ни под одно гоголевское описание — голые стены с глазами, пыль в углах да паутина на потолке. Римского в ней было лишь одно — соседство со знаменитой виллой Боргезе.

Спал Шабес-гой на матрасе, который приволок с дворовой помойки, под голову подкладывал ту же куртку. Выпив красного вина, он читал и перечитывал Гоголя. Вместе с князем он примирялся с разрушением их общего отечества, вместе с ним «зрелись» ему во всем зародыши вечной жизни, вечно лучшего будущего, которое «вечно готовит миру его вечный творец».

Но в минуты уныния таяла его вера в зародыш вечной жизни на руинах отечества, и тогда Шабес-гой пил водку — красным вином уныния не заглушить.

2. Шабес-гой попадает впросак

Выпив горькую и вообразив себя князем, он мечтал увидеть ту красавицу, из-за которой и было затеяно все предприятие. Красавицу, чье лицо, по словам Гоголя, озарялось сверкающим смехом.

«Разве великолепный храм строит архитектор в тесном переулке? Нет, я должен ее видеть непременно».

Шабес-гой, пошатываясь, вышел из темной подворотни и замер. Вот она, моя красавица! Открытые уста с чудными рядами зубов. Блеск молнии, а не женщина. И только потя-

нулся он к ней, как из тьмы выступил жирдяй, тот самый, с цицит, и заслонил от него красавицу. Но это была не та красавица, которой Шабес-гой стриг ногти.

«Ну, дело плохо!» — подумал князь.

Ах ты, негодяй! — вскричал Шабес-гой на иврите. — Эдак ты верен своей жене?!

3. Жирдяй вызвал полицию

«Долго шли они из улицу в улицу, погружаясь каждый в свои соображения». Полицейский шел посередине и не позволял переговариваться. Только жирдяй откроет рот, чтобы сказать Шабес-гою очередную гадость на иврите, полицейский подымает вверх руку в черной перчатке — эскузе! Так, молча, дошли они до участка, где их предусмотрительно рассадили по разным углам для ведения протокола. На Шабес-гоя навесили антисемитизм. То, что он гражданин Израиля, во внимание принято не было. Шабес-гой внутренне порадовался за Гоголя — тому не приходилось платить штраф за поругание жидов. Теперь за него Шабес-гой заплатит. Только чем? В кармане ни шиша. Мог бы он, конечно, объяснить полицейским, за что вломил жирдяю, но те иностранных языков не знали, а если бы и знали, он все равно бы промолчал. Не занимать же ему место фискала!

Шабес-гой вывернул карманы наизнанку и бросил на жирдяя угрожающий взгляд. Тот все понял, достал из кармана кошелек и заплатил штраф. Потерпевший платит — изумились полицейские и изъявили желание посетить Из-

раиль, посмотреть своими глазами на волшебную страну тотальной взаимовыручки.

Так то была еврейка или римлянка? — спросил Шабес-гой жирдяя, когда они вышли на улицу.

В сияющей панораме предстал перед ними вечный город. Боже, какой вид! Объятый им, он позабыл и себя, и красоту женщины, и таинственную судьбу своего народа, и все, что ни есть на свете.

Это тебя не касается, — огрызнулся жирдяй.

И был прав.

4. Зекутаха нанимает Шабес-гоя

Вернувшись домой после славно завершившейся истории, Шабес-гой вставил ключ в замочную скважину. Ключ не поворачивался. Он постучал. Дверь ему открыл переко Sobоченный господин со складками отвисшей кожи под подбородком. Да это же тот тип из привокзального ресторана.

Вирджинец, какими судьбами?!

Вирджинец — он же Зекутаха — обрадовался Шабес-гою как брату родному. Он показал ему глаза своей бабушки, словно бы Шабес-гой их не видел, и принялся за рассказ, проникнуть в смысл которого было невозможно по причине его невнятности. Шабес-гой слушал молча, кивал одобрительно, словом, вел себя вежливо, как в привокзальном ресторане. Только там они сидели на стульях и вкусно кушали, а теперь стояли в пустой комнате на пустой желудок. Хотя

Вирджинец на голодного не походил, энергия из него фонтаном била. И все по бедной Шабес-гоевской голове. Мать-перемать, дочь-передочь, убийца-переубийца... Ахинея!

Наши суждения не имеют никакой связи с реальностью, — пояснил Зекутаха и принял защитную позу. — Честь имею представиться, коллежский асессор Чичиков! Так назвала меня любимая бабушка. — И опять разнюнился. Человек неустойчивых настроений, то стоит во фронт, то пузыри пускает. — Обмоем нашу встречу прогулкой, — предложил коллежский асессор Чичиков, или Вирджинец, или Зекутаха. Как ни назови, он на любое имя откликается. — Я теперь рестораны обхожу стороной. Чтобы не подцепить инфекции. А от тебя потребую одну услугу.

Потребуешь? — переспросил Шабес-гой у церкви Сан-Пьетро в Монторио.

Да. Напиши сценарий «Возвращение с Голгофы». Ты здорово пишешь, а я здорово плачу.

С чего ты взял, что я здорово пишу? В союзе израильских писателей не состою, литкружки не посещаю, в русскоязычной прессе не засвечен, ни к кому со своим творчеством не лезу. Однажды, правда, подарил рассказ портняжке...

Зекутаха заткнул уши. Он не выносит самоуничужения. Не для этого он разыскивал Шабес-гоя днем с огнем.

Про Заменяющего на Голгофе не ты сочинил?

Я.

Ты сочинил — я прочел. Блеск и треск! Да у тебя этих перлов пруд пруди, мазни рукой по дну, зачерпни в ладонь

самые яркие и неповторимые, промой под краном и разложи на солнце. В воде-то им, бестиям, блестеть и переливаться как нечего делать, а на суше — ни блеска от них, ни треска. Сжуются после усушки и утруски... Бросовый материал... Шабес-гой, спаси, — взмолился Зекутаха, — ну напиши ты, ёшкин свет, пропозл на реальную, но доселе небывалую историю. Отправь Заменяющего на Голгофу, убери Брита на задворки и посади там на цепь, чтоб не шастал и заразу не разносил, утопи Ванду в мыльной пене... Задай им перцу!

Аванс дашь?

Дам. За ночь напишешь, утром заплачу.

Что ж, подумал Шабес-гой, — Гоголь пропозлов не писал, но жил с литературы.

5. Шабес-гою улыбнулась Фортуна

Зекутаха замирал у каждой афиши. «А они, как назло, миллионами пестрели и толпились в глаза, крича о двадцати четырех ежедневных представлениях и бесчисленном множестве всяких музыкальных концертов».

Скоро вместо пестрядины этой будет наше «Возвращение с Голгофы». В обратный путь, господа, в обратный путь!

Шабес-гой был возбужден не меньше Зекутахи. «Отыщите меня, как иголку, пропавшую в сене», — повторял он про себя слова поэта, которого так никто и не отыскал. Шабес-гою повезло, он дождался своего часа. Поэта, сравнив-

шего себя с иголкой в сене, он видел однажды на литкружке. Старик со вздутым животом и кошачьей походкой читал нараспев свои вирши местным графоманам-алкоголикам. «Вот так я и буду стоять со слезой на обочине, / Как будто слеза это мой поводырь и собака... / ...Всего-то и чуда хочу я, чтоб свежую просинью / Забрестило небо в тяжелых и дымчатых тучах / И чтобы я вышел однажды прозрачною осенью / Не просто бродяжить, а рядом талдычил попутчик»*.

Шабес-гой, занявший место забытого поэта, уже не просто бродяжил, он шествовал по Риму с попутчиком, а тот знай талдычил свое — про Иво и постриг, про мать-не-мать и отца-не-отца, про убийцу-не-убийцу, да еще какого-то индуса приплел. Всю эту компанию надо будет прошить во сне невидимыми нитями, а утром получить аванс. И не на стрижку красавицыных ногтей, не на передвижение цветочного горшка в шабатнюю ночь, а на труд жизни, на сочинительство! Чудом попал он на родину Фортуны, и она ему тотчас улыбнулась.

Но почему же тогда, в привокзальном ресторане, Вирджинец не предложил ему сделку? Можно спросить его об этом, но только зачем? Ночью, в Риме, «где величественно и строго подымается темная ширина колизейской громады», лишь отпетый зануда станет доискиваться мелких правд.

* Стихотворение Вениамина Айзенштадта.

6. Матушка с батюшкой смотрят кабельное телевидение

Монгол в национальном костюме болтается на виселице, к нему направляется лев. Двое лежат в пене, на бортиках ванны свечи. Государь-батюшка произносит водянистую речь о водных ресурсах. Белая девушка среди туземцев. Придерживая рукой шляпку, говорит по-английски, ее не понимают. Те, что лежали в ванне при свечах, теперь плывут на катере. Она держит его под дулом револьвера. В чем он успел провиниться за те две минуты, пока мы смотрели на монгола со львом и на белую девушку, пытающуюся войти в контакт с туземцами. И вовсе не безуспешно, вот она уже сидит с ними у костра, они танцуют гольшом и зазывают ее в круг. Он так хорош собой, зачем она хочет его убить?! В Москве наши подметают асфальт вениками из березовых веток. Тот, что лежал в пене, не убит, он снова лежит с ней, только на корме корабля, вместо свечей — море роз. Лев не стал жрать мертвого монгола в национальном костюме, но сожрал живьем того, кто его повесил. Березовые веники перекочевали от наших к пенсионерам Каракалпакии. Белая девушка уже понимает туземскую речь, с одним, похоже, завязывается любовь. Те, в море роз, снова ругаются, теперь он держит нож у ее горла. Монгола в национальном костюме хоронят с почестями согласно местной традиции. Лев урчит над могилой. Китайка в Сохо, рядом вроде бы Алла Пугачева.

Ой, матушка, выруби! Это ж китайский фильм на французском языке с ивритскими титрами...

Да я все жду, когда Рим покажут, сыночка нашего посмотреть.

Приедет твой сыночек, кому он там нужен, за границей-то!

7. И все же есть на земле тихое место

Округ Зальцбурга. Озера в Альпах, луга, тучные стада коров и овец, чистота повсюду такая, что для мертвой мухи изобретен специальный контейнер на выброс, а уж о бумажке, или обертке конфетной, или салфетке использованной ни-ни обмолвиться, — хлева чистые, наличники расписные, тишина и ритм шарманочный, тирольская дудочка, женщины в кружевных передниках, мужчины в шляпах с перьями. Есть здесь места населенные и пустынные. Кройцензее относится ко второй категории. Несколько домов на косогоре, там, где Берта, несколько домов у озера, там, где Эрна. Потому-то убийца-не-убийца и возвел свое клаустрофобическое жилище в Кройцензее. С дороги не видно, с подножья косогора тоже, только пройдя допотопный лес и выйдя на луг с большой мраморной глыбой, напоминающей коня на привале, можно заметить небольшой серый прямоугольник с карманом на боку.

Тихое озеро, скалистые горы с белоснежными пиками, нежная растительность предгорий и бурная, сочная, в горах — все это образовалось после потопа. Следы потопа зримо здесь и сегодня. В густой зелени древнего ельника, среди чешуйчатых стволов, лежат белоснежные валуны, вы-

глаженные водами. Ясно, никто не стал бы завозить в лес и располагать между деревьями эти гигантские обмылки древних пород. Их пригнал сюда поток, и когда все утихло и воды впитались в почву, — произрос и этот лес, и все, что здесь вообще произошло. Случилось это давно, и не в одном Кройцензее. Но все же нет на земле другого такого места, где допотопность была бы столь зрима и неоспорима, как в кройцензейском лесу.

8. Шахья и Логос играют в Царя и Верховного Судью

Верховный судья восседает на троне. У него колючий взгляд. Логос кормит его манной кашей.

Судья должен быть сытым.

Какие боги дремлют на нашей вершине?

Прежде всего, Си-Ван-му. Она похожа на человека, но хвост у нее как у барса и клыки как у тигра. Она любит свистеть.

Шахья вставил расческу в косматую седую шевелюру и свистнул. Вот такая она. Растрепана.

Когда что-то не по ней, она рычит.

И Шахья зарычал, во рту у него были настоящие желтые клыки. Логос испугался и уронил тарелку с кашей на пол.

Не бойся, — сказал Шахья, — Си-Ван-му властвует лишь над простыми людьми. Над нами, мудрецами, она не властна.

Логос вытер рот и бороду Шахьи салфеткой. В доме убийцы-не-убийцы нет водопровода. Логос принес ведро

с водой с озера. Полил Шахье на руки из стакана, смыл остатки каши с тарелки. Разумеется, это не работа царя. Но нарисованные слуги не могут ходить по воду. Намокнут и утонут.

Мы должны уйти отсюда как можно скорей, пока нас не раскрыли, — сказал Шахья.

Я царь — мне и решать когда, — сказал Логос.

Сумрачно в доме убийцы-не-убийцы. Паутина и пыль. В проеме окна — август, свет и зелень.

9. Эрна упала на Лизелотту

С Мартой под руку они шли по тенистой дубовой аллее. Возраст деформирует характер, как подагра суставы. Не те уже руки, не та душа. Эрна превращается в развалину.

Марта довела ее до места, развернула шуршащий целлофан, поделила пополам гвоздики. Маме снесу и вернусь, — сказала она и исчезла из виду.

Странно навещать покойников, когда сам одной ногой в могиле. Разве чтобы увидеть место, откуда она, Эрна, уже никогда не сдвинется. Здесь, около Лизелотты, проведет она оставшуюся вечность. Бррр! Особо страшит стена с захороненными в ее нишах урнами, ящички с подписями, как в провизорской. В одной из них замурован доктор. Провизорская, лекарства... Это в его духе. Лизелотту следовало похоронить в саркофаге, с кремами и притираниями. Как египетскую мумию.

Эрна прислонилась спиной к дереву — не хочется, ну как же не хочется ей в эту коричневую духоту с червями и мокрицами, — гвоздики выпали из рук, она нагнулась, чтобы поднять их, и упала на Лизелотту.

В ногах копошились муравьи, над головой шуршали кроны гигантских дубов.

10. Шахья меняет батарейки в приемнике

Гильгамеш, куда ты стремишься? Жизни, что ищешь, не найдешь ты! Но упрям Гильгамеш. Приходит он на берег моря, к водам смерти. Стражник уговаривает его: не пытайся пересечь море смерти, наслаждайся жизнью. Боги, которые создавали человека, — смерть они определили человеку, жизнь в своих руках удержали. Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок, днем и ночью играй и пляши ты. Но и к этому совету не прислушивается Гильгамеш. Он добывает со дна моря чудодейственное растение, дающее бессмертие. По пути в Ур он останавливается у водоема, чтобы омыться и сменить одежду, и в это время змея, учуяв аромат растения, хватает его и уползает с ним, по пути сбрасывая кожу. Так утрачивает Гильгамеш средство для бессмертия. Вы прослушали краткое содержание оратории «Гильгамеш».

Приемник убийцы-не-убийцы работает. Просто нужно было поменять батарейки.

Логос рисует. Шахья дремлет под странствия шумерского великомученика. Ватный сон истыкан иглами. Не идти

в сторожку. Никуда не взбираться. Логос даст манной каши. Смерть определена человеку.

11. Шабес-гой становится Князем, а Брит — Шабес-гоем.

Из Рима Иерусалим виден как на ладони. Старый город, Храм Гроба Господня, Голгофа, Нахлаот, Гееном* ... На Зекутахины деньги можно будет прилично жить и писать свое. Кстати, больше он не Шабес-гой. Теперь он зовется Князем. Брит перенял у него эстафету и теперь не только зовется Шабес-гоем, но и заменяет его на боевом посту. По шабатам стрижет ногти, переносит с места на место кадки с цветами, а в свободное от работы время пишет диссертацию про Амалию Секбах, глаза которой бывший Шабес-гой, а ныне Князь, переслал в Израиль диппочтой. На стенах остались пустые глазницы формата А-4, и Князь, заручившись поддержкой Зекутахы, рисует на них свои картины. Не менее сумасшедшие, скажем так.

Новоиспеченный Шабес-гой звонит из Иерусалима по любому пустяку — как вызвать «скорую» в шабат, если роды подоспели, можно ли пользоваться лифтом в больнице или роженицу надо нести на руках на девятый этаж. После надлежащих указаний Князь всякий раз передает привет жирдяю. Но их здесь столько! Ничего, ты его сразу узнаешь, вот пожелает к тебе ночью с красавицей...

* Гееном (*יעִנוֹם*) — преисподняя. Долина возле старого Иерусалима, где по преданию находилась преисподняя.

12. Зекутаху тянет на «не-не»

Шлаки, Князь, выводятся из организма трудней, чем из привокзального ресторана! Я заразился микробом СР от Брита, липового родственника с оптическими нарушениями. Родственничек этот, с его внутриутробными походами смерти, дорого мне обошелся. Я выдал ему аванс, отправил в Израиль, а он, можно сказать, спустил в унитаз все мои денежки. Но не все, конечно, квартира сеньоры Керубини стоит миллионы.

А по-моему, он отличный парень, заменил меня временно на посту шабес-гоя, я в его квартире живу.

Не в его, а в моей! — уточнил Зекутаху и перешел к делу. Он прочел новый пропозл. Блеск и треск! Ни одной лишней детали. Ни одной детали вообще. Теперь надо набить мясом каркас.

Бабки вперед.

Зекутаху вывалил из кейса тяжеленную папку.

Мы так не договаривались.

Зекутаху отслюнявил пару зелененьких и положил их на матрац.

Князь благодарно склонил голову, и раскрыл папку. Зальцбург, Гамбург, Индия... Ты что, в командировку меня отправляешь?

И не думаю! За мясом летаю я. А ты его ты должен вернуть в мясорубке своего сознания. За это я тебе и плачу. И Зекутаху назвал такую цифру, что только очень честный идиот смог бы от нее отказаться. Князь к этой категории не

принадлежал. Покряхтев и почесав залысину, он попросил заказчика изложить суть истории, но без витиеватостей. Если это ему удастся, Князь пойдет на риск.

На удивление, Зекутаха оказался толковым рассказчиком, а Князь — внимательным слушателем, лишь изредка перебивал вопросами, как выглядит то или это место. Значит, говоришь, из потопа — в допотопную страну? Это пойдет. Из потопа в замшелую Европу!? И это пойдет. Логос, обретший речь, и Шахья, временно ее утративший. Неплохо. Индус замерз, оттаял и принялся играть в игры с Логосом? Непонятно. С этого места поподробнее.

Логос — это единство Разума и Закона, и это лишь одно из множества определений.

Достаточно одного, — сказал Князь. — И так понятно, почему Шахья с Логосом играют в Царя и Верховного Судью.

Только без зауми! — вскричал Зекутаха. — Это живые люди и живые события, я за ними черт-те куда мотался, лбами сталкивал, чтоб искру высечь!

Не плачь! — обнял его Князь. — Истории гениальные, мы увяжем их в целое.

Зекутаха воодушевился и продолжил рассказ. В пазле переплетений судеб Князь прежде всего отметил темы двойничества (Заменяющий — Заменяемый, два доктора), укорененности и чужестранства (Эрна — Шабесгой), преступления и безнаказанности, и, как следствие, отравление, потеря цветности, попадание в места скопле-

ния ядовитых шлаков. И «не-не» — убийца-не-убийца, отец-не-отец... Зекутаха-не-Зекутаха, Вирджинец-не-Вирджинец!

Чичиков-не-чичиков, итальянец-не-итальянец! — подхватил Зекутаха. — Так и тянет тебя на «не-не»!

В жизни все так и происходит. Вечная неопределенность, размытость всех и всяческих устоев... Выудить в мутной водичке историю типически нетипичную, без витиеватостей. Твои слова повторяю, Князь. Мы-то ведь с тобой тоже двойники — без роду и племени!

Этого определения Князь не принял. Он из России Гоголя, есть у него род и племя.

Есть и хорошо, — согласился Зекутаха и достал коньяк из кейса. — Ну что, летишь со мной?

Князь прошелся взглядом по нелепейшей его фигуре. Обтрепанный в меру пиджак кофейного цвета залегал лоснящимися складками у живота, дряблая кожа шеи утекала в ворот грязно-голубой водолазки. Широкие ноздри хрящеватого носа сокращались и расширялись, придавая всему его облику выражение ищейки, берущей след.

Нет. Я буду на месте переваривать то, что ты мне поставляешь, — сказал Князь, осушив рюмку. — Проникся я твоими «не-не».

А чем же все кончится?

Когда кончится, тогда и узнаем, — ответил Князь.

Так что, добирать еще материалу, или хорош?

Тут я тебе не помощник, дорогой Зекутаха. Насквозь не вижу, в твой «горшочек-вари» влезть не могу. Найдешь за-

вершающую историю — хорошо, не найдешь — будем шить из того, что есть. За призраками не гоняйся. Их и так в избытке.

На посошок распили бутылку. Неизвестно, как Зекутаха добрался до аэропорта, но Князь где сидел, там и уснул. Такого с ним никогда не случилось.

13. Последний виток

В самолете Зекутаха протрезвел и записал в ежедневник: «Для чего я летаю и вникаю?! Мои истории происходят в местах легендарных, но развиваются не по легенде». Он закрыл глаза и стал ждать прилета новой мысли, но погода была плохая, самолет болтало, вопросительные знаки цеплялись крючками за плотные слои атмосферы. Пустить все на самотек? Проверить, что делается на местах, и вернуться с отчетом к Князю? Главное — не увязать, ибо именно вязкость мышления тормозит процессы. Это он записал. Но какие именно процессы? Все его силы уходят на поиски историй, он же не писатель, чтобы предаваться игре воображения, сидя за столом в своей комнате. С другой стороны, реальность существует только для того, чтобы от нее отталкиваться. Самолету, чтобы взмыть в облака, нужно прежде промчаться по взлетной полосе земли.

14. Суд над Кноблем

В среде земноводных много шороха и ползучести. Кнобль, Кнобль, Кнобль... — догрызают имя. Скучно Верховному Судье без Царя. Сиди без дела и слушай — Кнобль то, Кнобль се. Где нет справедливости, там и суд неправый. Кто знает, навредил ему этот Кнобль или нет? Человеку здесь суждено погибнуть.

Эрна сидит рядом, размазывает грифель пальцем. Дамы на листе превратились в жирных зверюшек. Она вцепилась друг другу в волосы и кричат.

Дайте богам спать! Вас смоеет потоп! — не выдержал Шахья.

Эрна взяла его за руку, чтобы ввести из зала. Но судья остановил вопросом:

Шахья, вам знаком этот человек? — И указал на Кнобля.

Прежде всего, задающий вопросы ему не знаком. Но задающий вопросы связан с Кноблем. Значит, он его часть. И эта часть Кнобля ему не знакома. Так он ответил.

Раздался смех.

Судья поблагодарил Шахью.

15. Ванда увозит индуса

На скамейке у фонтана со змеями сидели две дамы и плакали. Зверюшки, которые только что кричали и цеплялись за волосы.

Вокруг все городское, уличное, фонтан со змеями, молодежь на траве. Смотреть на город и не двигаться. Но Эрна не оставит его здесь, возьмет за руку и поведет в машину.

Он не угадал. Эрна пригласила дам по имени Агнес и Ванда. В то кафе, где она ела мороженое, когда была маленькая, а ее мама пила кофе и читала газету с объявлениями о концертах и спектаклях.

Шахья шел между ними, свободно, не за ручку, переходил улицу на зеленый свет. Дамы смотрели на него особенно. Видимо, догадались, что он и есть Верховный Судья.

В кафе дамы много разговаривали, а Эрна молчала. Она все время молчит.

Моя покойная бабушка оплела меня непрочными связями, — сказала Агнес и поправила платок на шее.

Ванда уплетала шоколадный крем. После лечения у нее развился аппетит, даже ночью она пробуждается от желания съесть пирожное или взбитые сливки.

Агнес теряет всех, с кем знакомится. Обрела и потеряла Джона Червенку, встретила с Бритом у сеньоры Керубини, тот исчез из виду, а сеньора умерла, возник какой-то внук-не-внук по имени Зекутаха — и пропал с горизонта.

Скажите спасибо! Он негодяй, пройдоха, нахал и хлюст! — Ванда салфеткой стерла с руки Шахьи шоколадный плевок и поймала на себе взгляд Эрны, не очень одобрительный.

На Ванду лучше не смотреть, от этого ломит внутри. Смотреть в окно, быть с теми, от кого ты отделен стеклом. Мальчик привязал велосипед, бабушка ведет за руку ма-

ленького мальчика в белой рубашке с черным галстуком. Логосу бы подошел такой наряд.

Во что превратился Шахья! — вздохнула Ванда, вставая из-за стола. Она помнит, как он сидел у Кристины, часами, неподвижно, помнит его глаза, полные безмолвной мольбы. И такого человека она пыталась выставить убийцей. Индус — убийца!

Индус посмотрел в окно. Там стояла Ванда. Только что она была здесь, что-то говорила... Ванда постучала острым ноготком по стеклу. Она позвала его к себе.

Седой красавец-индус и гордая полячка. Она поводит плечом, а он стоит, вытянув перед собой большие руки с тонкими пальцами. Вид ну просто дебильный. Запихать его в машину и увезти. Так она и сделает.

16. Рождение Швенка

У Дианы преждевременные схватки. Что такое, почему? Тяжестей не подымала, не нервничала, соблюдала режим дня. Проклятие имени, думает Шалико. Время, если на нем сосредоточиться, очень долгая вещь. Минута как год. Шалико не отводит глаз от секундной стрелки, считает, сколько раз пробежала она по кругу. После десяти подходит к окошку. Родила? Еще нет, ждите.

И вот свершилось! Шалико Гогоберидзе! У вас родился сын.

Шалико вприпрыжку помчался к лифту. Время снова растворилось, перестало ощущаться.

И правда, лежит Швенк под колпаком, целых два килограмма живого веса, дрыгает ножкой, кривит рот, вякает. Недоносок поет и танцует, — изумился Шалико, и с этой минуты запретил себе называть сына недоноском, даже про себя нельзя. Диана, ты гений!

И подумал вдруг Шалико, или мысль сама пришла, что тот, прежний Швенк, тоже когда-то родился, тоже был мелким, долго рос в бедной семье, а оказался какой талант! Сам выучился играть, петь и сочинять, — все его любили, и так любили, что через пятьдесят лет помнят, — а какие-то мудаки взяли и убили его. В самом расцвете. Никто от несчастий не застрахован. Мой Швенк тоже. Хуже того, его могут убить тем оружием, которое я продаю. Выходит, права Диана.

Но такие мысли, как бабочки-однодневки, прилетают в особые мгновения жизни и исчезают без следа.

Маленький Швенк горланит день и ночь. Из-за бессонных ночей Шалико ошалел — и продал оружие не той стране. Вышел международный скандал. Шалико уволили из компании. Теперь все сходится. Швенк будет артистом из бедной семьи, может даже, из семьи портного, если скорняк, который пошил Диане норковую шубу, согласится взять его, Шалико, в подмастерья. Ради ребенка, подающего надежды...

Не усугубляйся, — утешает Шалико Диана. — Припрет, выйду на работу, все лучше, чем оружием торговать.

17. Рахель и Брит попали в замкнутый круг

На одном холме — Иерусалимский лес, на другом — кладбище. Белое, аккуратное, рядами. На одном холме — зелень, на другом — белизна. Между ними пропасть.

Брит не знал, что на том холме кладбище. Принял его за жилой массив.

Здесь, в лесу, на каменистой проплетине, среди елей, их никто не увидит. Рахель легла на землю. Под головой камень. Над головой сучок. Вокруг иглы, сухая трава, колючки. Шишки огромные на низкорослых деревьях, раскрытые, многопальцевые и едва приподнявшие ногти. Кусок голубого неба.

И все-таки она струсила и давай бежать, с камня на камень перепрыгивать. Права Лейка, — подумала она, увидев голубую рубаху меж зеленых деревьев. — Ничего у них не клеится.

Брит думал об одном — выбраться бы поскорей из этого чертова леса. Зачем она привела его сюда?

Взобравшись вверх по насыпи, он увидел кладбище машин. Ржавые кузова без колес, жуткое месиво из железной арматуры.

Рахель, мы попали в провал!

Да нет, мы почти дошли, осталось несколько ярусов!

На следующем ярусе они увидели грязно-розовую лестницу, ведущую к дому на выступе. Они зашагали по лестнице, обогнули дом и оказались на том же месте.

Не так-то просто выбраться из провала. Ноги увязали в темно-коричневой пыльной земле. Брит не оборачивался, кажется, ему было все равно, идет она за ним или нет. Он первым перелез через ограждение — и стал лицом к белому кладбищу. На другой стороне долины сиял Иерусалим. Облокотившись о заграждение, Брит думал — не избавиться ему от одиночества. От пустоты, у которой нет границ, а стало быть, и формы.

18. Кто здесь смеется?!

Человек-руина глянул сквозь трещину и увидел смуглого мальчика, что-то рисующего на листе. Мальчик ощутил взгляд. Встал с камня и двинулся навстречу руинным глазам. Из расщелины на него поползли жуки невиданной раскраски. Глаза земли.

Он присел на корточки, пытаюсь поймать жука на рисунок, ну хоть одного. Но красавцы с прозрачными животами-зрачками и разноцветными пятнышками хрусталиков посредине, с лапчатыми ресницами, тонкими и черными, отпрыгивали от края листа, а руками он боялся их трогать.

Логос вспомнил, что он царь. А раз так, жуки обязаны беспрекословно подчиняться его воле. Получив от царя приказ, жуки тотчас расселись по местам, приподняли крылышки-веки и замерли. Царь нарисовал их и остался доволен делом рук своих. Показал рисунок жукам, и те кокетливо сложили крылышки. Но что понимают жуки в искусстве? Главное мнение — за Верховным Судьей.

Шахья! — позвал его Логос. В ответ раздался лишь руинный смех. — Шахья, я царь, но я боюсь, куда же ты запропастился?

19. Сын-не-сын отца-не-отца

«Во второй половине второго тысячелетия до н. э. на побережье Сирии и Палестины, а также в районе Эгейского моря приобрели популярность парфюмерные коробочки в форме утки. Эти коробочки делали главным образом из кожи бегемота. Голова утки на них, как правило, обращена назад. Крышки имитировали два крыла или утят, сидящих на спине матери, которая повернула голову, чтобы взглянуть на свой выводок».

Чтение — забытьё. Слова укладываются в парфюмерные коробочки из кожи бегемота. А она, Эрна, и есть та самая утка, которая обернулась, чтобы посмотреть на свой выводок... Чужое странное семейство.

Куда запропастился Верховный Судья? Почему его так долго нет... — расхныкался Логос. Он забрался на диван и прижался к Эрне. Пухлая ладошка с длинными, как у Шахьи, пальцами, вызвала в ней еще не забытую нежность, и она гладила его тихонько по спине и плечам. Сын-не-сын отца-не-отца. Иногда, думала Эрна, насыщенность одного мгновения окупает всю протяженность жизни, а протяженность укладывается в мгновенье. Мешают часы и календари, мешает множество фикций, культурных

и родовых условностей, и мы, жалкие, напуганные существа, вынуждены играть в надоедливую игру в хорошо-плохо и можно-нельзя.

Эрна встала, раскрутила тюбики, выжала на палитру все имеющиеся цвета, провела по ним кистью и вмазала по холсту.

20. Рим Гоголя вытеснен призраком Кройцензее

Сценарий расползся. Князь оседлал историю с Голгофой, гарцевал на ней, не держась за уздцы, и потерял управление. Кройцензейский сюжет с индусом в главной роли не подчинился наезднику, он мчал галопом по ухабам и допотопным валунам, взмывал к вершине горы с висячими садами и спускался к тихому озеру с купальней и раскладушкой; перед явлениями золотой космической черепахи, полетами сеньоры Керубини на крылатом льве с человеческим лицом и прочими событиями того же ряда сюжет заржал и встал на дыбы.

Наездник свалился, но не расшибся.

Обросший, в трусах и рубашке, сидел Князь за столом сеньоры Керубини, грыз в задумчивости карандаш и думал о том, что чудеса бездействия хороши для литературы, но губительны для кино. Он смотрел в колодезь двора на покрытый плесенью настенный фонтан и видел дом на берегу тихого озера, допотопный лес с белыми валунами, клаустрофобическую постройку с окном на боку. Все подходило для романа, но не встраивалось в сценарий.

21. Слиться со смертью

Зеленая мошка с прозрачными крыльями и оранжевыми точками глаз ползает среди пепла. Над ней рука Ванды с зажженной сигаретой. Шахья испугался, взял Ванду за руку, указал на мошку в пепельнице. Красавица, чудо с ноготок.

Над столом качнулась шестикрылая люстра, поплыли по стенам зубчатые тени. Замерла в пепельнице зеленая мошка. Ванда положила голову Шахье на плечо. Тень разрежала лоб. Шахья вынул расческу из кармана и запустил Ванде в волосы. Растрепал! Шахья убрал расческу из волос, положил на место.

Здесь он был. Видел шестикрылую люстру. Ветер развеивает занавески, все двигается перед глазами, оставаясь стоять на месте. Она говорит, но он ее не слушает. Ее речь — долгий монотонный звук от стены до стены. Что это за женщина?

Шахья повел носом у ее загривка. Задышал полной грудью, пытаясь выдышать из-под слоя благовоний тот запах, который искал.

Мошка поднялась на паутинных лапках. Повиливая невесомым светло-зеленым телом, она пыталась выбраться из пепла. Эфемерное создание, прозрачнокрылое, с малюсенькими блестящими глазками. Что чувствует мошка, карабкаясь по краю бело-голубой фарфоровой пепельницы? Для нее горстка пепла — гора. Выше, чем та, на которой стоит сторожка и куда он никак не дойдет.

Ванда ушла. Он выкрикнул ее имя. Услышал голос и пошел на голос. Она лежала в пене. Голая дама со всеми признаками жизни. Глаза смотрят, ноги двигаются. Это красиво. Такое он видел, когда сошла вода. Только никто не двигался. И духи тех, кто лежал под желтым одеялом воды, витали совсем неподалеку. Слиться со смертью...

Шахья разделся и лег к Ванде. Теплая вода... тело женщины... Они соединились глазами. Сошлись носом к носу.

Он вспомнил. Вспомнил испепеляющий взгляд. Бросился из ванной к пепельнице. Зеленая мошка лежала вверх лапками.

Шахья забрал вещи из ванной, вытерся полотенцем, оделся. Ванда разглядывала его. Да он нормальный! Что они все болтают, и трахнуть может, и одеться, и вытереться насухо. Разумеется, он индус, и у него свои заморочки. Нельзя убивать живое. Возня с мошкой!

22. Брит устал биться о бескрайность

Как-то раз под вечер (Князь перестал считать страницы, и что на какой произошло, теперь сказать трудно) он увидел Брита на месте настенного фонтана. Видение отлепилось от стены и враскачку двинулось к парадному. Пробухали тяжелые шаги по облицованной мраморной крошкой лестнице, и Брит вошел в квартиру, открыв дверь своим ключом.

Что с тобой?! — воскликнул Князь, взглянув на небритого Брита с красными глазами.

Я устал биться о бескрайность, — сказал Брит. — Дай что-нибудь выпить... или съесть. Для подкрепления духа.

Дух подкреплять было нечем, Князь взял авоську и отправился в магазин.

23. Зекутаху тошнит от Рима

Пьяный в стельку, слюнявый и сопливый, он бросился Князю на шею, прилип к нему, разнюнился.

Я прогорел... проиграл пари... истории больше нет...

Что произошло в Кройцензее?

Вот ты мне и расскажешь! — заорал Зекутаха не своим голосом и плюхнулся на асфальт.

Князь поднял его и встряхнул, как следует.

Ты понимаешь, где находишься? Видишь ли ты перед собой вечный город?!

Зекутаха икнул.

Во время насильственной прогулки его как следует вывернуло, нутро очистилось от шлаков, но сознание не прояснилось. Князь вел его под руку мимо знаменитого фонтана четырех рек и «в порыве душевной жалости готов был лить слезы. Но утешительная, величественная мысль приходила сама к нему в душу, и чуял он другим, высшим чутьем, что не умерла Италия, а значит...»

Завязывай с Италией! — рывкнул Зекутаха. Сознание вернулось к нему в самый не подходящий для Князя момент, когда он, выбравшись из подполья кройцензейской мистерии, оказался на освещенной площади у фонтана Бернини.

Ты знаешь, зачем он построил здесь эту махину? Да чтобы насолить ненавистному архитектору церкви! Видишь, аллегорические фигуры рек повернуты к фасаду задницей, одна в ужасе прикрывает лицо, другая прячется за покрывалом...

Ты мне зубы Бернини не заговаривай! Я желаю немедленно ознакомиться с текстом. Что там у тебя в конце?! — спросил он Князя с остаточной безнадежностью в голосе.

Его пришлось отсечь.

Отсечь?!

Прочтешь вслух. Как Гоголь.

Тогда нужны две старушки, — сказал Князь и вспомнил про Брита. — Пройдем через супер, подхарчимся.

Зекутаха против этого никогда не возражал. Лишь бы не в ресторане.

«Вся светлая груда домов, церквей, куполов, остроконечий сильно освещена была блеском понизившегося солнца. Группами и поодиночке один из-за другого выходили дома, крыши, статуи, воздушные террасы и галереи; там пестрела и разыгрывалась масса тонкими верхушками колоколен и куполов с узорной капризностью фонарей...»

Заткнись, — оборвал Князя Зекутаха, — тошнит меня от твоего Рима.

24. Вечера на хуторе Кройцензее близ Зальцбурга

Брит меж тем перебил всю посуду, зачем-то высыпал сахар на пол. При виде Зекутахи он и вовсе взбесился, бросился к окну, но открыть не смог. Дурдом, подумал Князь, все еще пребывая в ровном расположении духа. Зекутаха на такое поведение невесть откуда взявшегося здесь лже-родственничка отреагировал своеобразно. Надел черные очки, перетащил матрац в угол, подальше от разносчика инфекции, и улегся.

Князь отвел Брита в ванную и поставил под душ. Бывает, безумие охватывает всех разом. Кармические причины? Озоновые дыры? Захлебываясь водой, Брит рассказывал Князю о происшествии в Иерусалимском лесу, напротив которого, представь себе, было кладбище. Выслушав штрих-пунктирный рассказ Брита про неудавшийся роман, Князь подумал: пора возвращаться в Иерусалим. Заменить на посту Брита, временно его заменившего. Снова стать Шабес-гоем.

Мы тебе еды принесли, — сказал Князь.

Я вами сыт по горло, — огрызнулся Брит и ушел в спальню сеньоры Керубини.

Князь умылся, побрился, попрыскал дезодорантом под мышками.

Так что произошло в Кройцензее? — спросил он Зекутаху.

Это я хочу узнать у тебя.

Но ты же там был!

Был.

Тогда не темни!

Друг мой, — Зекутаха раскуривал трубку, развалившись на матрасе, — какое имеет значение, что произошло на самом деле. Реальность существует только для того, чтобы от нее отталкиваться. Читай!

«К пристани в Кройцензее причаливает белоснежный катерок с цветными флажками. Шахья медленно идет к дому. Яркий свет пристани за спиной. Контур старых ветел. Гроздь рябины. Ночной холодок.

Каждый шаг как воспоминание. Это и есть он, тот самый Шахья, который когда-то приехал из Индии в Европу учиться, встретился с Кристиной, женился на ней, у них родилось двое детей, потом он затосковал и уехал домой, к родителям, где встретил Риту-Ниррити и полюбил ее. Потом случилось то, что случилось, он вернулся с Логосом, прилепился к Эрне, которая знала ту точку на вершине горы, с которой можно одолеть пустоту. Зимой вершина покрывается льдом. По дороге к ней Шахья замерзает, на его оттаивание уходят годы.

И вот он собран, но посередине пути его поджидает чужая смерть. Он так и не смог добраться в ту точку, с которой можно одолеть пустоту. Он погружается в мыльную пену. Замирает зеленая мошка».

Зекутаха вытер шею носовым платком, отпил вина из бутылки.

За зеленую мошку!

25. Тривиальный конец нетривиальной истории

Шахья стучался в дверь, звонил, но ему не открывали. А свет горит. Где Эрн?! Он сел на лавку у купальни. Здесь, на этом месте просил он Кристину подождать, дать ему время...

Теперь ждет он, длится бесхозное время у безучастного озера. Он лег на раскладушку, чтобы видеть небо. Луна еще не выкатилась из-за хребта, небо было черным, звезды — далекими. Траектория мошки.

Да прибеи ты эту мошку, — всхлипнул Зекутаха. — Мне и так страшно...

Князь продолжил чтение. Он подходил к развязке. Она не написана, но он ее знает.

Это шантаж! — взревел Зекутаха, и Князь отшатнулся, увидев перед собой собачью морду с клыками и высунутым языком. Какой там коллежский ассессор! Литературные фантазии, глупости начитанных.

Ты лучше меня знаешь, чем дело кончится.

Знаю, но хочу услышать это от тебя.

Плати, — сказал Князь.

За что?!

Если совпадет — за совпадение.

Зекутаха вынул из кармана чековую книжку и положил на пол перед Князем. Говори — и чек твой.

Я знаю, чем все кончится, — сказал Брит, входя в комнату и усаживаясь около Зекутахи.

Уйди и не вмешивайся!

Так чем же? — спросил Князь Брита.

Это нечестно, — воспротивился Зекутаха.

Брит отошел в дальний угол комнаты. Ему тоже не терпелось услышать конец истории, в которой он играл не последнюю роль.

«Время шло, Шахью знобило от озерной сырости, глаза его сами собой закрывались, но дрожь мешала телу расслабиться и уснуть. Мозг его дремал, отказавшись считать минуты и часы. И он увидел детей в прежнем доме и Эрну мертвой. Видения становились все ярче, — так уже было однажды, когда он замерз и, чтобы его оттаять, через него пропустили электрический ток.

Утром его нашла Берта-молочница. Он был еще жив, дышал отрывисто. Пока она бегала за своим мужиком, Шахьи не стало.

Эрна умерла тем же утром, во сне».

Ну а что было на холсте, может, ты и это видел?

Князь описал картину, которая осталась на подрамнике. Яркую точку, с которой Эрна наконец-то одолела пустоту. От этой искрометной точки, как от балдахина Бернини, раскручивались по спирали эллипсы невероятных цветов и оттенков, они не замыкались, и из зазоров выстреливали росчерки волшебных флейт с едва намеченными черточками клавиш, — готика, барокко — все читалось вместе, и эта была Эрна, ее страсть, всей жизнью втиснутая в рамки, и в последнюю секунду прорвавшаяся на полотне эллипсами волшебных флейт.

Зекутаха разрыдался. Но не оптические нарушения были причиной его слез, и слезы эти никак нельзя было назвать

слезами радости. Так что Брит тут был ни при чем. Ему и впрямь жаль героя нетривиальной истории, которая кончилась столь тривиально.

Неужели все так и было, неужели это правда?! — воскликнул Князь, ощущая себя то ли наемным убийцей, то ли Мойрой, провидящей магистральные развязки судеб.

Увы, — тяжело вздохнул Зекутаха, и рассказал, как ездил к Ванде и отделал ее по первое число. Дрянь баба! Зачем отпустила Шахью домой?! Почему не поехала вместе с ним в Кройцензее, когда ей позвонили и сообщили про Эрну?! Сходи-ка за вином, — попросил Зекутаха Брита и протянул солидную купюру. Теперь он был похож не на злую, а на побитую собаку. Да и на собаку похож не был. Человек как человек. Просто у среднестатистических людей все звери сидят внутри, на привязи или в клетке, а Зекутаха держит их на воле. Но если уж пришло время сказать доброе слово в его адрес, то признаем, что из всех пороков, которыми он страдал, будучи частью человечества, один ему явно был не свойствен. Жадность. Все свои безумства он оплачивал сполна.

Брит ушел за вином.

Давай вернем Шахью! — сказал Князь, когда Брит ушел. — Я свыкся с ним, сошелся во многом. Я люблю его, в конце-то концов!

И я, — признался Зекутаха. — Меня восхищало в нем светлое, пронзительное безумие. Верни его, я буду по пятам за ним ходить...

По пятам ты и сейчас можешь ходить, — заметил Князь.

26. Брит выпал из истории

Обескураженный услышанным, Брит слонялся по винному отделу. Князь запутался в отравлениях, убийствах, замерзаниях и оттаиваниях и заперол сценарий, на который и он, Брит, возлагал столько надежд. Патетика с мошками зелеными! Тема его любви, угодившей в провал, осталась за кадром. А ведь трещина произошла в тот момент, когда Зекутаха в последний раз облетал своих персонажей. Мимолетом разбил он счастье тех, кому в сценарии не отводилось никакой роли.

Заплатив за две бутылки хорошего вина и, таким образом, расставшись с деньгами Зекутахи и с ним самим, Брит вышел из магазина нормальным человеком. Человеком, имеющим полное право на тривиальную жизнь: защитить диссертацию, получить ставку в музее еврейской катастрофы и героического сопротивления, жениться, родить детей. Судьбы не вошедших в историю никого не интересуют.

Он позвонил Рахели, и она тотчас сняла трубку.

Где ты? Мы с Лейкой не вытерпели и всю кашу съели. Ладно, иди, сварим новую.

А разве мы с тобой не провалились в трещину на кладбище машин?

Брит, в Иерусалиме сумасшедших и без тебя хватает. Кашу варить?

Я вино купил. Две бутылки.

Так варить кашу или нет?

Вари, мне пора кормить своих мертвых.
Брит, прошу тебя, не говори так больше!
И он пообещал Рахели больше так не говорить.

27. Князь прощается с Римом, а мы — с Кройцензее

Не все кошки ночью серы. Рыжая прошмыгнет между дорийских колонн, белая с черным пятном на мордочке высунется из-под капители, альбиноска спрыгнет с обломанного носа богини, — феллини, феличе и феличита куролесят до рассвета в колизейской кастрюле.

Князь прощается с Римом, он уезжает богатым, а может и знаменитым. Осталось раскрыть наугад «Рим» и прочесть на дорожку: «Над развалинами огнистыми фонтанами подымались светящиеся мухи, и неуклюжее крылатое насекомое, несущееся стоймя, как человек, известное под именем дьявола, ударялось бестолку ему в очи».

Крылатое насекомое, несущееся стоймя — это Зекутаха, — менял же он ездовых по сезону! Имя дьявола — Азазель. Гоголь побоялся его произнести, а мы произнесем. Есть и другая догадка, но Князь наложил на нее эмбарго. Ведь сколько ни бейся дьявол в очи, все будет бестолку.

28. Ох, матушка, неужто отыграли мы пиесу?

Отыграли, батюшка, пора читать наставление.
А кого наставлять-то?
Публику.

Сбрендила ты, матушка! Кому нынче нужны резоны?
Тогда туши свет, батюшка, и айда в подушкин переулок.
Хорошо тебе, батюшка?
Славнехонько, сны в темноте, что кино цветное.
И ангелы летают...
Веерными крыльями машут...
Поют...
И дремы навевают...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ЛИЗЕЛОТТА	5
Часть вторая. ШАХЬЯ	141
Часть третья. ЭРНА	207
Часть четвертая. ЗЕКУТАХА	275
Часть пятая. ШАБЕС-ГОЙ	323

Литературно-художественное издание

Елена Макарова

СМЕХ НА РУИНАХ

роман

редактор

Татьяна Тимакова

художественный редактор

Валерий Калныньш

корректор

Ирина Машковская

Подписано в печать 02.06.2008.
Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага писчая.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,1. Тираж 3000 экз.
Заказ № 439.

«Время»
115326 Москва, ул. Пятницкая, 25.
Телефон (495) 951-55-68
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

ISBN 978-5-9691-0338-2

9 785969 103382

елена
макарова

смех
на руинах

роман

Найдется ли на свете такая история, которой никогда не было? Этим вопросом озабочен главный герой романа Елены Макаровой «Смех на руинах». Новоиспеченный Чичиков готов купить небывалую историю за любые деньги. Да где ее взять? Фантазмагорический сюжет разворачивается в реальности, однако имеет множество отсылок к прошлому, к руинам XX века, из которых и произросли персонажи романа. Пошлости разрушителей и выхолащивателей противостоит отчаянная попытка художников собрать осколки воедино и возродить смысл. Само название романа — это цитата из песни, написанной в концлагере и ставшей гимном: «Мы еще посмеемся на руинах гетто».

<http://books.vremya.ru>